

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 1 (53)

Нижний Новгород

2021

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова. Вып. 1 (53). — Н. Новгород: НГЛУ, 2021. — 175 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Ж. В. Никонова

Редакционная коллегия:

А. В. Иванов (*зам. главного редактора*), Р. М. Шамилов (*отв. секретарь*), М. А. Ариян,
О. В. Байкова (Киров), К. Э. Безукладников (Пермь), М. К. Бронич, М. А. Викулина,
Н. К. Гарбовский (Москва), Н. А. Голубева, М. А. Грачев, Б. А. Жигалев, В. И. Карасик
(Москва), С. Б. Королева, Л. П. Крысин (Москва), И. В. Леушина, Н. В. Макшанцева,
М. И. Никола (Москва), О. А. Обдалова (Томск), О. Г. Оберемко, Е. Р. Поршнева,
Л. В. Рацибурская, Т. Н. Синеокова, В. В. Сдобников, Д. Боксэ (США),
Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия),
К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2021

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

LUNN BULLETIN

Issue 1 (53)

Nizhny Novgorod

2021

LUNN Bulletin. Issue 1 (53). — Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2021. — 175 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

Zh. Nikonova

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), R. Shamilov (*Executive Secretary*), M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich, M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, B. Zhigalev, V. Karasik (Moscow), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina, N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko, E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА	9
Лексема <i>Glück</i> в немецких словарях XVI–XIX вв.: лексикографическая репрезентация и интерпретация понятийного содержания <i>Иванов А. В., Иванова Р. А.</i>	9
Переводческое задание как инструмент взаимодействия участников процесса перевода <i>Княжева Е. А., Боровкова Т. Ю.</i>	23
Перспективы современных систем машинного перевода <i>Кузьмин О. И.</i>	41
Смена предиката как форма когнитивной адаптации текста при переводе <i>Родионова М. Ю.</i>	53
Роль когнитивных паттернов в моделировании действительности средствами естественного языка (на материале английского когнитивного паттерна <i>чистота / грязь</i>) <i>Савицкая Е. В.</i>	69
Сравнительно-сопоставительный анализ корпусных инструментов (на примере работы с корпусами кинодискурса) <i>Шамова Н. А.</i>	82
Метафора как базовый компонент эмоционального пространства текстового материала <i>Шатских М. В.</i>	96
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР	112
Хронологически обусловленные особенности поэтической техники У. Уитмена в свете переводческих проблем <i>Пивень (Никитина) И. В.</i>	112
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	123
К вопросу формирования языковой личности в контексте профессионально-ориентированной иноязычной вузовской подготовки <i>Коняхина Л. М., Яковлева Л. В.</i>	123
Развитие языковой личности студентов технического университета в процессе рефлексивного обучения иностранному языку <i>Пономаренко Е. П.</i>	137

РЕЦЕНЗИИ	149
Дискутируемые проблемы современной фразеологии <i>Федуленкова Т. Н.</i>	149
Фразеологические проблемы непреходящей актуальности <i>Лещева Л. М., Гусева М. А., Куклина П. С.</i>	156
ХРОНИКА	164
Основные принципы подготовки преподавателей перевода <i>Иванов А. В., Петрова О. В., Сдобников В. В.</i>	164
Научному журналу НГЛУ «Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности» 15 лет <i>Синеокова Т. Н.</i>	167
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	173

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE	9
Lexeme <i>Glück</i> in German Dictionaries of the 16th –19th Centuries: Lexicographic Representation and Interpretation of Its Conceptual Content <i>Andrey V. Ivanov, Rimma A. Ivanova</i>	9
The Translation Brief as a Tool of Communication among the Participants of the Translation Process <i>Yelena A. Knyazheva, Tatyana Yu. Borovkova</i>	23
Modern Machine Translation Systems: Trends and Prospects <i>Oleg I. Kuzmin</i>	41
Changing the Type of Predicate as a Means of Cognitive Adaptation in Translation <i>Maria Yu. Rodionova</i>	53
The Role of Cognitive Patterns in Modelling Reality by Means of Natural Language (the Case Study of the English Cognitive Pattern “Cleanness / Dirtiness” <i>Ekaterina V. Savitskaya</i>	69
A Comparative-Contrastive Analysis of Corpus Tools (Case Study: Working with Corpora of Cinematic Discourse) <i>Nadezhda A. Shamova</i>	82
Metaphor as a Basic Component of the Emotional Space of Texts <i>Marina V. Shatskikh</i>	96
CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE	112
Chronologically Defined Features of Walt Whitman’s Poetic Technique in the Light of Translation Problems <i>Irina V. Piven (Nikitina)</i>	112
CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION	123
The Development of the Linguistic Persona in the Context of Professionally Oriented University-Level Foreign Language Education <i>Liudmila M. Konyakhina, Lora V. Yakovleva</i>	123

Developing the Linguistic Persona of Students at Technical Universities through Reflective Foreign Language Learning <i>Ekaterina P. Ponomarenko</i>	137
REVIEWS	149
Current Issues in Modern Phraseology <i>Tatyana N. Fedulenkova</i>	149
Ever Relevant Issues in Phraseology <i>Liudmila M. Leshcheva, Marina A. Guseva, Polina S. Kuklina</i>	156
CHRONICLE	164
Major Principles of Training Translation Teachers <i>Andrey V. Ivanov, Olga V. Petrova, Vadim V. Sdobnikov</i>	164
Celebrating the 15th Anniversary of LUNN’s Journal “Theoretical and Applied Aspects of Studying Speech Activity” <i>Tatyana N. Sineokova</i>	167
CONTRIBUTORS’ INFORMATION	173

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.112.2; 81'374

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-9-22

ЛЕКСЕМА *GLÜCK* В НЕМЕЦКИХ СЛОВАРЯХ XVI—XIX ВВ.: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЙНОГО СОДЕРЖАНИЯ

А. В. Иванов, Р. А. Иванова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена исследованию понятия «счастье», репрезентируемому и интерпретируемому средствами лексикографии. Цель исследования состоит в попытке сопоставить точки зрения исследователей на проблему происхождения слова *Glück*, проследить развитие его семантики в направлении от одного обобщенного значения к совокупности значений, отражающих постепенное эволюционирование во времени представлений человека о счастье, и выявить способы репрезентации этих представлений лексикографическими средствами. В ходе исследования используются методы историко-лингвистического, сравнительно-сопоставительного, этимологического, дефиниционного и семантического анализа. Объектом исследования выступают немецкие словари и лексиконы, изданные в период с 1513 по 1888 г. Установлено, что понятие «счастье», представленное в немецком вокабуляре лексемой *Glück*, на протяжении четырех столетий претерпевало трансформации вместе с ростом материальных и духовных потребностей людей на фоне постепенной гуманизации общественной жизни. Это привело к усложнению семантической структуры лексемы *Glück*, данное понятие овеществляющей. Репрезентация лексемы *Glück* в словарях, относящихся к периоду начала XVI — середины XVIII века, носит весьма лаконичный характер, что обусловлено типом словарей (номенклаторы, переводные словари), не предполагавших развернутых комментариев к репертуару значений, которым обладала искомая лексема. Основными элементами семантической структуры лексемы являются '(временное) благополучие', 'блаженство', 'удача', 'судьба (фатум)' (*glückfall*, *glückseligkeit*, *wolstand*, *zeitliche Wolfart*). Анализ толкований «счастья» в период середины XVIII в. — конца XIX в. позволяет сделать вывод об усложнении семантической структуры лексемы *Glück* за счет философского переосмысления этого понятия и интегрированной передачи его соответствующими лексикографическими средствами. Этимология слова *Glück* до сих пор остается не проясненной. Предполагается, что слово появилось в XIII в. и вплоть до конца средневерхненемецкого периода сохраняло нейтральное значение, когда в семантике слова стала преобладать положительная коннотация.

Ключевые слова: *Glück*; этимология; историко-лингвистический анализ; семантическая структура слова; лексикография; словарь; лексикон.

**Lexeme *Glück* in German Dictionaries of the 16th — 19th Centuries:
Lexicographic Representation and Interpretation of Its Conceptual Content**

Andrey V. Ivanov, Rimma A. Ivanova

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article discusses the concept “happiness” as represented and interpreted in lexicography. The aim of the study is to compare existing theories about the origin of the word *Glück*, to trace the development of its semantics from one generalized meaning to a set of meanings that reflects a gradual evolution of people’s ideas about happiness, and to identify ways of representing these ideas by lexicographic means. Using methods of historical-linguistic, comparative, etymological, definitional, and semantic analysis, the authors examine German dictionaries and lexicons published in the period from 1513 to 1888 and establish that in those four centuries the concept “happiness,” represented in the German vocabulary by the lexeme *Glück*, underwent significant transformation, as material and spiritual needs of people kept changing against the background of gradual humanization of their social life, which, in its turn, led to added complexity in the semantic structure of the lexeme *Glück* that embodies this concept. Descriptions of the lexeme *Glück* in dictionaries dating from the beginning of the 16th to mid-18th century are very concise due to the type of these dictionaries (nomenclators, translated dictionaries) and do not involve detailed comments on the full range of meanings that the lexeme had. The main elements of the semantic structure of the lexeme are ‘(temporary) well-being,’ ‘bliss,’ ‘luck,’ and ‘fortune (fate)’ (*glückfall*, *glückseligkeit*, *wolftand*, *zeitliche Wolfart*). Analyzing interpretations of the lexeme *Glück* in the mid-18th — late 19th century dictionaries, the authors conclude that the semantic structure of the lexeme became more complicated due to philosophical rethinking of the concept and its integrated dissemination through dictionaries. The etymology of the word *Glück* is still unclear. It is assumed that the word appeared in the 13th century and retained a neutral meaning until the end of the Middle High German period when a positive connotation began to prevail in the semantics of the word.

Key words: *Glück*; etymology; historical-linguistic analysis; semantic structure of a word; lexicography; dictionary; lexicon.

1. Постановка проблемы: представление о счастье и его репрезентация лексикографическими средствами

Поиски ответа на вопрос, что делает человека счастливым в его жизни, на протяжении столетий вовлекали в свою орбиту множество исследователей, включая философов, историков, социологов, психологов, лингвистов. Не осталась в стороне и лексикография, поскольку лексема ‘счастье’ встречается в энциклопедических, переводных и толковых словарях различных языков. В наивном квазифилософском смысле «счастье» можно трактовать как совокупность практически реализованных представлений индивидуума о самодостаточной жизни во всех ее проявлениях, начиная от комфортных бытовых условий и заканчивая отсутствием душевных переживаний по какому бы то ни было поводу. Поскольку понятие «счастье», по сути, многомерно, логично будет начать с обращения к словарю сино-

нимов, с тем чтобы конкретизировать объект нашего исследования. В семантической структуре лексемы *Glück*, включенной в *Synonymwörterbuch* Гёрнера и Кемпке, обнаруживаем три значения: «1. <besonders günstige Umstände bzw. guter Verlauf>... 2. <Verkörperung günstiger Gegebenheiten>... 3. <Gefühl höchster innerer Befriedigung>» (Görner, & Kempcke 1980: 284). Первое значение представлено частично синонимичными лексемами ‘Glücks[zu]fall’, ‘Glückssache’, ‘Segen’, ‘Glücksgriff’, ‘Glückswurf’, второе — ‘Glücksstern’, ‘guter Stern’, ‘günstiges Geschick’, ‘Freudenbecher’, ‘Fortuna’, ‘Füllhorn’, третье — лексемами ‘Seligkeit’, ‘Glückseligkeit’, ‘Wonne + Sonnenschein’, ‘Freude’. В интерпретации составителей толковых словарей, в частности Пауля, ‘счастье’ включает в себе «1. Art, wie etwas ausschlägt, gelingt... 2. günstiges Geschick, guter Ausgang, Erfolg... schließlich verinnerlicht im Sinn der seelischen Empfindung von Zufriedenheit, Freude, Wonne...» (Paul 2002: 423). У Варига ‘счастье’ — это «1. günstige Fügung als Schicksal; der daraus erwachsende Erfolg; Gemütszustand innerer Befriedigung u. Hochstimmung bes. nach Erfüllung ersehnter Wünsche; günstiger Zufall» (Wahrig 1989: 572). Таким образом, современные элементарные общечеловеческие представления о счастье могут быть в целом переданы понятиями «блаженство» (*Seligkeit, Glückseligkeit*), «наслаждение» (*Wonne*), «радость» (*Freude*), «удача» (*Glückssache*). Все эти понятия так или иначе воплощены в виде частных значений в семантике базовой лексемы *Glück*.

Гипотеза исследования заключается в следующем: понятие «счастье», представленное в немецком вокабуляре лексемой *Glück*, на протяжении четырех столетий претерпевало трансформации вместе с ростом материальных и духовных потребностей людей на фоне постепенной гуманизации общественной жизни, и, как следствие, это привело к усложнению семантической структуры лексемы *Glück*, это понятие овеществляющей.

2. Цель и методы исследования

Цель исследования состоит в попытке сопоставить точки зрения этимологов и лексикографов на проблему происхождения слова *Glück*, проследить развитие его семантики в направлении от одного элементарного значения к совокупности значений, отражающих постепенное эволюционирование во времени представлений человека о счастье, и выявить способы репрезентации этих представлений лексикографическими средствами. В ходе исследования используются методы историко-лингвистического, сравнительно-сопоставительного, этимологического, дефиниционного и семантического анализа.

3. Характеристика материала исследования

В поисках языкового материала было обследовано около ста лексикографических источников на немецком языке, включающих одноязычные, двуязычные и многоязычные словари и глоссарии, этимологические словари и номенклаторы. Обследованные источники охватывают период с 1513 г., когда был опубликован *Dictionarius trium linguarū* под редакцией Виетора, по 1888 г., когда вышел в свет *Meysers Konversations-Lexikon*.

4. Результаты исследования и их обсуждение

4.1. Этимологический анализ

Лексема *Glück*, как полагает Клюге, появилась в вокабуляре немецкого языка в XIII в. в форме свн. *g(e)lücke* (синкопированный вариант — свн. *glücke*). Происхождение слова не прояснено и поэтому остается предметом этимологических дискуссий. Аделунг и Хейзе высказывают предположение о родственной связи слова *Glück* с *gelingen* ‘удаваться’ (Adelung 1793, II: 730; Heuse 1833, I: 600); об этой возможной связи упоминают братья Гримм в *Deutsches Wörterbuch*, однако не видят достаточных оснований к тому, чтобы считать ее доказанной (Grimm J., & Grimm W. 1958, VIII: 226). Клюге, отмечая отсутствие предполагаемого древневерхненемецкого эквивалента **gilucchi* и считая *Glück* словом немецкого происхождения, представляющим собой корневую основу (Stammwort) (Kluge 1889: 118), приводит точку зрения Сандерса, согласно которой слово *Glück* семантически (Bedeutungsübertragung) восходит к ст.-франц. прич. прош. вр. *destinée* < *destiner* ‘(пред)определять судьбу’, ‘предсказывать’, ‘предвещать’ (1160/70) / ‘возвещать’ (1155) < лат. *destināre* ‘решать’, ‘определять’, ‘подчинять’ (Dauzat 1938: 241), которое, с одной стороны, означало ‘назначение’, ‘определение’, ‘решение’, а с другой, — ‘судьбу’, ‘рок’ в христианской интерпретации этого понятия. Этимологически родственные лексемы Клюге обнаруживает в нижнефранкском: *lūkan* ‘завершать’, ‘решать’, ‘определять’ < **gilukki* < герм. **lūk-a-* ‘завершать’, ‘закрывать’ (Kluge 2011: 364). Пауль фиксирует появление слова в средневерхненемецком (1160 г.) в форме свн. *gelücke* (ср.: *gelücke*, *glücke*, *gelück* [Schade 1866: 180; Lexer 1872, I: 829; Wackernagel 1878: 99]), обращая внимание на то, что оно, часто выступая в персонифицированной форме, не выражало в тот период положительных или отрицательных сторон человеческой судьбы. К концу средневерхненемецкого периода в семантике слова *Glück* начинает преобладать положительный оттенок значения (Paul 2002: 423). Пфайфер приводит этимологически родственные эквиваленты из ср.-англ. *luk(e)*, англ. *luck*, дат. *lykke*, швед. *lycka*, которые, по мнению цитируемого выше Клюге, появились в этих языках в XIV в. как заимствование из немецкого

языка¹ (Kluge 1889: 118). Соглашаясь с Паулем в хронологической атрибуции лексемы, Пфайфер полагает, что слово в нейтральном значении вошло в общенемецкий вокабуляр на плечах раннесредневековой рыцарской культуры, распространившейся из Рейнской области на всю территорию Германии, и стало со временем конкурировать с свн. *sælde* ‘selig’ и *heil* ‘Heil’. Наиболее раннее узкое (положительное) значение этого слова, согласно Пфайферу, это — ‘удачное стечение жизненных обстоятельств’ («günstiger Verlauf oder Ausgang eines Geschehens, günstiges Geschick») расширяется до значения ‘желаемое чувство выраженного в значительной степени внутреннего удовлетворения и радости’ («wünschenswerter Zustand starker innerer Befriedigung und Freude»). В XIV в. слово *Glück* принимает значение ‘профессия’, ‘занятие как средство, обеспечивающее физическое существование’ («Beruf, Lebensunterhalt») (Pfeifer, & al. 2014: 458–459).

Этимологическая информация о слове была бы неполной, если бы мы ограничились только упомянутыми выше словарями. Мейдингер в *Vergleichendes etymologisches Wörterbuch der gothisch-teutonischen Mundarten* приводит древневерхненемецкий эквивалент слова *Glück* — *geliike* с пометой об источнике, в котором было зафиксировано это слово: *Schwabenspiegel*² (Meidinger 1836: 300). Учитывая, что источник датируется 1275 годом, необходимы дополнительные доказательства существования древневерхненемецких форм этого слова. В противном случае речь может идти об альтернативной периодизации истории немецкого языка, в рамках которой Мейдингер относит вторую половину XIII в. к древневерхненемецкому периоду, но это представляется сомнительным тезисом. Хейзе приводит форму двн. *gelucke*, однако не сообщает данные об источнике (Heuse 1833, I: 600). С учетом сказанного выше вопрос о происхождении слова *Glück* до сих пор остается открытым.

4.2. Лексикографический анализ

Большинство обследованных источников, относящихся к XVI в., представляют собой так называемые номенклаторы, в которых лексемы располагаются по тематическому принципу, или многоязычные переводные словари, обычно следующие тому же принципу тематической репрезентации лексического материала. Обязательным языком — как правило,

¹ С этой точкой зрения согласны составители *Oxford Dictionary of English Etymology* (Onions 1966: 539). Составители *Chambers* полагают, что слово вошло в лексикон английского языка как термин, относящийся к азартным играм. Источником заимствования, видимо, были нижненемецкие диалекты, из которых подобная лексика в XV—XVI вв. проникала в английский язык (Barnhart, & al. 2008: 613).

² *Schwabenspiegel* («Швабское зеркало») — памятник немецкой законодательной мысли, опубликованный ок. 1275 г. Название *Schwabenspiegel* предложено швейцарским гуманистом Мельхиором Гольдастом в начале XVII в.

первым — в таких многоязычных словарях выступала латынь, которая в то время являлась языком науки и благодаря которой лингвисты и лексикографы разных стран Европы (в эту эпоху эти два понятия были практически неразделимы) могли осуществлять научную коммуникацию. Этим обстоятельством объясняется среди прочего идентичная словарная репрезентация ряда лексем, встречающихся в словарях, принадлежащих перу разных авторов.

С учетом метаязыковой роли латыни поиски лексемы *Glück* иногда требовали обращения к латинскому эквиваленту (*felicitas*) искомой немецкой лексемы, и в этом случае нередко выяснялось, что собственно лексема *Glück* в обследуемом источнике отсутствует, однако встречаются слова, передающие одно или несколько частных значений, которые в будущем примут участие в формировании ее семантической структуры.

Первые доступные нам лексикографические источники относятся к XVI в. Так, в латинско-богемско-немецком словаре Виетора находим: «*Felicitas* *Ita*stnoft *feli*keyt» (*Dictionarius trium linguarū... 1513: 14*). Очевидно, что синонимом счастья Виетор считает «блаженство».

В 1537 г. Дасиподий в *Dictionarium latinogermanicum et vice versa germanicolatinum* приводит уже гнездо слов и сопутствующих выражений, обязательным элементом в которых выступает лексема *Glück*. Семантически понятие *Glück* у Дасиподия распадается на несколько значимых элементов: 1) *Glückstand* (как состояние человека или *conditio*); 2) *Gütter glückfal(l)*, *Glück* как эквивалент лат. *fortuna* ‘удача’, ‘успех’, ‘счастливей случай’; 3) *Glückseligkeyt* как эквивалент лат. *prosperitas* ‘благополучие’ (*Dasypodius 1537: 336–337*).

В 1571 г. в “*Ein*” *Teutscher Dictionarius* у Рота нем. *Glück* выступает синонимом лат. *fatum* ‘судьба’. Рот отступает от многозначного представления о «счастье», которое почти за 40 лет до него предложил Дасиподий, и возвращается к одномерной его трактовке, сложившейся еще в начале средневерхненемецкого периода, когда лексема *Glück* не выражала ни положительных, ни отрицательных сторон человеческой судьбы, а только то, чем Бог одарил человека: «*fatum beschaffens glück und was eim von gott beschaffen ist*» (*Roth 1571*).

В шестиязычном словаре Валерия *Colloquia et dictionariolum sex lingvarum* лексема *Glück* выступает эквивалентом лат. *felicitas* (*Valerius 1576*).

В 1588 г. Фришлин предложил свою трактовку счастья, которое он обозначил словосочетанием «*zeitliche Wolfart*» ‘временное благополучие или благосостояние’. Именно так он перевел греч. εὐτυχία и лат. *felicitas* (*Frischlin 1588: 413*). Это определение счастья дословно повторил Эммель

в *Nomenclator Quadrilingvis* (Emmel 1592: стб. 14). Гретцер упомянутые эквиваленты из греческого и латыни перевел как *Seligkeit* ‘блаженство’, *Wolstand* ‘благосостояние’. Учитывая, однако, что лексему *Wolstand* он использовал дважды, не только для перевода лат. *felicitas*, но и лат. *prosperitas*, можно сделать вывод, что к трактовке интересующего нас понятия он добавил еще один семантически значимый компонент — ‘благополучие’ (Gretser 1600: 202).

В ходе исследования нами были изучены 13 источников, относящихся к XVII в.: «Glück / zufall / aventur, glückfall / fors, fortuna, casus, eventus inexpectatus...» (Henisch 1616: стб. 1654); «fatum, dicitur à fando, quod quid Deus fatur fiat & fit firmum. Beschaffens glück / vnd was einem von Gott beschaffen ist / Item ein Nohtzwang vnd folgt der ordnung Gottes. Item / der Tod / so vnvermeidlich und jedermann beschaffen ist. Item / ein Weiffagung...» (Heupold 1620: 169); «Fortuna Glück» (Zehner 1622: 148); «Felicitas... Ger. gluckseligkeit, wolstand...» (Calepinus 1625: 144); «Glück / n. Wohlfart... Felicitas, prosperitas» (Hulsius 1627: 171); «Felicitas. Glückseligkeit / wolstand...» (Hulsius 1640: 130); «quicquid feculi felicitatem... / wie sehr sie auch dieser Zeit Glückseligkeit...» (Comenius 1669: praefatio, 1); «Glück / fortuna, fors, fors...»; «Glückfall / casus, fors, successus»; «Glückseligkeit / felicitas, prosperitas» (Wilhelmi 1673: 125); «Felicitas, ... Glückseligkeit» (*Vocabularium Latino-Gallico-Germanicum* 1675: 184); «Felicitas... idem quod prosperitas, Glückseligkeit...»; «Perpetua felicitate florere, in immerwährenden Wolstand sich befinden...; cui magis bona felicitates adversa sint... dem das Glück mehr zuwider were...»; «Felicitas, idem quod fecunditas, Fruchtbarkeit...» (Reyher 1686: 987–988); «Felicitas, ... Glückseligkeit» (Pomey 1690: 109); «Felicitas, Glück / Glückseligkeit» (Kramer 1693: 439); «Glück... Fatum. Fors. Fortuna. Prosperitas. Sors...» (Volgenau 1700: 238).

Анализ данных показывает, что составители словарей и номенклаторов этого периода, интерпретируя понятие «счастье», наследуют лексикографам XVI в. Основными элементами, формирующими семантическую структуру базовой лексики *Glück*, здесь выступают *glückfall*, *glückseligkeit*, *wolstand*. Таким образом, можно утверждать, что понятие «счастье» в основном интерпретируется людьми той эпохи как совокупность «удачи», «блаженства» и «благополучия».

Хойпольд следует за Ротом, практически дословно повторяя его толкование слова *Glück*, единственным семантически значимым компонентом которого оказывается «фатум», подчеркивающий божественную предопределенность и предсказуемость человеческой судьбы. Косвенным подтверждением этой предопределенности является включенный в интерпре-

тацию понятия «счастье» элемент *Weiffagung* ‘пророчество’, ‘предсказание’ (Neupold 1620: 169).

Рейхер обогащает семантическую структуру исследуемого слова элементом *Fruchtbarkeit* ‘изобилие’ (лат. *fecunditas*), которое обычно ассоциируется с материальным благополучием. Вряд ли речь может идти здесь об изобилии идей в сознании средневекового человека или его духовном богатстве. При этом Рейхер придает частному значению *wolstand* в семантической структуре лексемы *Glück* вневременной оттенок («in immerwährenden Wolstand sich befinden»).

Противоположными понятию «счастье» оказываются «несчастный случай» (лат. *fors*), «слепой рок» (лат. *fatum*), «жребий, участь, судьба, удел» (лат. *sors*); см., к примеру, у Вольгенау в *Dictionarium eller Ordebok* (Volgenau 1700: 238) и у Хениша в *Teütsche Sprach vnd Weiszheit* (Henisch 1616: стб. 1654).

Далее объектом исследования выступают 11 лексикографических источников различного типа, относящихся к XVIII в.: «Bonheur... ein Glück / eine Glückseligkeit / Felicitas» (Düez 1702: 150); «Felicitas, ... Die Glückseligkeit» (Molnár, Beer 1708: 567); «felicitas... Germ. Die Glückseligkeit / die Wolfahrt / gute Tage»; «felix... Germ. ... 2. fruchtbar» (Heyl, Volgenau 1716: 302); «Glück... Fortuna, fors, felicitas»; «Glückfall... Cafus fortuitus»; «glückseligkeit... La felicité» (Neues ausführliches Dictionarium... 1718: 146); «felicitas... Glückseligkeit» (Clodius 1730: 208); «Glück, fors, fortuna, щастіе, благополучіе» (Нѣмецко-латинскій и рускій леѣжиконь... 1731: 254); «Glückseligkeit, felicitas, fortuna, prosperitas, щастіе, благополучіе, блаженство»; «Glücks-Fall, cafus, fatum, случай...» (НЛРЛ 1731: 255); «Glücke ... fortuna, fors, fors...»; Glückfal... fortuna»; «Glücksäligkeit... beatitudo, felicitas, prosperitas... Glückhaftigkeit... felicitas» (Steinbach 1734: 607–609); «Glück... Glückseligkeit, fortuna...»; «Glückseligkeit, felicitas» (Frisch 1741, I: 357–358); «Felicitas, Glückseligkeit...» (Frisius 1750: 269).

Приведенные данные, взятые из девяти словарей и лексиконов первой половины XVIII в., показывают, что в этот период понятие «счастье» в основном включает компоненты, идентичные тем, которые формировали человеческое представление о счастье на протяжении предыдущего столетия, а именно: *Glückfall*, *Glückseligkeit*, *Wolstand*, *Wolfahrt*, т. е. «благополучие», «блаженство», «удача».

Следует обратить внимание на то, что эти источники представляют собой дву- и многоязычные переводные словари или лексиконы, в которых традиционно сопоставляются эквивалентные лексемы из разных языков: немецкого, французского, латинского и русского. Поэтому репрезентация

словарного материала в них отличается лаконичностью и отсутствием подробного толкования значения лексем. Иначе говоря, тип словаря определяет здесь способ предъявления и описания лексики.

Особое место в ряду источников, относящихся к XVIII в., занимают словари Цедлера и Аделунга. В середине века вышел в свет *Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste* Цедлера. Энциклопедичность этого издания предопределила структуру, содержание и объем толкования лексемы *Glück*: «Glück, ist der ganze Zusammenhang derer bey denen menschlichen Unternehmungen mit beylauffenden natürlichen Umständen und Neben-Ursachen, die sich begeben, und nicht begeben können, und zwar beydes ohne unser willkührliches Zuthun, mit dem Verlauffe unserer Thaten, in welchem sie einen unseren Absichten entweder gemässen oder entgegen lauffenden Einflusz haben...» (Zedler 1735, X: Sp. 1701). В цедлеровой интерпретации «счастье» — это категория, не зависящая от усилий и желаний самого человека и реализующаяся в совокупности событий человеческой жизни, которые могут соответствовать или не соответствовать чаяниям и устремлениям индивидуума. Иначе говоря, Цедлер подчеркивает относительность и субъективный характер восприятия того, что мы называем «счастьем», и поэтому не связывает его с субъективными, по сути, компонентами этого понятия, которые обнаруживаются у других лексикографов.

В 1793 г. Аделунг в *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart* приводит четыре значения лексемы *Glück*, первое из которых в целом соответствует толкованию Цедлера в части совпадения желаний индивидуума с возможностями, которые открываются перед человеком в ходе объективно протекающих событий. Второе и третье значения Аделунг связывает с благоприятным стечением обстоятельств в жизни индивидуума, которое последний обычно называет «удачей» или «счастливым случаем». В рамках третьего значения Аделунг формулирует узкое толкование понятия «счастье»: «...der Zustand der möglichsten Vollkommenheit unseres äußeren Zustandes», т. е. состояние, отмеченное полным совершенством физического существования индивидуума. Четвертое значение Аделунг связывает с некоей сущностью, от воли которой зависит результат усилий, которые человек предпринимает с целью достижения желаемого уровня благосостояния (Adelung 1793, II: 728–730).

В начале XIX в. толкование лексемы *Glück* обнаруживается в *Aufführliches und möglichst vollständiges lateinisch-deutsches Lexicon* у Шеллера. Поскольку этот источник представляет собой расширенную версию двуязычного латинско-немецкого словаря, описание значения слова обнаруживается в словарной статье *Felicitas*: «1) Glück, Glückseligkeit,

glückfelig oder glücklicher Zustand... auch das Glück das man bey feinen Handlungen hat... 2) Fruchtbarkeit...» (Scheller 1804, II: стб. 3770–3771). Шеллер, как видим, не выходит за рамки традиционного толкования лексемы, принятого еще в XVIII в.

Кампе в 1808 г. предложил свое толкование лексемы «счастье» в *Wörterbuch der Deutschen Sprache*. В рамках этого толкования он выделил четыре значения: 1) удачное стечение жизненных обстоятельств, счастливый случай; 2) благоприятное стечение обстоятельств, позволяющее улучшить свое материальное благополучие и умножить свое состояние; 3) благоприятное стечение обстоятельств, позволяющее достичь желаемого. Четвертое значение Кампе фактически заимствует у Аделунга (см. выше), несколько изменяя формулировку своего коллеги (Campe 1808, II: 407). Анализ элементов толкования искомой лексемы приводит к заключению, что Кампе формулировал их, исходя из семантики предварительно собранных и рассортированных по сходству значений словосочетаний, содержащих слово *Glück*. Этим, как представляется, и объясняется расплывчатость предложенных им формулировок и неясность критерия, положенного в основу сегментации значений в семантической структуре лексемы *Glück*.

Хейзе в *Handwörterbuch der deutschen Sprache* трактует лексему *Glück* как 1) успех, стечение благоприятных обстоятельств, которые не зависят от воли и желания индивидуума; 2) удачный (счастливый) случай; 3) реальное или воображаемое благосостояние, а также совокупность обстоятельств, благодаря которым оно достигается; 4) судьба, рок (Heyse 1833, I: 600). Второе значение повторяется в той же словарной статье за счет добавления в гнездо однокоренных слов лексемы *Glücksfall*. В дополнение к указанным значениям Хейзе включает в состав словарной статьи лексемы *Glückseligkeit* и *Glückseligsein*, под которыми он понимает субъективное ощущение благополучия, выраженное в максимальной степени («die höchste innere Wohlfahrt» [Heyse 1833, I: 601]).

Автор *Meyers Konversations-Lexikon* предлагает философскую трактовку счастья. По его мнению, в объективном смысле «счастье» характеризует соответствующую жизненную ситуацию, в рамках которой индивидуум обладает желаемым благом (здоровьем, богатством, выгодным положением в жизни), получение которого не было ни безусловным, ни вероятным, а в субъективном — отражает душевное состояние индивидуума, вытекающее из чувства удовольствия или блаженства (Meyers Konversations-Lexikon 1888, VII: 446).

5. Выводы

1. Этимология слова *Glück* до сих пор остается не проясненной. По данным составителей этимологических словарей, оно вошло в словарный состав немецкого языка в XIII в. и сохраняло нейтральное значение вплоть до конца средневерхненемецкого периода, когда в семантике слова стала преобладать положительная коннотация.

2. Репрезентация лексемы *Glück* в лексикографических источниках, относящихся к XVI–XVII вв., носит однотипный и весьма лаконичный характер, что обусловлено типом словаря (номенклаторы, переводные словари), наиболее распространенным в ту эпоху и не предполагавшим развернутых комментариев к репертуару значений, которым обладала искомая лексема. Основными элементами семантической структуры лексемы в этот период являются '(временное) благополучие', 'блаженство', 'удача', 'судьба (фатум)' (*glückfall, glückseligkeit, wolstand, zeitliche Wolfart*).

3. Обследование словарей и лексиконов первой половины XVIII в. показывает, что понятие «счастье» в основном включает компоненты, идентичные тем, которые формировали человеческое представление о счастье на протяжении двух предыдущих столетий, и интерпретируется людьми той эпохи как совокупность удачи, блаженства и благополучия (*Glückfall, Glückseligkeit, Wolfstand, Wohlfahrt*).

4. Расширение в номенклатуре лексикографических изданий сегмента толковых словарей, одной из характерных особенностей которых является выраженное стремление к энциклопедичности и универсальности, предопределило появление в середине XVIII в. развернутых определений понятия «счастье», основанных на углубленной интерпретации языкового материала (устойчивых выражений, пословиц, поговорок, словосочетаний и пр.).

5. Анализ толкований счастья немецкими лексикографами середины XVIII в. — конца XIX в. позволяет сделать вывод об усложнении семантической структуры лексемы *Glück* за счет философского переосмысления этого понятия и интегрированной передачи его соответствующими лексикографическими средствами.

Список литературы / References

- Нѣмецко-латинскій и рускій леѣжиконѣ купно съ первыми началами рускаго языка. Въ Санктпетербургѣ: при Императорской Академіи Наукъ, 1731. [*German-Latin and Russian Lexicon with Basic Beginnings of the Russian Language*. (1731) Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In German, Latin and Russian)]
- Adelung, Johann Christoph. (1793) *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der*

- Oberdeutschen*. In 4 Theilen. Th. 2 F-L. Leipzig: bey Johann Gottlob Immanuel Breitkopf und Compagnie. [2., verm. u. verbes. Ausg.]
- Barnhart, Robert K., et al. (eds) (2008) *Chambers Dictionary of Etymology*. Edinburgh: H. W. Wilson Company.
- Calepinus, Ambrosius. (1625) *Dictionarivm septem lingvarvm, in hac recenti editione a mendis expvrgatvm, & infinitis penè vocum additionibus, quas alicæ impreffiones Venetæ non habebant, locupletatum, quæ proinde signo † notatæ, tam in Latino, quam Italico dictionario conspiciuntur*. Venetiis: Apud Georgium Valentinum.
- Campe, Joachim Heinrich. (1808) *Wörterbuch der Deutschen Sprache*. In 5 Theilen. Th. 2 F-K. Braunschweig: In der Schulbuchhandlung.
- Clodius, Johann Christian. (1730) *Compendiosvm Lexicon Latino-Turcico-Germanicvm*. Lipsiæ: Apud Wolffgangvm Deer, Litteris Zeidlerianis.
- Comenius. (1669) *Porta lingvarum trilingvis reserata et aperta*. Pragæ: Typis Archiepiscopatus in Collegio S. Norberti.
- Dasypodius, Petrus (Hasenfratz, Peter). (1537) *Dictionarium latinogermanicum et vice versa germanicolatinum*. Strassburg (Argentorati).
- Dauzat, Albert. (1938) *Dictionnaire étymologique de la langue française*. Paris: Librairie Larousse.
- Düez, Nathanaël. (1702) *Dictionnaire François-Alemand-Latin et Alemand-François-Latin Ci-devant mis en Lumière*. Cologne: Chez François Metternich Marchand Libraire.
- Emmel, Helfric. (1592) *Nomenclator Quadrilingvis Latinogermanicvm-Græcogallicvs*. Argentorati: Excudebat Theodifius Rihelius.
- Frisch, Johann Leonhard. (1741) *Teutsch-Lateinisches Wörter-Buch*. Darinnen nicht nur die ursprünglichen, nebst denen davon hergeleiteten und zusammengesetzten allgemein gebräuchlichen Wörter; sondern auch die bey den meisten Künsten und Handwerken, bey Berg und Saltzwerken, Fischereyen ... teutsche Benennungen befindlich. In 2 Theilen. Th. I A-M. Berlin: Verlegt Christoph Gottlieb Nicolai.
- Frischlin, Philipp Nicodemus. (1588) *Nomenclator Trilingvis, Græco-Latinogermanicvs*. Francofvrti ad Moenvm: Excudebat Ioannes Spies.
- Frisius, Johannes. (1750) *Dictionarium Latino-Germanicum, nec-non Germanico-Latinum*. Coloniae Agrippinae: Ex Officina Metternichiana. [Editio nova prioribus correctior]
- Görner, Herbert, & Kempcke, Günter. (1980) *Synonymwörterbuch*. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut.
- Gretser, Jacob. (1600) *Nomenclator Latinogræco-Germanicvs*. Ingolstadii: Ex Typographia Adami Sartorii. [Ed. tertia]
- Grimm, Jakob, & Grimm, Wilhelm. (1958) *Deutsches Wörterbuch*. In 33 Bd. Bd. VIII. Glibber-Gräzist. Leipzig: S. Hirzel.
- Henisch, Georg. (1616) *Teütsche Sprach vnd Weiszheit*. Thesaurvs Lingvae et Sapientiae Germanicae. Augustæ Vindelicorum: Typis Davidis Franci.
- Heupold, Bernhard. (1620) *Dictionarivm*. Erklärend Allerley schwäre, unbekandte, Teutfsche, Griechische, Latinische, Hebraische, Italiänische, Frantzöfische, und anderer Nationen Wörter, so mit der weil in die Teutfsche Spraach eingeriffen, vnd oft mencherley Jrrung bringen. Basel: In verlegung Johann Jacob Genaths.
- Heyl, Samuel, & Volgenau, Gotthard. (1716) *Novum Lexicon Sueco-Germanico-Latinum oder neues Schwedisch-Teutsch und Lateinisch Wörter-Buch*. Hamburg und Stockholm: Bey Samuel Heyl und Gotthard Volgenau.

- Heyse, Karl Wilhelm Ludwig. (1833) *Handwörterbuch der deutschen Sprache*. In 2 Theilen. Th. I A-K. Magdeburg: bei Wilhelm Heinrichshofen.
- Hulsius, Levinus. (1627) *Dictionarivm Teutsch-Frantzöfisch-Italiänisch-Lateinisch: Frantzöfisch-Teutsch-Italiänisch-Lateinisch: Italiänisch-Frantzöfisch-Teutsch-Lateinisch: Lateinisch-Teutsch-Frantzöfisch-Italiänisch*. Franckfurt am Mayn: Bey Wolfgang Hoffmann.
- Hulsius, Levinus. (1640) *Dictionarium Latino-Germano-Gallico-Italicum*. Francofvrti: Typis Wolfgangi Hofmanni.
- Kluge, Friedrich. (1889) *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Straßburg: Carl J. Trübner. [4., verb. Aufl.]
- Kluge, Friedrich. (2011) *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache* / bearb. von Elmar Seebold. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. [25., durchges. und erw. Aufl.]
- Kramer, Matthia. (1693) *Neu-ausgefertigtes herrlich großes und allgemeines Italiänisch-Deutsches Sprach- und Wörter-Buch*. Nürnberg: In Verlegung Joh. Andreae Endters Seel. Söhne.
- Lexer, Matthias. (1872) *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*. In 3 Bd. Bd. I A-M. Leipzig: S. Hirzel.
- Meidinger, Heinrich. (1836) *Vergleichendes etymologisches Wörterbuch der gothisch-
teutonischen Mundarten*. Frankfurt am Main: Bey Johann Valentin Meidinger. [2. Aufl.]
- Meyers Konversations-Lexikon. (1888) In 19 Bd. Bd. VII Gehirn-Hainichen. Leipzig; Wien: Bibliographisches Institut. [4. Aufl.]
- Molnár, Albert Szenczi, & Beer, Johann Christoph. (1708) *Dictionarium Quadrilingve Latino-Ungarico-Græco-Germanicum*. Noriberga: Martinus Endter.
- Neues ausführliches Dictionarium oder Wörter-Buch in dreyen Sprachen: Teutsch, Frantzösisch und Latein. (1718). Genf: In Verlegung Cramer und Perachon.
- Onions, Charles Talbut. (1966) *Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford: Oxford University Press.
- Paul, Hermann. (2002) *Deutsches Wörterbuch*. Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. [10., überarb. und erw. Aufl.]
- Pfeifer, Wolfgang, & al. (eds) (2014) *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Koblenz: Edition Kramer.
- Pomey, Franciscus (François-Antoine). (1690) *Magnum Dictionarium Regium*. I. Latino-Gallico-Germanicum. II. Gallico-Germanico-Latinum. III. Germanico-Latino-Gallicum. Francofurti ad Moenvm: Sumptibus Ioannis Melchioris Bencard.
- Reyher, Andreas. (1686) *Lexicon Latino-Germanicvm*. Lipfiæ & Francofurti: Georg Weidmann.
- Roth, Simon. (1571) *“Ein” Teutscher Dictionarius*. Dz ist ein außleger schwerer, vnbekanter Teutscher, Griechischer, Lateinischer, Hebraischer, Wälscher vnd frantzösischer, auch andrer Nationen wörter so mit der weil inn Teutsche sprach kommen seind, vnd offt mancherley irrung bringen. Augsburg: bey Michael Manger.
- Schade, Oscar. (1866) *Altdeutsches Wörterbuch*. Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses.
- Scheller, Immanuel Johann Gerhard. (1804) *Aufführliches und möglichst vollständiges lateinisch-deutsches Lexicon*. In 5 Bd. Bd. II D-K. Leipzig: bey Caspar Fritsch. [3., verb. u. verm. Aufl.]

- Steinbach, Christoph Ernst. (1734) *Vollständiges Deutsches Wörter-Buch vel Lexicon Germanico-Latinum*. Breßlau: Verlegts Johann Jacob Korn.
- Valerius, Cornelius. (1576) *Colloquia et dictionarium sex linguarum*. Teutonicæ, Latinæ, Germanicæ, Gallicæ, Hispanicæ, & Italicæ. Antverpiæ: apud Henricium Henricum ad Coemiterium B. Mariae sub Lilio.
- Vietor, Hieronymus. (1513) *Dictionarius trium linguarū: latine, teutonice: Boemice potiora vocabula continens: peregrinantibus apprime utilis*. Vienne Pannōnie.
- Vocabularium Latino-Gallico-Germanicum. In gratiam Germanicæ, Lat. Gallicæque Linguæ Studioforum, non sine magno labore collectum. (1675). Basileæ: Sumptibus Johannis Hermanni Widerhold. [Ed. altera, priori acceptione infigni auctior & accuratior]
- Volgenau, Gotthard. (1700) *Nytt Swenskt och Latiniskt Dictionarium eller Ordebok*. Effter det Latiniska Svenska och Tyska Dictionarium inråttat / Och Allom dem som till Språken lust hafwa til nytta och gagn med all giörlig flijt tillsamman draget. Hamburg: Uplagt af Gottfried Liebezeit / Bokhandlare uppå nyie gatan.
- Wackernagel, Wilhelm. (1878) *Deutsches Lesebuch*. Fünfter Theil. Altdeutsches Handwörterbuch. Basel: Schweighauserische Verlags-Buchhandlung (Hugo Richter). [5. Aufl.]
- Wahrig, Gerhard. (1989) *Deutsches Wörterbuch*. Mit einem „Lexikon der deutschen Sprachlehre“. München: Mosaik Verlag GmbH.
- Wilhelmi, Johannes Gerlacus. (1673) *Lexicon Proso-Metricum Latino-Græco-Germanicum et Germanico-Latinum*. Francofurti: Sumptibus Johannis Petri Zubrodt.
- Zedler, Johann Heinrich. (1735) *Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste, Welche bißhero durch menschlichen Verstand und Witz erfunden und verbessert worden*. In 64 Bd. (nebst) Suppl. I-IV. Bd. X G-Gl. Halle und Leipzig: Verlegts Johann Heinrich Zedler.
- Zehner, Joachim. (1622) *Nomenclator Latino-Germanicus, eprobatissimis quibusque auroribus diuturno labore collectus, & ordine convenientissimo in quinque libros distributus*. Schleusingæ: Hieronym Steinmann.

УДК 81'25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-23-40

ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА

Е. А. Княжева, Т. Ю. Боровкова

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Целью настоящего исследования является изучение теоретического и практического аспектов проблемы переводческого задания как инструмента коммуникации между участниками переводческого процесса. В результате обзора теоретических работ и нормативной документации, регулирующей сферу переводческих услуг, были выявлены некоторые расхождения в трактовке понятий *процесс перевода* и *переводческое задание*. В переводоведении понятие *процесс перевода* обозначает мыслительные операции переводчика по принятию переводческого решения, а также этапы выполнения перевода. Понятие *переводческое задание* было разработано в функциональной парадигме и рассматривается как инструкции для переводчика, позволяющие создать текст перевода, полностью отвечающий потребностям и ожиданиям заказчика. В переводческое задание рекомендуется включать данные об адресате перевода, хронотопе, канале передачи информации и предназначении текста перевода. В отечественной литературе переводческое задание рассматривается как инструмент взаимодействия переводчика и заказчика в основном на материале технического перевода и обозначается термином *ТЗ на перевод*. В нормативной документации, регулирующей сферу переводческих услуг, термин *процесс перевода* относится как к организации переводческого проекта, так и к организации предоставления переводческой услуги. Обсуждение технического задания или технических требований заказчика является одним из организационных компонентов процесса перевода. Практический аспект настоящего исследования связан с изучением статуса и содержания переводческого задания в переводческой отрасли. Анализ информации о процессе перевода, представленной на сайтах крупных переводческих агентств, и доступных образцов ТЗ на перевод свидетельствует о том, что содержание инструкций для переводчика может включать как достаточно объёмные нормативные разделы теории перевода, так и ссылки на правила перевода, закреплённые в соответствующих ГОСТах. Анализ собственной практики авторов показывает, что базовыми компонентами ТЗ на перевод являются текст оригинала, ставка и срок выполнения, в то время как инструкции для переводчика в большинстве случаев отождествляются с речевыми действиями по стилю.

Ключевые слова: переводческое задание; цель перевода; функция текста; процесс перевода; заказ на перевод; переводческий проект.

The Translation Brief as a Tool of Communication among the Participants of the Translation Process

Yelena A. Knyazheva, Tatyana Yu. Borovkova
Voronezh State University, Voronezh, Russia

The present research focuses on theoretical and practical aspects of the translation brief viewed as a tool of communication among the participants of the translation process. A review of literature on the subject, which includes theoretical papers and normative documents regulating the sphere of translation and interpreting services, demonstrates a number of differences in understanding of the terms *translation process* and *translation brief*. In translation theory, *translation process* refers to either individual intellectual operations of a translator in making translation decisions or to stages of translation performance. The concept of the translation brief, developed within the functionalist theory of translation, is currently interpreted by functionalist scholars as a set of instructions which help translators to produce a target text in full compliance with clients' needs and expectations. Therefore, a translation brief should provide a translator with the information about the target text addressees, the prospective time and place of text reception, the medium over which the text will be transmitted, and, sometimes, the intended purpose of the translation. In this country, the problem of the translation brief is mostly studied in the context of technical translation and is termed as *the requirement description* or *technical specifications*. According to normative documents regulating the sphere of translation services, clarification of the requirement description or technical specifications is seen as an integral component of organizing any translation services or translation projects. The practical aspect of this research is connected with the study of the status and the content of the translation brief as it now stands and functions in the translation industry. The analysis of information presented on websites of large translation agencies about the organization of the translation process as well as of available samples of technical specifications has shown that the content of a translator's instructions may include very diverse material, from extended sections on translation norms taken from translation theory to references to the rules of translation specified in corresponding national quality standards. The results of our case study show that the basic components of technical specifications typically include the source text, terms of payment, and the deadline, while a translator's instructions are normally associated with specific style guides provided by the client.

Key words: translation brief; translation purpose; text function; translation process; translation job; translation project.

1. Введение

Исследовательский интерес к проблеме, сформулированной в названии данной статьи, возник на фоне своеобразной профессиональной рефлексии авторов, совмещающих работу переводчиков и преподавателей перевода. Если говорить о рабочих ситуациях, возникающих в производственной сфере, то, наверное, многим хорошо знакомы те порой неожиданные проблемы, которые возникают на этапе собственно перевода или при сдаче заказа. Зачастую это связано с тем, что при согласовании заказов на перевод переводчику далеко не всегда предоставляется та релевантная ин-

формация, которая позволяет выполнить работу в соответствии с ожиданиями заказчика.

Согласно функциональной теории К. Норд, для того, чтобы создать текст перевода, отвечающий потребностям заказчика в максимальной степени, переводчику необходимы определенные инструкции или, в другой терминологии, переводческое задание (*translation brief*). В последнее К. Норд рекомендует включать данные об адресате перевода, его хронотопе, канале передачи информации, а также о потребности целевой аудитории как в исходном, так и переводном текстах. И этими сведениями переводчику важно располагать уже на предварительном этапе, так как они помогают определить цель перевода и осуществить выбор стратегии, определяющий соответствующие переводческие решения (Nord 2006). Хотелось бы подчеркнуть, что практика использования переводческого задания ранее не являлась предметом систематического изучения в отечественном переводоведении, однако работы зарубежных авторов свидетельствуют об актуальности данной темы в научной среде, требующей её всестороннего исследования (Станиславский 2014).

В трудах немецких переводоведов-функционалистов понятие переводческого задания обозначается термином *Übersetzungsauftrag*, который может пониматься как *заказ на перевод (translation commission)*, а также и *задание на перевод (translation assignment)*. В англоязычных публикациях К. Норд первоначально употреблялся термин *translation instructions* (переводческие инструкции, или инструкции для переводчика). Однако в более поздней работе К. Норд отмечает, что наиболее точно идею цели и предназначения перевода передаёт термин *translation brief*, т. е. вариант перевода на английский язык немецкого термина *Übersetzungsauftrag*, предложенный Джанет Фрейзер (Nord 2008).

В своей концепции переводческого задания К. Норд развивает одно из основных положений теории скопос, согласно которому один и тот же текст может переводиться по-разному в зависимости от поставленной цели. Однако в отличие от позиции К. Райс и Г. Вермеера К. Норд считает, что выбор цели перевода не является абсолютно свободным, он должен быть совместим с исходным текстом в том смысле, что цель перевода не должна идти вразрез или противоречить интенциям автора оригинала. Представление о цели перевода можно получить из переводческих инструкций, или переводческого задания, хотя в реальной практике переводчику далеко не всегда предоставляется вся релевантная информация, что неизбежно сказывается на качестве перевода. И главная причина заключается в том, что заказчики часто не понимают, какую информацию они должны

предоставить переводчику, чтобы в итоге получить именно тот текст, который им требуется.

При отсутствии переводческого задания переводчик определяет цель перевода, основываясь на собственном практическом опыте работы с аналогичными заказами или, как отмечает Дж. Фрейзер, пытается установить *подразумеваемую* цель, исходя из характера исходного материала или информации, полученной в процессе общения с клиентом. Согласно исследованиям Дж. Фрейзера, только 12 % переводчиков располагают информацией о получателе перевода, 21 % переводчиков говорят о назначении текста перевода. При отсутствии переводческого задания только 8 % переводчиков интересуются тем, кто является конечным получателем перевода, и 3 % переводчиков интересуются назначением текста (цит по: Jensen 2009: 2).

С другой стороны, согласно более позднему исследованию, проведённому М. Йенсен, переводческое задание получает всё более широкое распространение на практике. По данным М. Йенсен, полученным в результате опроса переводческого сообщества Дании, 12,8–17 % переводчиков получают задание *всегда*, а 45 % респондентов получают задание *часто*. Если же переводческое задание отсутствует, то его запрашивают 20 % штатных переводчиков, а 50 % внештатных переводчиков ответили, что запросили бы его в подобной ситуации. 85,1 % респондентов считают переводческие задания очень или достаточно важными и активно их используют. Наряду с этим, автор цитируемой работы отмечает, что некоторые заказчики отказываются предоставлять переводческие задания, так как не понимают, почему это важно для переводчика. Что касается самих переводчиков, то некоторые из них также не хотят тратить время на общение с клиентом, особенно если заказ срочный (Там же: 110–111).

В отечественной литературе проблема переводческого задания затрагивается в работах, посвящённых в основном техническому переводу, и рассматривается в контексте *взаимодействия переводчика и заказчика или инициатора перевода*. Если считать переводческое задание инструментом коммуникации между основными участниками переводческого процесса, то далее неизбежно возникает вопрос о компетенции заказчика или инициатора технического перевода и его способности чётко сформулировать задачу. И здесь нельзя не отметить, что в настоящее время существуют разные мнения о целесообразности и эффективности общения переводчика с заказчиком. С точки зрения Б. Н. Климзо, переводчик «должен постепенно, но последовательно воспитывать посредника. Лучше заказчика и посредника понимая особенности предлагаемого на перевод материала, профессиональный переводчик должен демонстрировать посреднику необхо-

димостью серьезного отношения к качеству» (Климзо 2006: 165). И. С. Шалыт видит в заказчике исключительно менеджера розничной торговли, ничего не понимающего в переводе (Шалыт 2007). Таким образом, по мнению этих авторов, заказчик является наименее подготовленным участником переводческого процесса, и поэтому вопрос о его участии в переводе, а тем более, его ответственности за качество, остаётся открытым. А. Р. Станиславский придерживается другой точки зрения, считая, что «заказчики перевода (или их представители) бывают разные, и есть такие из них, которые могут обсуждать коммуникативные задачи перевода на равных с исполнителем перевода (бюро переводов или переводчиком), в том числе и в формате предлагаемого скопос-теорией переводческого задания». В качестве примера автор цитируемой работы приводит успешный опыт использования переводческого задания компанией «TranslateMedia», которая предлагает потенциальному заказчику сформулировать свои конкретные требования к тексту и указать их в специально разработанном компанией опросном листе. Основные позиции включают информацию о целевой аудитории, предназначении и рекомендуемой тональности текста перевода, а также дополнительные информационные материалы. Ещё один пример — это опыт компании «Hablamos Juntos», которая подготовила документ с подробным описанием методики разработки переводческого задания с приложением в виде опросного листа для заказчика. Помимо собственно переводческого задания, включающего функцию текста, аудиторию и цель перевода, в опросном листе содержатся такие пункты, как оценка качества исходного текста, понимаемого как его удобочитаемость, анализ культурной специфики исходного материала, а также *иное* (например, требования, касающиеся целевой аудитории и конкретной ситуации).

На основании сделанного обзора А. Р. Станиславский приходит к выводу о том, что использование переводческого задания способно оптимизировать взаимодействие основных участников процесса технического перевода при соблюдении следующих условий: 1) желание и способность заказчиков «профессионально вербализировать свои целевые требования к переводу и целевой аудитории»; 2) заинтересованность исполнителей в «получении от инициаторов технического перевода профессиональных инструкций и готовности четко следовать им в процессе перевода»; 3) желание и готовность инициаторов перевода разрабатывать «собственные методики или адаптировать для своих нужд существующие методики разработки переводческого задания» (Станиславский 2014).

Как уже было отмечено выше, переводческое задание является инструментом взаимодействия участников процесса перевода, и на этом основании его также можно считать и важным *компонентом организации дан-*

ной деятельности, что, в свою очередь, непосредственно связано с обеспечением качества перевода. Однако если для западного переводоведения главным критерием качества перевода является его соответствие требованиям и / или ожиданиям заказчика, то в классических отечественных пособиях по теории и практике перевода про требования заказчика, а тем более про инструкции для переводчика, речь вообще не шла и до сих пор не идёт. В соответствии с предельно общими выводами, следующими из лингвистической теории, переводчик, действуя в соответствии с нормами и правилами перевода, создаёт текст, отвечающий требованиям эквивалентности и адекватности, что, собственно, и обеспечивает его качество. По крайней мере, это достаточно расхожее представление получило отражение во многих традиционных учебниках по теории перевода. Однако данное положение отнюдь не является абсолютным мейнстримом. Например, в русле теории функциональной эквивалентности А. Д. Швейцера, главным ориентиром для переводчика является коммуникативная установка текста (Швейцер 1998: 94–99); в соответствии с нормативной концепцией В. Н. Комиссарова качество перевода обеспечивается его прагматической ценностью, т.е. его соответствием тем задачам, для решения которых он выполнялся (Комиссаров 1990: 231); согласно трактовке Н. К. Гарбовского, основным признаком и свойством адекватности перевода является его ориентированность на получателя сообщения, (Гарбовский 2004: 289); в модели переводческой констелляции М. Я. Цвиллинга отражено взаимодействие прямых и косвенных участников процесса перевода и влияние их целевых установок на конечный результат (Цвиллинг 2009: 116–123) и т. д.

В коммуникативно-функциональной парадигме, активно разрабатываемой В. В. Сдобниковым, *цель перевода* является одним из наиболее значимых параметров этого вида деятельности. Соответственно, достижение наиболее оптимального результата определяется выбором способа перевода и переводческой стратегии, что, в свою очередь, обусловлено спецификой конкретной коммуникативной ситуации. По сути, коммуникативная ситуация определяет цель перевода в зависимости от того, каким образом получатель или заказчик перевода предполагает этот перевод использовать, и таким образом предоставляет переводчику информацию, необходимую для адекватного выбора стратегии (Сдобников 2015).

В настоящее время фактор получателя перевода становится одним из приоритетов для переводчиков-практиков и для переводческих агентств (в том числе и российских), хотя, как уже было упомянуто выше, здесь далеко не всё однозначно. Однако есть некоторые основания считать, что потребности заказчика и / или целевой аудитории и соответствующая цель перевода перестают быть чем-то чисто теоретическим и спекулятивным.

В результате изменяется и подход к переводческому процессу на организационном уровне.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом нашего исследования является метапереводческий дискурс, реализуемый в переводоведческой литературе, нормативной документации в сфере оказания переводческих услуг, рекомендуемых образцов переводческого задания и практических примеров его использования. Выбор данного материала обусловлен целью настоящего исследования, которая состояла в том, чтобы рассмотреть переводческое задание с нескольких различных, но при этом взаимосвязанных точек зрения: с позиций теории перевода; с точки зрения нормативных требований, содержащихся в доступных на сегодняшний день стандартах и рекомендациях; а также проанализировать примеры шаблонов переводческого задания и информацию, представленную на сайтах крупных переводческих агентств. Но поскольку в первых двух случаях эта информация носит нормативно-рекомендательный характер, а в третьем в большей степени информационно-рекламный, то нам также было важно получить представление о том, каким образом осуществляется взаимодействие между основными участниками переводческого процесса на практике. Поэтому мы дополнили наш материал, рассмотрев вопрос о статусе и содержании переводческого задания в производственной сфере перевода, опираясь на собственный опыт согласования заказов на перевод. Основное внимание было сосредоточено на концептуализации понятий *процесс перевода* и *переводческое задание* в разных жанрах метапереводческого дискурса, что потребовало использования теоретических и эмпирических методов исследования. Метод теоретического анализа направлен на выделение и обсуждение конкретного содержания рассматриваемых понятий, обсуждения их конкретных сторон и специфики. При изучении отдельных прецедентов и их систематизации использовались методы анализа текста, методы описания, обобщения и классификации.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Переводческое задание как компонент организации процесса перевода

Начнём с некоторых предварительных замечаний, касающихся понятия *процесс перевода*. В теории перевода содержание данного термина обусловлено парадигмой исследования и включает мыслительные операции переводчика, основные этапы перевода, а также принятие переводческого решения и его обусловленность внешними и внутренними фактора-

ми. С точки зрения Т. А. Волковой, основная граница проходит между «лингвистическим (структурным, трансформационным) и антропоцентрическим (деятельностным, когнитивным) подходами» (Волкова 2016:18).

Если же говорить об *организации перевода*, то в традиционной теории такая формулировка отсутствует, однако данный термин широко используется в нормативной документации, регулирующей сферу оказания переводческих услуг. Так, в документе от Союза переводчиков России (СПР) «Рекомендации переводчику и заказчику» содержится раздел под названием *Организация перевода* (СПР, 03.02.2021); в европейском стандарте EN 15038:2006 информация аналогичного характера включена в раздел *Project management* (EN 15038:2006, 2018 September 09); в американском стандарте ASTM F 2575-06 процесс перевода описывается в разделе *Description of Project Phases* (ASTM F 2576-06, 2021, January 10).

Сравнительный анализ более ранних версий указанных документов, осуществлённый С. Ф. Рыбкиным, продемонстрировал следующее. Если европейский стандарт ориентирован исключительно на *поставщиков переводческих услуг* (*Translation Service Providers*), то Рекомендации СПР «устанавливают рекомендательные требования» уже для двух сторон: *заказчика перевода и переводчика*. Американский стандарт предназначен для *всех участников переводческого процесса*: заказчиков (*requesters*) и конечных потребителей (*end users*) перевода, поставщиков переводческих услуг, штатных или внештатных (*internal or external*), и даже для обучающих учреждений (*training institutions*) (Рыбкин 2009).

В этих и других разработанных на сегодняшний день нормативных документах организация переводческой работы позиционируется как одно из главных условий обеспечения качества перевода. И хотя в «Рекомендациях СПР» основная ответственность лежит всё-таки на исполнителе, здесь же указывается, что заказчик должен определить свои требования к качеству в договоре о выполнении письменного перевода (ДПП). Как отмечает Р. Ф. Рыбкин, это положение напоминает определение качества перевода в американском стандарте как *соблюдение согласованных спецификаций* (*agreed-upon specifications*). Со своей стороны отметим, что тезис о согласованных спецификациях в полной мере соответствует идее о том, что качество конечного продукта напрямую связано с эффективной коммуникацией между всеми заинтересованными сторонами переводческого процесса. Данный вопрос достаточно подробно освещается в «Рекомендациях СПР», согласно которым в ДПП помимо основных пунктов стандартного договора (сроки, оплата, конфиденциальность и т. д.) должна быть прописана и *функция переводного текста*.

В американском стандарте коммуникация между заказчиком и поставщиком переводческих услуг описывается в разделах, посвященных фазам переводческого проекта: фаза согласования спецификаций (*specifications phase*), производственная фаза (*production phase*) и фаза послепроектной проверки (*post-project review*). Таким образом, американский стандарт предписывает согласовывать параметры исходного текста, параметры текста перевода и процедурные параметры. Показательно, что, независимо от объема, все переводческие проекты требуют взаимодействия заказчика и менеджера проекта, который в некоторых случаях будет и переводчиком. И чем сложнее проект, чем больше участников вовлечено, тем большее значение приобретает коммуникация между ними.

Хотелось бы также обратить внимание на то, что в отечественной переводческой отрасли уже достаточно давно вошёл в употребление термин *техническое задание (ТЗ) на перевод*, под которым обычно понимается документ, содержащий детальное описание проекта. В широком смысле речь идёт об информации, важной как для заказчика, так и для исполнителя, которая одновременно служит переводчику как ориентиром в процессе его конкретной работы, так и своеобразным «щитом» при её сдаче.

В качестве примера рассмотрим «Правила оказания переводческих и особых видов лингвистических услуг», разработанные ООО «Транслинк-24» и ФГУП «Российский научно-технический центр информации по стандартизации, метрологии и оценке соответствия» («СТАНДАРТИНФОРМ»), которые были утверждены и введены в действие Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии в 2014 году. Отметим, что в данном документе термин *ТЗ на перевод* используется как синоним термина *ТТ к переводу* (под последним понимаются *технические требования заказчика*). В частности, данные термины являются ключевыми в пункте 5.2.1 рассматриваемого документа, посвящённого описанию «процесса оказания услуг письменного перевода», в котором выделяются следующие этапы: 1) подготовка оригинала к переводу; 2) перевод «в соответствии с техническими требованиями (техническим заданием) заказчика». Здесь же указано, что «по завершении этапа перевода исполнитель обязан проверить переведенный документ на соответствие ТТ (ТЗ) заказчика и проектным правилам»; 3) редактирование; 4) оформление «переведенного документа в соответствии с ТТ (ТЗ) заказчика»; 5) корректура, в ходе которой текст перевода проверяется «на соответствие ТТ (ТЗ) заказчика». По результатам корректуры текст либо поступает на этап контроля качества, либо возвращается на один или несколько предыдущих этапов (перевод, редакция или верстка); 6) контроль качества, который, по сути, представляет собой окончательную проверку.

В других разделах данного документа ТЗ (или ТТ) также является ведущим ориентиром для исполнителя, наряду с соответствующими ГОСТами. Так, например, в разделе 5.2.3 «Требования к оформлению документов» указано, что «Переведенная документация, предназначенная для последующего издания, оформляется исполнителем работ по ГОСТ 2.004-88, ГОСТ 2.601-2006, ГОСТ 2.901-99, другим нормативным документам и в соответствии с ТЗ (ТТ) заказчика».

Сегодня разрабатываются различного рода рекомендации по составлению ТЗ на перевод и его содержанию. Например, рекомендации, разработанные БП «Блиц-перевод», включают подраздел «Содержание ТЗ на Перевод», в котором рекомендуется включать в ТЗ следующие пункты: информацию о целевой аудитории; сферу дальнейшего использования текста перевода; стиль изложения (деловой, публицистический, художественный, или другой), а также прописать пункт о допустимости отклонения от стиля исходного текста. Кроме того, рекомендуется приложить к ТЗ ранее переведённые материалы подобного рода, содержащие необходимую терминологию и контактные данные консультанта, который при необходимости может предоставить переводчику дополнительную информацию.

Некоторые переводческие фирмы выкладывают образцы технических заданий, как, например, «Техническое задание на оказание переводческих услуг», размещённое на сайте БП «Норма-ТМ». Согласно данному образцу, в ТЗ на перевод рекомендуется включать такие разделы, как наименование и описание услуги, требования к услугам, результат оказанных услуг, перечень принятых сокращений и перечень приложений. Состав и оформление информации, которая относится к конкретному заказу, рекомендуется выстраивать в соответствии с уже рассмотренными выше «Правилами».

Следующий шаг в нашем исследовании состоял в анализе информации о компонентах переводческого процесса, размещённой на сайтах крупных переводческих фирм и компаний. В результате нами были выявлены некоторые закономерности, позволяющие говорить о следующих вариантах организации процесса перевода на сегодняшний день.

Вариант 1: общая схема оказания услуг. Организация процесса перевода представлена как стандартная ситуация по оказанию услуг, не отражающая специфики переводческой деятельности. Например, схема, размещённая на сайте Международной службы переводов «Филин», выглядит следующим образом: 1) составление договора; 2) заявка от клиента; 3) расчет стоимости и сроков; 4) утверждение заявки в работу; 5) выполнение перевода; 6) выдача готового заказа; 7) акт выполненных работ за месяц; 8) оплата 1 раз в месяц.

Вариант 2: общая схема + информация нормативно-теоретического характера. Организация процесса может быть представлена по предельно лаконичной схеме: 1) оформление заказа; 2) оплата; 3) получение заказа, однако может сопровождаться достаточно объёмной информацией теоретического характера. Например, на сайте БП «Прима Виста» имеется раздел «Полезная информация», ориентированный исключительно на переводчиков. Данный раздел посвящён нормативной теории и особенностям перевода на материале 80 языков. Однако про инструкции для переводчика или ТЗ в каком-либо виде здесь не упоминается.

Вариант 3: общая схема + рекомендации переводчику. Так, например, информация, представленная на сайте БП Simwell, включает методические рекомендации переводчику, которые можно рассматривать как те же инструкции. Однако здесь необходимо обратить внимание на то, что эти рекомендации исходят не от заказчика, а от самого бюро переводов. Данные инструкции имеют общий характер и частично дублируют информацию уже упомянутых выше Рекомендаций СПР, а также включают *общие* нормативные требования к выполнению перевода, например, правила перевода терминов, имён собственных, заголовков, общие требования к грамматике и стилистике и рекомендации по использованию программ и баз переводов (*Trados, ProMT* и т. п.).

Вариант 4: схема организации процесса перевода с выделением и кратким описанием основных этапов работы. Например, на сайте БП «ЛингваКонтакт» это выглядит следующим образом: перевод текста переводчиком (лингвистом / «технарём») с большим опытом работы в соответствующей области; подготовка глоссария для проекта; редакция перевода профильным специалистом; выбор наиболее подходящего из более чем 1000 переводчиков; вычитка профессиональным редактором / корректором; вёрстка файла с использованием специализированного ПО. Однако складывается впечатление, что в данном случае этапы работы перечислены в произвольном порядке, а их содержание говорит об отождествлении понятий «организация процесса перевода» и «организация предоставления переводческой услуги».

Вариант 5: схема организации переводческого проекта, включающая взаимодействие с заказчиком. В качестве примера приведём информацию об организации переводческой работы, размещённую на сайте БП «Альба». Обратим внимание, что в данном случае общая схема (оценка заказа — подготовка заказа — процесс перевода) получает конкретное наполнение и детализацию в соответствии с конкретными этапами переводческого проекта, причём организация переводческого проекта, в отличие от предыдущих примеров, включает *взаимодействие с заказчиком*. Данный

компонент, обозначенный как «анализ требований заказчика и их уточнение», получает отражение на этапах «Оценка заказа» и «Подготовка заказа». Что касается этапа, обозначенного как «Процесс перевода», то здесь выделяются такие стадии работы, как перевод, проверка, редактирование, правка и контроль.

В качестве небольшого резюме отметим следующее. Несмотря на то, что в настоящее время термин ТЗ на перевод широко используется как в нормативной документации, так и в профессиональном обиходе, в рассмотренных нами организационных схемах данный компонент «в чистом виде» в большинстве случаев не представлен. Более того, можно констатировать достаточно широкое понимание данного термина: ТЗ может означать практически то же самое, что и договор на оказание переводческих услуг, и более конкретные инструкции для переводчика в виде правил перевода и требований заказчика.

3.2. Анализ практики

В первую очередь нас интересовал вопрос о том, насколько и каким образом рассмотренная выше нормативно-рекомендательная информация используется в практической работе. С этой целью мы рассмотрели конкретные ТЗ на перевод, что позволило получить следующую картину. В нашем случае базовыми компонентами оказались текст оригинала, ставка и срок выполнения. Помимо этого, в некоторых ТЗ присутствует глоссарий или ссылка на электронный документ, содержащий рекомендуемую отраслевую терминологию, руководство по стилю, база *Trados*, а также различные вспомогательные материалы в виде перевода текста по схожей тематике или перевод предыдущей версии документа. В некоторых случаях термин ТЗ отождествлялся с так называемыми стайлгайдами — т. е. руководствами по стилю. Приведём несколько характерных примеров.

Заказ 1. Перевод научной статьи для иностранного журнала, поступил от БП ГТГ. ТЗ на перевод:

Текст оригинала

Глоссарий АЯ-РЯ (полный) и РЯ-АЯ (частичный)

Вспомогательные материалы (перевод текста по схожей тематике)

Количество страниц

Объем расчётной страницы

Срок

Тариф

Комментарий по качеству тестового перевода

Просьба подтвердить получение

В данном случае цель перевода была достаточно прозрачна, так как перевод предназначался для публикации в научном журнале, аудитория которого в принципе аналогична аудитории ИТ. Следовательно, от переводчика требовалось создать функциональный аналог исходного текста, т. е. выполнить коммуникативно-равноценный перевод, соответствующий жанрово-стилистической норме и требованиям по оформлению конкретного периодического издания.

Заказ 2. Отчёт по киберпреступлениям, поступил от специализированного учреждения ООН — Международного Союза Электросвязи. ТЗ на перевод:

*Файл с выделенными вставками, подлежащими переводу
Прежняя версия документа, который уже переводился ранее
Перевод прежней версии*

Style Guide

Ссылка на базу терминов

<https://unterm.un.org/unterm/portal/welcome>

Глоссарий

Ставка

Срок

Просьба подтвердить получение

Изначально перевод предназначался для внутреннего пользования сотрудниками организации, но, несмотря на то, что позже этот текст был размещен на сайте бесплатной интернет-библиотеки, и аудитория получателей стала шире, популяризация данного текста не предполагалась. В данной ситуации от переводчиков по умолчанию требовался функциональный аналог исходного текста. Ввиду очень большого объема документа (книга содержит 370 страниц) работала команда переводчиков, и одна из приоритетных задач состояла в обеспечении терминологического единства.

Заказ 3. Частный заказ на перевод книги по инвестициям в предметы искусства. ТЗ на перевод:

Оригинал (сканы страниц книги)

Распознанный документ word

Сроки

Ставка

Просьба прислать первые 20 страниц «сырого» перевода для оценки качества

Как и в предыдущих случаях, заказчик также не предоставил конкретных инструкций, поэтому переводчику было необходимо установить подразумеваемую цель перевода и определить его потенциального получа-

теля. Переводчик исходил из следующих соображений. В ходе устного согласования работы заказчик уточнил, что данный перевод предназначен для публикации. Поскольку авторы статей, входящих в данный сборник, известны своей широкой публикационной активностью в области инвестиций в предметы искусства, переводчик видел свою задачу в том числе и в передаче авторского стиля. Для этого пришлось познакомиться с другими работами этих авторов, тем более что некоторые из их работ уже переводились на русский язык.

Заказ 4. Презентация, поступил от фирмы «McLean and Company». ТЗ на перевод:

Файл power point на перевод
Расчет для перевода в Trados
Глоссарий
Ставка
Срок

Данный текст был размещён на слайдах презентации, а его перевод предназначался для использования по его аналогичному целевому назначению: презентации для проведения внутреннего тренинга в компании. Особые пожелания заказчика касались стиля и заключались в том, чтобы предложения, размещённые на слайдах, «удобоваримо звучали не только в письменной, но и в устной речи». В ходе тренинга коуч планировал активно ссылаться на слайды, и на них же должен был опираться и устный переводчик.

Заказ 5. Внутренний заказ Воронежского государственного университета на перевод текста договора. ТЗ на перевод:

Оригинал
База Trados
Расчет
Ставка
Срок

Перевод данного текста требовался для подписания двуязычного документа, составленного в соответствии с законодательством РФ. Поэтому от переводчика также требовалось создание функционального аналога исходного текста, строгое соблюдение жанрового канона, терминологической точности и узуса данного регистра.

Нетрудно заметить, что во всех приведённых примерах руководство по стилю, а также информация о цели перевода или функции ПТ, равно как и о конечном получателе перевода, были предоставлены не во всех случаях. Однако при этом можно констатировать, что переводчик успешно справился со своими задачами, поскольку претензий к результатам его ра-

боты не возникло. На наш взгляд, объясняется это тем, что все приведённые выше случаи относились к *стандартной ситуации перевода*, предполагающей создание функционального аналога исходного текста со сходными жанрово-стилистическими характеристиками. По сути, речь идёт о переводе, который предназначается для использования в коммуникативных ситуациях, аналогичных исходной КС, и ориентирован на получателя, потребности и интересы которого аналогичны потребностям получателя ИТ.

Таким образом, в стандартной ситуации перевода квалифицированный переводчик-лингвист может получить необходимую ему информацию в ходе ознакомления с содержанием исходного материала и определения его жанровой принадлежности. Иными словами, уже на этапе предварительного просмотра переводчик осуществляет своего рода экспресс-анализ исходного текста и определяет для себя релевантные параметры текста перевода.

Что касается *нестандартной ситуации перевода*, то зачастую она возникает по целому ряду причин. В первую очередь, это может быть ярко выраженная лингвокультурная специфика исходного материала, который требуется перевести для представителей дистантной (во временном или пространственном отношении) культуры. Или, например, это может быть узкоспециальная область ИТ, перевод которого требуется осуществить для более широкой аудитории. Осложняет нестандартную ситуацию и то обстоятельство, что заказ на перевод может поступать не только напрямую от заказчика, но и через посредника, и даже не одного. Такие цепочки бывают довольно длинными и тогда конечного получателя не всегда возможно отследить. И поскольку это означает, что здесь могут иметь место разные цели и разные стратегии, в подобных случаях переводчику крайне необходима информация о том, каким образом планируется использовать текст перевода, и / или что представляет интерес для конечного получателя. И, напротив, недостаток подобной информации может быть критичен для результата перевода, не говоря уже о неоправданно высоких временных и трудовых затратах для переводчика.

4. Заключение

В результате проведённого исследования мы пришли к выводу о том, что организация и содержание переводческого процесса являются важными факторами в обеспечении качества перевода. Основное внимание было уделено изучению проблемы переводческого задания как компонента организации процесса перевода, которое является достаточно эффективным, но не в полной мере признанным и используемым в настоящее время инст-

рументом взаимодействия участников процесса перевода. В работах по теории перевода и нормативной документации содержание данного понятия понимается весьма широко. Согласно изначальной трактовке переводческого задания в русле теории скопос, это информация о предназначении текста перевода, его адресате, хронотопе и канале передачи информации. Предоставление таких данных на предварительном этапе позволяет переводчику создать текст перевода, в максимальной степени отвечающий потребностям и ожиданиям заказчика. В нормативной документации инструкции для переводчика обозначаются термином *техническое задание (ТЗ) на перевод*, или *технические требования (ТТ) заказчика*. Анализ информации, размещённой на сайтах крупных переводческих агентств, и рекомендуемых образцов ТЗ на перевод свидетельствует о том, что содержание инструкций для переводчика может включать как достаточно объёмные нормативные разделы теории перевода, так и ссылки на правила перевода, закреплённые в соответствующих ГОСТах. Анализ примеров из собственной практики авторов показывает, что инструкции для переводчика в большинстве случаев отождествляются с руководствами по стилю, за исключением тех редких случаев, когда заказчик уточняет свои специфические требования и пожелания к переводу при устном согласовании заказа на перевод. Перспективы дальнейшего исследования проблемы переводческого задания видятся в изучении ситуации в учебной сфере перевода и её сопоставлении со сферой производственной. Как цель, так и процесс перевода в учебной и производственной сфере выглядят по-разному, и несмотря на то, что в настоящее время очевидна необходимость сближения учебной сферы и переводческой отрасли, между ними существуют значительные различия, обусловленные их специфическими приоритетами.

Список литературы / References

- Волкова Т. А. От модели перевода к стратегии перевода: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. [Volkova, Tatyana A. (2016) *Ot modeli perevoda k strategii perevoda: monografija* (From the Translation Model to the Translation Strategy). М.: FLINTA: Nauka. (In Russian)].
- Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. [Garbovskij, Nicholai K. (2004) *Teorija perevoda: uchebnik* (A Coursebook on Translation Theory). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russian)].
- Климзо Б. Н. Ремесло технического переводчика. М.: Р. Валент, 2006. [Klimzo, Boris N. (2006) *Remeslo tehničeskogo perevodchika* (The Craft of Technical Translator). Moscow: R.Valent. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. [Komissarov, Vilen N. (1990) *Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty): Uchebnik dlja in-tov i fak. inostr. jaz.* (Translation

- Theory (Linguistic Aspects): A Coursebook for Institutes and Foreign Language Departments). М.: Vysshaya Shkola. (In Russian)].
- Письменный перевод. Рекомендации переводчику, заказчику и редактору. 3-я редакция [Электронный ресурс] // Союз Переводчиков России. URL: <http://www.russian-translators.ru/perevodchesky-opit/practika/01/> (дата обращения 03.02.2021) [Translation. Recommendations for Translators, Commissioners and Editors. 3-rd edition (2021, February 03). *Soyuz Perevodchikov Rossii* (Union of Translators of Russia). Retrieved from <http://www.russian-translators.ru/perevodchesky-opit/practika/01/>. (In Russian)].
- Правила оказания переводческих и особых видов лингвистических услуг [Электронный ресурс] // Стандартинформ 2014 ПР50.1.027 2014. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200111365> (дата обращения 03.02.2021). [Rules for Rendering of Translation and Special Types of Linguistic Services (2021, February 03). *Standartinform*. Retrieved from <http://docs.cntd.ru/document/1200111365/>. (In Russian)].
- Рыбкин С. Ф. Нормирование переводческого процесса [Электронный ресурс] // Энциклопедия переводчика. URL: <http://www.trworkshop.net/wiki> (дата обращения 12.01.2021). [Rybkin, Sergei F. Normirovanie perevodcheskogo (Standardization of Translation Process) (2021, January 12). *Entsiklopediya perevodchika* (Encyclopaedia of Translator). Retrieved from <http://www.trworkshop.net/wiki>. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход): монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. [Sdobnikov, Vadim V. (2015) *Otsenka kachestva perevoda (kommunikativno-funktional'nyj podhod): monografija* (Assessment of Translation Quality (Commucative-Functional Approach). Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russian)].
- Союз переводчиков России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.translators-union.ru/> (дата обращения 03.02.2021) [Union of Translators of Russia (2021, February 03). Retrieved from <http://www.translators-union.ru/>. (In Russian)]
- Станиславский А. Р. К решению коммуникативной проблемы в техническом переводе: переводческое задание. [Электронный ресурс] // Филология и литературоведение. 2014. № 11. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/11/1026> (дата обращения: 11.09.2020). [Stanislavskii, Andrei R. (2014) *K resheniyu kommunikativnoy problemy v tekhnicheskom perevode: perevodcheskoe zadanie* (Towards the Solution of Problems of Communication in Technical Translation: the Translation Brief). *Filologiya i literaturovedenie* (Philology and Literary Studies), 11 (2020, September 09). Retrieved from <http://philology.snauka.ru/2014/11/1026> (In Russian)].
- Цвиллинг М. Я. Понятие переводческой констелляции // О переводе и переводчиках / сб. науч. ст. М.: Восточная книга, 2009. С. 116–123. [Tsvilling, Michail Ya. (2009) *Ponyatie perevodcheskoi konstellyatsii* (A Concept of Translational Constellation). *O perevode i perevodchikakh* (On Translation and Translators). Moscow: Vostochnaya kniga, 116–123. (In Russian)].
- Шалыт И. С. Качество перевода технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intent93.ru/useruploads/files/Lecture.pdf> (дата обращения: 02.02.2021). [Shalyt, Israel S. *Kachestvo perevoda tekhnicheskoy dokumentatsii* (Translation Quality of Technological Documents) (2021, February 02). Retrieved from <http://www.intent93.ru/useruploads/files/Lecture.pdf> (In Russian)].

- Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. [Shvejcer, Alexander D. (1988) *Teorija perevoda: status, problemy, aspekty* (Translation Theory: Status, Problems, Aspects). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- ASTM F 2575-06 Standard Guide for Quality Assurance in Translation (2021, January 10). Retrieved from <https://www.astm.org/Standards/F2575.htm>.
- European quality standard EN-15038:2006 (2018, September 9) Retrieved from: <http://qualitystandard.bs.en-15038.com/>.
- Jensen, Matilde N. (2009) *Professional Translators' Establishment of Skopos — A 'Brief' Study*. Aarhus, Denmark: Aarhus School of Business, Institut for Sprog og Erhvervskommunikation.
- Nord, Christiane. (2006) Loyalty and Fidelity in Specialized Translation. *Artigos e comunicações: Confluências — Revista de Tradição Científica e Técnica*, 4, Maio, 29–41.
- Nord, Christiane. (2008, May) *Defining Translation Functions. The Translation Brief as a Guideline for the Trainee Translator* (2021, January 14). Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/49617959_Defining

Источники языкового материала / Language material resources

- БП «Альба» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/qa-process.html> (дата обращения 03.02.2021). [Translation Agency “ALBA” (2021, February 03). Retrieved from <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/qa-process.html>. (In Russian)].
- БП «Блиц-перевод» [Электронный ресурс]. URL: <https://blitz-perevod.ru/> (дата обращения 03.02.2021). [Translation Agency “Blitz-perevod” (2021, February 03). Retrieved from <https://blitz-perevod.ru/>. (In Russian)].
- БП «ЛингваКонтакт» [Электронный ресурс]. URL: <https://linguacontact.com/pismennyu-perevod/> (дата обращения 03.02.2021). [Translation Agency “LINGVAKONTAKT” (2021, February 03). Retrieved from <https://linguacontact.com/pismennyu-perevod/>. (In Russian)].
- БП «Норма-ТМ» [Электронный ресурс]. URL: http://www.norma-tm.ru/tehicheskoe_zadanie_na_perevod.html (дата обращения 03.02.2021). [Translation Agency “Norma-ТМ” (2021, February 03). Retrieved from http://www.norma-tm.ru/tehicheskoe_zadanie_na_perevod.html. (In Russian)].
- БП «Прима Виста» [Электронный ресурс]. URL: https://www.primavista.ru/rus/price/kak_zakazat_perevod (дата обращения 03.02.2021). [Translation Agency “PrimaVista” (2021, February 03). Retrieved from https://www.primavista.ru/rus/price/kak_zakazat_perevod. (In Russian)].
- БП «Филин» [Электронный ресурс]. URL: <https://bp-philin.ru/corporate> (дата обращения 03.02.2021). [Translation Agency “Philin” (2021, February 03). Retrieved from <https://bp-philin.ru/corporate>. (In Russian)].
- БП Simwell [Электронный ресурс]. URL: <https://www.simwell.ru/translators/metodicheskie-rekomendatsii-po-perevodu/> (дата обращения 03.02.2021). [Translation Agency “SIMWELL” (2021, February 03). Retrieved from <https://www.simwell.ru/translators/metodicheskie-rekomendatsii-po-perevodu/>. (In Russian)].

УДК 81'322

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-41-52

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

О. И. Кузьмин

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

Современный мир движется в направлении глобальной цифровизации и, в частности, к софтверизации. Повсеместно происходят процессы замены человеческого ресурса на цифровые сервисы или программы, имитирующие выполнение схожих задач. Несомненно, что применение таких технологий в долгосрочной перспективе имеет экономические выгоды для предприятий и компаний. Однако, несмотря на это, качество конечного результата часто оказывается неудовлетворительным. Системы машинного перевода (МП) не являются исключением. До сих пор невозможно обойтись без редакторской правки текста, переведенного с помощью сервисов онлайн перевода. Полностью автоматизированный перевод высокого качества на сегодняшний день не является возможным ввиду многих факторов. Основная причина кроется в тайнах естественного языка: существовании подъязыков, абстрактных слов, полисемии.

Повышение качества работы систем машинного перевода является одной из приоритетных задач обработки естественного языка (*NLP* — *natural language processing*). За последние годы был сделан существенный прорыв в скорости анализа информации, и в будущем этот вопрос не будет первостепенным. Главными критериями оценки качества переведенных текстов будут являться смысловая связность текста и семантическая точность использованных лексических материалов. Для усовершенствования систем МП необходимо внести элементы дифференциации данных и персонализации информации под индивидуальные задачи пользователя. Для этих задач необходимо использование способа тематического моделирования для отнесения текста к той или иной предметной области. В настоящее время существуют алгоритмы, основанные на глубоком обучении, которые способны выполнять данные задачи. Однако процесс выявления уникальных лексических единиц требует более детального лингвистического описания семантических особенностей. Методы парсинга, которые будут задействованы при анализе текстов, должны также предусматривать возможность кластеризации по подъязыкам. Создание электронных автоматизированных словарей профессиональных областей знаний поможет качественно улучшить работу систем машинного перевода. Стоит отметить, что до сих пор не было успешных проектов по созданию словарей машинных систем перевода конкретных подъязыков. Таким образом, возникает потребность в разработке таких словарей и интеграции их в существующие системы онлайн-перевода.

Ключевые слова: машинный перевод; нейросетевой перевод; статистический перевод; гибридный перевод; обработка естественного языка (*NLP*).

Modern Machine Translation Systems: Trends and Prospects

Oleg I. Kuzmin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

The modern world is moving towards global digitalization and accelerated software development with a clear tendency to replace human resources by digital services or programs that imitate the doing of similar tasks. There is no doubt that, long term, the use of such technologies has economic benefits for enterprises and companies. Despite this, however, the quality of the final result is often less than satisfactory, and machine translation systems are no exception, as editing of texts translated by using online translation services is still a demanding task. At the moment, producing high-quality translations using only machine translation systems remains impossible for multiple reasons, the main of which lies in the mysteries of natural language: the existence of sublanguages, abstract words, polysemy, etc. Since improving the quality of machine translation systems is one of the priorities of natural language processing (NLP), this article describes current trends in developing modern machine translation systems as well as the latest advances in the field of natural language processing (NLP) and gives suggestions about software innovations that would minimize the number of errors. Even though recent years have seen a significant breakthrough in the speed of information analysis, in all probability, this will not be a priority issue in the future. The main criteria for evaluating the quality of translated texts will be the semantic coherence of these texts and the semantic accuracy of the lexical material used. To improve machine translation systems, we should introduce elements of data differentiation and personalization of information for individual users and their tasks, employing the method of thematic modeling for determining the subject area of a particular text. Currently, there are algorithms based on deep learning that are able to perform these tasks. However, the process of identifying unique lexical units requires a more detailed linguistic description of their semantic features. The parsing methods that will be used in analyzing texts should also provide for the possibility of clustering by sublanguages. Creating automated electronic dictionaries for specific fields of professional knowledge will help improve the quality of machine translation systems. Notably, to date there have been no successful projects of creating dictionaries for machine translation systems for specific sublanguages. Thus, there is a need to develop such dictionaries and to integrate them into existing online translation systems.

Key words: machine translation; neural translation; statistical translation; hybrid translation; natural language processing (NLP).

1. Введение

Современный мир — это мир *high tech*. Высокие технологии, построенные на алгоритмах и вычислениях, напрямую влияют на все сферы жизни человека. Сегодня почти каждый человек в мире обладает смартфоном и компьютером. Информационные технологии (ИТ) и банковские корпорации владеют огромными серверами, которые обрабатывают гигантские потоки информации ежесекундно. Области применения вычислительных технологий разнообразны — от портативных устройств и мобильных телефонов до роботов и космических ракет. Однако необходимо отметить,

что мощность процессоров, как ни странно, играет в вычислениях не ключевую роль. Без программной составляющей ни один процесс обработки информации невозможен. Еще в 1935 г. Алан Тьюринг предложил первую теорию программного обеспечения (ПО) или *software* (Turing 1937). В последующие годы и до сегодняшнего дня происходит постепенный процесс усовершенствования ПО, алгоритмов и способов обработки информации. Софтверизация и разработка новых программных продуктов с недавнего времени получили существенный потенциал развития и стали играть едва ли не ключевую роль в сфере развития ИТ (Kuleshov, Yusupov 2016).

Современные подходы к добыче данных, интеллектуальному и глубинному анализу получили название *data mining*. Такие подходы позволяют изучать большие массивы информации и с помощью фильтров выделять из них значимые компоненты (Witten, Frank, Hall 2011). Основной задачей систем, работающих на основе этих технологий, является «обнаружение знаний в базе данных (БД)» (англ. *knowledge discovery in databases, KDD*). Алгоритм поиска основан на технологии нечеткой логики (*fuzzy logic*) (Zadeh 2002). В процессе поиска данных используются методы обнаружения «скрытых знаний», особой информации, для поиска которой необходимы дополнительные условия и настройки. Запрос к БД и работа с ними возможна на языке программирования *SQL*, который предлагает возможности создания, изменения и извлечения хранимых данных (Chamberlin 2012). Алгоритмы поиска используются для проверки найденных закономерностей и впоследствии сверяются с исходной базой.

Также для задач анализа данных используется парсер (*parser*), или синтаксический анализатор. Инструменты парсинга (*parsing*) предназначены для извлечения и сбора любой открытой информации. Они извлекают необходимую информацию и сохраняют в удобном структурированном виде для последующего использования (Aho, Ullman 1972). С лингвистической точки зрения полученный материал может быть использован для дифференциации лексем подязыков. В этой связи необходимо разграничить общую базу данных лексического материала языка и базы данных отдельных подязыков для формирования нелинейных запросов.

При рассмотрении вопроса извлечения данных и представления их в какой-либо форме необходимо также упомянуть «науку о данных» (*data science*) (Cleveland 2001). Этот раздел информатики напрямую связан как с «большими данными» (*big data*), так и с искусственным интеллектом (ИИ). Специалист в данной области (*data scientist*) занимается вопросами анализа массивов информации и проектированием, разработкой баз данных с применением как статистических методов, так и методов моделирования графовых вероятностных моделей (Airoldi 2007).

2. Виды современных систем машинного перевода

Машинный перевод (МП) является популярным направлением развития ИТ. Технологии МП востребованы многими специалистами из разных стран, которые не владеют иностранными языками, но нуждаются в понимании текстового материала или взаимодействии с носителями других языков с целью обмена опытом и получения новой информации. С каждым годом появляются все новые и новые сервисы перевода, улучшается скорость и качество их работы. Системы МП можно встроить в браузер, и при работе со страницами на иностранном языке больше не нужно запускать дополнительные программы онлайн-перевода отдельно, поскольку текст сразу же будет конвертироваться на родной для пользователя язык. Несомненно, такие нововведения облегчают пользовательский опыт (*user experience*) и делают Интернет более универсальным и общедоступным, стирая невидимые границы между языками, народами и культурами.

Наиболее популярными сервисами онлайн-перевода являются *Google Translate* и его прямой конкурент Яндекс.Перевод. Если сравнивать качество работы двух ключевых игроков на рынке подобных систем, то *Google Translate*, несомненно, имеет преимущество, так как его сервисами пользуются ежедневно миллиарды людей по всему миру. На данный момент компания *Google* является самой крупной и влиятельной зарубежной корпорацией в сфере ИТ. Благодаря тому, что поисковые запросы и тексты сохраняются в кэш-памяти поисковой системы *Google*, БД *Google* на данный момент является самой точной в мире. Конкурентом американским разработчикам выступает Яндекс.Перевод, который широко задействован только в России и странах СНГ, и, следовательно, имеет в своей базе меньше данных о других языках, кроме русского и английского. Таким образом, исходя из приведенного выше аргумента, можно сделать очевидный вывод о том, что *Google Translate* на данный момент времени переводит лучше остальных сервисов онлайн-перевода из-за наличия большой статистической базы текстов на разных языках. Российский сервис Яндекс.Перевод обучается на статистике Рунета и опирается на русскоязычные тексты, следовательно, качество перевода с / на русский язык у системы Яндекс.Перевод будет выше.

С точки зрения профессиональной терминологии перевод *Google Translate* будет более точным из-за большого количества содержащихся в его поисковых и веб-сервисах лексических единиц, которые относятся к самым различным областям (начиная от бытовых заканчивая научными). Данные лексические единицы хранятся в дата-центрах и на серверах компании *Google*, многократно задействуются в процессе работы системы или

обучения алгоритмов. Благодаря нейросетевым технологиям появилась возможность находить закономерности в информационных текстовых потоках, и в результате сложилась относительно точная система перевода, фактически не имеющая критических недостатков. Более крупные и влиятельные корпорации, такие как *Google*, обладают более мощными вычислительными и поисковыми ресурсами. Таким образом, логика современных машинных систем перевода достаточно простая: больше БД — лучше качество перевода.

На сегодняшний день существует несколько технологий, на основе которых работают современные системы машинного перевода. Среди них можно выделить **статистический метод (SMT)**. Это метод определения вероятности, с которой то или иное предложение может являться переводом исходному варианту. Системы статистического перевода являются наиболее распространенными среди других систем АП. Алгоритм работы основан на поиске наиболее вероятного перевода предложения с использованием данных, полученных из двуязычной совокупности текстов. Именно размер базы данных будет влиять в данном случае на качество перевода. Преимуществом статистического перевода является свойство «самообучения». Несмотря на все явные преимущества такой технологии, полученный результат не всегда соответствует требованиям к высокому качеству финального текста. Часто в нем можно найти большое количество ошибок, неточностей и смысловых искажений. Стоит отметить крайнюю неэффективность работы таких систем применительно к большим объемам профессиональных текстов, в которых встречаются уникальные случаи употребления того или иного слова и его контекстного значения. Подобные случаи невозможно встроить в алгоритмы статистики из-за простой валентности (возможность сочетания слова с другими лексическими единицами минимальна). Проблема выбора правильного значения слова является крайне сложной даже для профессионального лингвиста или переводчика, а для систем АП она и вовсе является невыполнимой.

Нейросетевой метод АП (NMT) появился относительно недавно, но уже успел стать культовым в кругах ИТ из-за тренда на так называемые технологии искусственного интеллекта (ИИ). Он имеет массу преимуществ перед статистическим подходом. Главное преимущество — это возможность обучения на конкретных примерах, а не на всей выборке в целом. Система может сама улучшать качество своей работы. Существует два вида обучения нейросетей: с учителем и без учителя. При обучении с учителем нейронная сеть обучается на размеченном наборе данных и предсказывает ответы, которые используются для оценки точности алгоритма на обучающих данных. При обучении без учителя модель использует нераз-

меченные данные, из которых алгоритм самостоятельно пытается извлечь признаки и зависимости (Goldberg 2017).

Для большей точности результатов перевода с недавнего времени применяется технология, сочетающая правила статистики и нейронных сетей. Такой подход называется **комбинированной или гибридной системой перевода (НМТ)**. Современные переводческие онлайн-системы, такие как Яндекс и *Google*, с недавнего времени перешли на комбинированную систему перевода. Это означает, что *SMT* и *NMT* работают в связке и дополняют друг друга. Там, где не справляется с переводом *SMT*, ему на помощь приходит алгоритм *NMT*. В результате качество перевода существенно повысилось.

Несомненно, современные системы машинного перевода, благодаря новым внедряемым технологиям, получили прирост в эффективности и качестве обрабатываемых корпусов текстов. Однако, несмотря на это, до сих пор остаются пробелы в качестве их работы и насущные проблемы, которые до сих пор не были разрешены. К примеру, современным системам не хватает модулей классификаторов, которые будут не только извлекать информацию, но и решать вопрос лексической неоднозначности (полисемии). В этой связи целесообразно применять новые способы разметки текстовых массивов, маркировки частей речи для улучшения качества семантического поиска по тексту и базам знаний (Bast, Bjorn, Haussmann 2016). Необходимость внедрения данных технологий обусловлена следующим фактором: статистический метод, используемый в большинстве систем машинного перевода, часто допускает лексические неточности, связанные, прежде всего, с полисемией. Таким образом, если бы система могла анализировать допущенные ошибки, используя при этом уже размеченные массивы текстов, содержащие уведомления о вероятности полисемии и отмечать другие лексические особенности, то многих ошибок можно было бы избежать.

3. Современные технологии и машинный перевод

Активное использование цифровых и веб-технологий привело к тому, что появилось большое количество баз данных. Также увеличился и объем информации, содержащейся в них. Это привело к затруднениям, связанным со структуризацией, хранением и обработкой информации. Часто вычислительных мощностей обычных компьютеров не хватает или вычисления происходят крайне медленно, что не удовлетворяет требованиям, заложенным разработчиками программ. Таким образом, очевидно, что возникает необходимость использования более быстрых и современных методов анализа. Для таких задач оптимально подходят квантовые компьютеры, которые предлагают возможности ускоренных вычислений и

моделирования нейронной сети экспоненциального размера. Квантовые компьютеры способны выполнять задачи машинного обучения. Так, в 2013 году корпорация *Google* открыла лабораторию квантовых вычислений в области изучения вопросов разработки искусственного интеллекта (*Google AI Blog: Launching the Quantum Artificial Intelligence Lab (googleblog.com)*).

Говоря о технологиях и способах хранения информации, стоит отметить все набирающую популярность технологию блокчейн (*blockchain*). Принимая во внимание ошибки, возникающие в процессе использования систем автоматизированного перевода, предлагается использовать технологию *blockchain* для усовершенствования работы систем машинного перевода. Для переводческой индустрии использование концепции блокчейна будет иметь такие же преимущества, что для крупных сфер бизнеса, таких как банковское дело или управление персоналом. Главное — это создать эффективную среду, в которой зашифрованная информация циркулирует между базами подязыков без централизованной системы управления. Определенные метаданные добавляются в блокчейны, которые содержат зашифрованную информацию о конкретном случае употреблении слова подязыка. Также технология блокчейн предусматривает существование открытого ключа, который можно будет использовать для расшифровки того или иного значения. Преимуществом такого подхода является более быстрый и точный оборот информации.

В отличие от основных программных решений для баз данных метаданные и блокчейны можно изменять и корректировать в процессе работы. Главным преимуществом такой технологии именно для систем машинного перевода является возможность отследить каждый этап процесса перевода (*translation tracking*) и возможность заглянуть в «черный ящик» (то есть увидеть подробный журнал всей проделанной работы в мельчайших деталях), а также, в случае необходимости, внести собственные авторские коррективы в процесс перевода и задать ему правильное направление.

Для того чтобы текст получился правильным и корректным, необходимо редактирование текста специалистом, который проверяет содержание на предмет конкретных терминов и точности. В нашем случае предлагается использовать исходные тексты подязыка как шаблоны для выявления неточностей. Для финального контроля качества необходимо использовать главный (основной) алгоритм для проверки переведенного материала по его завершении. Это означает, что после того, как файл расшифрован, существует полная запись изменений, внесенных каждой базой данных подязыка с указанием того, когда и что было сделано. Это позволяет видеть полную историю, возможные ошибки на каждом этапе, а также варианты правильного и неправильного перевода, выбрать из большего коли-

чества вариантов, даже если они с точки зрения системы содержат ошибки. Также предлагается добавить в систему возможность выдавать несколько разных вариантов перевода на основе того, какая лексика встречается в переводимом отрывке. Система должна уметь анализировать массив текста, делать вывод на основе представленного лексического материала и отображать несколько вариантов перевода, ранжированных в зависимости от вероятности того, к какому подязыку относится данный текст.

4. Разработка ПО для систем машинного перевода

Несмотря на большой прогресс, достигнутый в области работы машинного перевода за последние десятилетия, все же остается ряд моментов, которые необходимо улучшать. Основная проблема сконцентрирована на семантическом уровне языка из-за того, что некоторые слова не имеют точного значения ввиду своей абстрактности. До сих пор не существует программного способа представления знаний о мире, которые обладает человек. Если рассматривать тенденции развития систем машинного перевода, то в этой связи необходимо отметить все возрастающую популярность метода ранжирования слов и создания так называемых словарей конкретности / абстрактности (*dictionaries of concreteness / abstractness*) (Borghi, Binkofski, Castelfranchi, Cimatti, Scorolli, Tummolini 2017). Данный метод основан на вычислении сходства между векторами слов и расстоянием между словом и остальными словами из случайной выборки конкретных / абстрактных слов. Каждое слово сопоставляется с выборкой абстрактных или конкретных слов, и с помощью векторного представления вычисляется коэффициент подобия. Конкретные слова языка — это такие слова, которые описывают предметы или явления, существующие в окружающем мире. Абстрактные слова, наоборот, не имеют конкретных объектных представлений в реальном мире, значения таких слов возможно раскрыть с помощью описательного и объяснительно-иллюстративного метода.

Перевод абстрактных слов представляет наибольшую трудность как для статистических систем, так и для нейросетей, так как информация, содержащаяся в абстрактных словах, относится напрямую к чувствам, эмоциям и впечатлениям, их невозможно алгоритмизировать и кодифицировать. Понимание значения таких слов у человека происходит интуитивно (методом ассоциации), а моделирование представлений и понятий осуществляется с помощью умозрения. Способность мозга проецировать мысли для воссоздания образов в реальном мире, моделировать ситуации, прогнозировать и придавать всему этому лингвистическую оболочку послужила механизмом эволюционного развития человечества. Факт существования

абстрактных слов относится к основным парадоксам соотношения языка и мышления. Согласно исследованиям на понимание значения абстрактных слов, а также их генерации человек затрачивает больше времени и усилий по сравнению с конкретными (Kroll, Merves 1986). Попытки создания электронных словарей конкретности / абстрактности уже существуют. (Solovyev, Ivanov, Akhtyamov 2019). Ранжирование слов в зависимости от конкретности / абстрактности является необходимым условием для усовершенствования работы систем машинного перевода, также необходимо формировать не просто общие словари конкретности / абстрактности, а использовать их применительно к подязыкам. Для усовершенствования работы систем предлагается создать базы данных конкретности / абстрактности каждой подобласти языка и в дальнейшем внедрить их в систему вместе с исходными текстами подязыков для интеграции их с общей системой перевода. Такой подход позволит не просто представлять слова в виде цифр и алгоритмов, но и в какой-то степени приблизит автоматизированные системы к программному моделированию процесса восприятия текста человеком и внесет существенный вклад в развитие области обработки естественного языка (*NLP — natural language processing*).

Препятствием в реализации задуманного может послужить существующая разница в естественных языках. Так, в русском языке больше абстрактных существительных, эквиваленты которым едва ли возможно найти в других языках. В английском и немецком языках, наоборот, больше глаголов. Среди них встречаются такие, которых нет и никогда не существовало в других языках. Во многих языках мира твердо укоренились так называемые англицизмы. Использовать английский вариант проще, чем придумывать эквивалент и сложное объяснение на своем языке и вводить его в обиход. В качестве иллюстрации можно привести английское слово *usability*, которое получило популярность в среде ИТ благодаря программистам и разработчикам веб-интерфейсов. В русском языке уже можно встретить слово «юзабилити» и его вариант — «юзабельный» (от англ. *usability* — «удобство и простота использования, степень удобства использования») (Cambridge Online Dictionary). Для подобных слов невозможно использование метода прямого перевода (трансфера) слово в слово, а будет применяться другая технология, основанная на подходе к описанию предмета, процесса или явления. Для этого предлагается создать и внедрить в существующие системы специальные словари, которые будут фиксировать уникальные слова, эквивалентов которым на других языках не существует. В случае с приведенным выше примером невозможно обойтись без использования метода транслитерации и введения в язык нового, ранее не существующего понятия.

Необходимым условием развития и улучшения качества систем машинного перевода является возможность дополнения или редакторской правки результатов машинного перевода. Для этой цели предлагается создать функцию правки текста, и предложенный пользователем вариант будет использован для улучшения качества машинного перевода, а лучший из предложенных вариантов должен быть отмечен как наиболее вероятный. Такой подход уже успешно применяется в системе машинного перевода *Google Translate* (*Help Us Improve the Google Translate Tool* — <https://translate.google.com/intl/en/about/contribute/>). Благодаря такому нововведению пользователи смогут активно участвовать в улучшении качества и вносить собственный вклад в развитие данных систем, редактируя варианты перевода и отправляя свои пожелания. Это позволит сделать систему актуальной, динамичной и гибкой.

5. Заключение

Невозможно отрицать технологический прорыв, благодаря которому появились технологии МП, которыми ежедневно пользуется большое количество людей. Сегодня в распоряжении пользователей огромное многообразие как онлайн-сервисов, так и автономных программ, не требующих подключения к Интернету.

Несмотря на то, что системы машинного перевода постоянно совершенствуются, остаются неразрешимые лексические трудности, связанные с языковыми особенностями. До сих пор допускается множество ошибок из-за невозможности формализации многих лингвистических явлений. Предложенные в статье программные методы улучшения качества перевода послужат теоретической рекомендацией в разработке систем машинного перевода.

Стоит отметить, что, осуществляя перевод с одного языка на другой, необходимо понимать, к какой предметной области, подъязыку относится конкретное слово. Для этого необходимо ввести дополнительные классификаторы и настройки, на основе которых будут формироваться словари каждого подъязыка. Также остро ощущается нехватка лингвистических знаний, которые необходимо интегрировать в системы обработки текстовой информации и системы машинного перевода. Предлагается создать дополнения для онлайн-переводчиков с целью усовершенствования качества перевода в подъязиках. Кроме того, необходимо создать базы знаний языков для выявления индивидуальных языковых особенностей. Модули дополнений можно будет интегрировать в систему перевода. Так, если система встречает сочетания слов, которые определяются как конкретный подъязык, то поиск результатов перевода будет происходить не по общей

базе, а по модулю подъязыка. Кроме подъязыков предлагается дополнить системы словарями конкретности / абстрактности, которые помогут избежать неточностей перевода. Несомненно, результаты, достигнутые в процессе изменений и дополнений, вносимых в системы машинного перевода, должны коррелировать с оценками экспертов-лингвистов, тогда данный подход будет релевантным для последующего внедрения в алгоритмы уже существующих систем.

На современном этапе системам машинного перевода не хватает узкой направленности и конкретики. Системы уже научились качественно переводить тексты по общей тематике. Однако в БД корпораций, таких как *Google* и Яндекс, на поисковых системах, на которые работают онлайн-переводчики, до сих пор не существует четкой классификации по областям знаний. Возможности каждого пользователя выставлять персонализированные настройки, самостоятельно контролировать степень достоверности перевода на основе шаблонов текстов подъязыков и выбирать из предлагаемых Сетью подходящие варианты являются теми необходимыми нововведениями, которых не хватает современным системам машинного перевода. Фактически необходим индивидуальный подход, то есть фокусировка внимания на частных случаях употребления и возможность заглянуть в «черный ящик», достать из него лишь то, что нужно пользователю.

Список литературы / References

- Aho, Alfred V., & Ullman, Jeffrey D. (1972) *The Theory of Parsing, Translation, and Compiling*. Prentice Hall Professional Technical Reference.
- Airoldi, Edoardo M. (2007) Getting Started in Probabilistic Graphical Models. *PLoS Computational Biology*, vol. 3, 12, e252. DOI: 10.1371/journal.pcbi.0030252.
- Bast, Hannah, & Buchhold, Björn, & Hausmann, Elmar. (2016) Semantic Search on Text and Knowledge Bases. *Foundations and Trends in Information Retrieval*, vol. 10: 2–3, 119–271. DOI: 10.1561/15000000032.
- Borghi, Anna, & Binkofski, Ferdinand, Castelfranchi, Cristiano, Cimatti, Felice, Scorolli, Claudia, Tummolini, Luca. (2017) The Challenge of Abstract Concepts. *Psychological Bulletin*, 143(3), 263–292. DOI: 10.1037/bul0000089.
- Chamberlin, Donald D. (2012) Early History of SQL. *IEEE Annals of the History of Computing*, vol. 34, 4, 78–82.
- Goldberg Yoav, & Hirst, Graeme. (2017) *Neural Network Methods for Natural Language Processing (Synthesis Lectures on Human Language Technologies)*. Morgan & Claypool Publishers.
- Kroll, Judith F., & Merves, Jill S. (1986) Lexical Access for Concrete and Abstract Words. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 12 (1), 92–107. DOI: 10.1037/0278-7393.12.1.92.
- Kuleshov, Sergey V., & Yusupov, Rafael M. (2016) Is Softwarization the Way to Import Substitution? *SPIIRAS Proceedings*, 3 (46), 5–13. DOI: 10.15622/sp.46.1.

- Neven, Hartmut. (2013) *Launching the Quantum Artificial Intelligence Lab*. Retrieved from <https://ai.googleblog.com/2013/05/launching-quantum-artificial.html>.
- Solovyev, Valery, & Ivanov, Vladimir, & Akhtyamov, Rauf. (2019) Dictionary of Abstract and Concrete Words of the Russian Language: A Methodology for Creation and Application. *Journal of Research in Applied Linguistics*, 10 (SP), 218–230. <https://doi.org/10.22055/RALS.2019.14684>.
- Turing, Alan. (1937) On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem. *Proceedings of the London Mathematical Society*, vol. 2-42, 230–265.
- Cleveland, William, S. (2001) Data Science: An Action Plan for Expanding the Technical Areas of the Field of Statistics. *International Statistical Review: Journal*. Willey & Sons, vol. 69, 1, 21–26.
- Witten Ian H., & Frank Eibe, & Hall Mark A. (2011) *Data Mining: Practical Machine Learning Tools and Techniques*. 3rd Edition. Morgan Kaufmann.
- Zadeh, Lotfi. (2002) From Computing with Numbers to Computing with Words — from Manipulation of Measurements to Manipulation of Perceptions. *International Journal of Applied Math and Computer Science*, vol. 12, 3, 307–324.

Ссылки на электронные ресурсы / Electronic resources

- Яндекс.Переводчик [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.yandex.ru> [Yandex.Perevodchik. Retrieved from <https://translate.yandex.ru>].
- Google Translate. Retrieved from <https://translate.google.com>.
- Usability. *Cambridge Dictionary*. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/usability>.

УДК 81'23

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-53-68

СМЕНА ПРЕДИКАТА КАК ФОРМА КОГНИТИВНОЙ АДАПТАЦИИ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

М. Ю. Родионова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Языковая картина мира — это отражение в языке национальной когнитивной картины мира. Обычно понятие «языковая картина мира» определяется как способ восприятия окружающей действительности, однако национально специфическим является и восприятие человеком собственного внутреннего мира. Выявление сходств и различий в характере переживания эмоций и в восприятии этого переживания носителями разных языков затруднено тем, что эти процессы недоступны для непосредственного наблюдения и объективной оценки. Наиболее полное представление о переживании человеком определенных эмоций дает художественная литература. Основанием для сравнительного анализа отражения восприятия и репрезентации эмоциональных состояний в языках может стать сопоставление текста художественного произведения с его переводом на другой язык, поскольку в этом случае в обоих текстах будет представлен один и тот же персонаж, описанный автором как принадлежащий к определенному психологическому типу, а сам сюжет задает ситуации, реакцией на которые становятся определенные эмоциональные состояния. Чтобы исключить влияние личности переводчика, который может иметь индивидуальные предпочтения в выборе средств репрезентации этого состояния, для анализа взяты три разных перевода отрывков из романа Ф. М. Достоевского «Идиот». Количественный анализ использованных переводчиками средств показал, что средства репрезентации эмоциональных состояний человека в английском языке отражают те же особенности восприятия и категоризации мира, которые присутствуют в национальной языковой картине мира в целом. Во всех трех английских текстах предикаты состояния преобладают над предикатами действия, а предикативное употребление адъективных слов преобладает над атрибутивным. Из этого следует, что эмоциональные состояния человека в основном воспринимаются англоговорящими как нечто не присущее человеку постоянно, но при этом статичное, не как процесс, а как его результат, тогда как носителями русского языка переживание эмоций преимущественно воспринимается как действие, а каких-либо предпочтений в репрезентации эмоций как признака, временного или постоянно присущего человеку, не наблюдается. Выявленные закономерности носят статистический характер, т. е. отражают не языковую норму, а узус. Соответственно, и смена предикатов при переводе должна рассматриваться не как техническая трансформация, а как один из способов адаптации текста к менталитету другого народа.

Ключевые слова: языковая картина мира; эмоциональное состояние; предикаты состояния; адъективные слова; смена предиката.

Changing the Type of Predicate as a Means of Cognitive Adaptation in Translation

Maria Yu. Rodionova

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The linguistic worldview is a reflection of the national cognitive worldview. 'Worldview' is often defined as a way of perceiving the surrounding reality, yet the way people perceive their personal inner world also reflects their national self-identification. It is difficult to compare how people of different nations experience emotions and perceive such experiences because these processes are not available for direct observation and objective assessment. The most complete representation of the way a person experiences a particular emotion can be found in fiction. Contrastive analysis of how this process is reflected in different languages can be based on a comparison of a literary text with its translation into another language, since, in this case, both texts present the same character in the same situations that cause certain emotions. To exclude the influence of the translator's personality, in our analysis we have used three different translations of selected passages from Dostoevsky's *The Idiot*. A quantitative analysis of the means employed by the translators shows that representation of emotions in English does indeed reflect the way of perceiving the world that is typical of the national linguistic worldview as a whole. In all the three English texts, state predicates prevail over action predicates, and predicatively used adjectival words prevail over those used attributively. It means that emotional states are mostly perceived by English speakers as something that, while not permanent or inherent to a person, is, at the same time, static: less a process than a result of that process. In contrast, native speakers of Russian perceive emotional states as actions, and the Russian text reveals no inclination toward perceiving emotional states as personal characteristics, whether temporary or permanent. All these regularities are statistical and not absolute, which means that they reflect usage and not the linguistic norm, and, thus, the change of predicates in translation should be regarded as a way of cognitive adaptation rather than a structural transformation.

Key words: linguistic worldview; emotional state; predicates of state; adjectival words; change of predicate.

1. Введение

Сопоставление любых двух языков, в каких бы целях оно ни производилось, всегда так или иначе связано с сопоставлением отраженных в этих языках двух разных картин мира. Языковая картина мира — это закреплённый в языке результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного народа. На ее формирование влияет множество факторов, но во всех случаях сама она является производной национального менталитета, особого, присущего каждому народу способа мышления (Корнилов 2003). Другими словами, языковая картина мира — это отраженная в языке концептуальная картина мира. Определяя отношения между ними, Ф. Г. Самигуллина пишет: «языковая картина мира эксплицирует различные картины мира человека и отображает общую концептуальную картину мира. Если картина мира содержит в себе концепт, то языковая картина мира — значение. При этом концептуальная картина

мира первична по отношению к языковой. Однако именно при помощи языка реализуются (т. е. вербализуются) различные культурные национальные картины мира и хранятся знания о них» (Самигуллина 2010: 50).

При этом, как показывает анализ литературы, под языковой картиной мира, как правило, понимают закрепленный в языке способ восприятия, членения и категоризации *внешнего* мира. Так, обобщая многочисленные определения понятия «языковая картина мира», Н. Н. Гончарова пишет: «**языковая картина мира** — ментально-лингвальное образование, информация об *окружающей действительности* (курсив мой. — М. Р.), запечатленная в индивидуальном или коллективном сознании и репрезентирующаяся средствами языка» (Гончарова 2012: 400). Значительно реже отмечается, что в языковой картине мира также отражается восприятие, членение и категоризация внутреннего мира человека, в том числе его эмоциональных состояний и способов их переживания.

Так же, как и отражение внешнего мира, отражение и структурирование языком эмоционального мира человека имеет двоякую сущность. С одной стороны, оно основано на объективно существующих явлениях, то есть на психических процессах и эмоциональных состояниях, а с другой, — базируется на особом способе восприятия, концептуализации и категоризации этих явлений, который складывается у данного народа на протяжении всего исторического развития.

Эмоции — важная часть человеческой жизни, поскольку все, с чем сталкивается человек, вызывает у него определенную эмоциональную реакцию. Поэтому вполне очевидно, что в любом языке формируется целая система средств выражения эмоций, описания эмоционального состояния человека, репрезентации этого состояния в речи. И эти средства являются частью языковой картины мира.

Рассматривая проблему отражения эмоций в языке и речи, И. С. Алексеева отмечает тот факт, что любой текст несет читателю информацию определенного вида, а каждый вид информации оформляется строго устоявшимся набором языковых средств, принятых в данном лингвистическом социуме. Говоря о разных видах содержащейся в тексте информации, исследователь выделяет в качестве самостоятельного вида информацию эмоциональную, которая «неоднородна, как многообразны, неоднородны и сами эмоции» (Алексеева 2008: 50).

Многие психологи говорят об универсальности эмоций, которые отражают общечеловеческий опыт осмысления психической жизни человека. Они выделяют определенный набор базовых эмоций, присущих всем людям, независимо от их языковой принадлежности. Так, по мнению К. Изарда, «некоторые отдельные эмоции являются универсальными, об-

щекультурными феноменами» (Izard 1991). О наличии всего четырех первичных эмоций, имеющих собственно психологическую природу и являющихся, таким образом, универсальными, не связанными с определенной культурой, говорит Т. Kemper (Kemper 1987). Тем не менее при общности психических процессов, которые сопровождают базовые эмоции, у разных народов наблюдаются значительные различия в характере переживания и в выражении таких эмоций. Эти различия могут быть вызваны самыми разными факторами, как психофизическими, так и национально-культурными. Е. В. Тронева по этому поводу пишет: «Людям свойственно испытывать эмоции независимо от их языка и национальной принадлежности, однако проявление этих эмоций, их значение и направленность имеют свою культурную специфику, что находит свое отражение в речи. Попадая в одну и ту же ситуацию, представители разных культур необязательно чувствуют и ощущают себя одинаково, и как результат, варьируются эмоции и предпосылки, их вызывающие... Культурно обусловленные проявления эмоций накладывают определенный отпечаток на различия в степени их экспрессивности, направленности, значения» (Тронева 2009: 61).

Особенности переживания разных видов эмоций и выражения этого переживания языком представителями разных культур отмечают многие исследователи (Matsumoto 1999; Noth 1992; Rüssel 1991 и др.). Поскольку языковая картина мира в целом — это отражение когнитивной, концептуальной картины мира данного народа, то в ней находит отражение и присущий этому народу характер переживания эмоций. Цель настоящей статьи — показать, как представление языком эмоционального мира человека соотносится с общей национальной языковой картиной мира. Новизна исследования обусловлена обоснованием того, что формулируемое в переводе положение о необходимости структурных изменений текста при переводе и, в частности, о необходимости смены типа предикатов нужно рассматривать не как техническую трансформацию, вызываемую различиями в структуре или даже в узусе языков, а как адаптацию одной языковой картины мира к другой. Гипотеза, лежащая в основе исследования, состоит в том, что различия в присущих разным языкам средствах репрезентации эмоциональных состояний человека обусловлены различиями между национальными языковыми картинами мира.

2. Характеристика материала и методов исследования

Сопоставление средств репрезентации эмоциональных состояний человека в разных языках затрудняется тем, что, за исключением случаев прямого называния эмоций (да и то только базовых, общих для всех лю-

дей), речь идет о внутренних переживаниях, не поддающихся объективному описанию, которое могло бы послужить точкой отсчета для анализа. Тем более, что, как пишет А. Вежбицкая, каждый язык классифицирует эмоциональные переживания человека по-своему, и такие английские слова, как *anger* или *sadness*, являются культурными артефактами английского языка, а не аналитическими инструментами, свободными от культурных различий (*every language imposes its own classification upon human emotional experiences, and English words such as anger or sadness are cultural artifacts of the English language, not culture-free analytical tools*) (Wierzbicka 1992: 556). Невозможно с уверенностью сказать, что «радость» и *joy* — это одно и то же состояние. Словарные дефиниции, как правило, включают достаточно широкий диапазон оттенков той или иной эмоции. В какой-то мере проблему помогают решить тексты художественных произведений, в которых средства языковой актуализации эмоционального фактора обычно представлены в контексте, позволяющем соотнести слово с ситуацией, порождающей эту эмоцию. Но и в этом случае сопоставление затруднено, поскольку нет никаких критериев оценки того, насколько сходны или различны эмоции, переживаемые персонажами разных произведений в разных ситуациях.

Выходом из положения может стать сопоставление способов репрезентации эмоций в тексте на одном языке и нескольких его переводах на другой язык. Оригинал задает ситуацию и психологический тип персонажа, переживающего ту или иную эмоцию. Таким образом, в переводе должно быть воссоздано эмоциональное состояние именно этого человека именно в этой ситуации. Несколько же переводов необходимы для того, чтобы снять фактор субъективности переводчика.

Полное и точное воссоздание эмоциональной составляющей при переводе художественных произведений является одной из важнейших задач, стоящих перед переводчиком. Поскольку, как уже было сказано, язык отражает национально специфичные формы переживания эмоций, эта задача оказывается непростой. Не случайно проблема передачи в переводе особенностей характера и интенсивности переживания эмоций становится особым направлением исследований (Александрова 2003; Афиногенова 2006; Hintz 1985 и др.). Процесс перевода подразумевает работу с двумя языками, а значит, и взаимодействие с двумя языковыми картинками мира. Переводчику приходится не просто передавать смыслы, выраженные средствами одного языка, с помощью средств другого языка, но и учитывать, что за различиями в структуре языков стоят более глубинные различия в языковых картинках мира. Безусловно, есть ситуации, когда мысль оригинала можно выразить в переводе таким же образом, как это сделано в ори-

гинале, но в большинстве случаев появляется необходимость в адаптации выражения мысли к формам, принятым в языке перевода. Принято считать, что это происходит по причине формальных различий в средствах выражения, таких как, например, лексическая сочетаемость или наличие в каждом языке специфических синтаксических конструкций. Однако на самом деле причина, побуждающая к преобразованиям в процессе перевода, чаще всего кроется в присущей каждому языку своей уникальной языковой картине мира. Одно из доказательств тому — необязательность многих трансформаций, их обусловленность не столько нормами языка, сколько узусом. Описывая предметную ситуацию, носитель английского языка может выбрать иную, чем носитель русского, отправную точку в своем описании, использовать иной предмет или конфигурацию признаков. Так, например, лингвисты отмечают, что в английском языке, в отличие от русского, наблюдается тенденция к смещению типа предиката в сторону преобладания предикатов состояния (Mcintosh 2020), что отражает закономерности восприятия мира говорящими на этом языке людьми. Таким образом, речь в данном случае может идти не просто о различиях в грамматических структурах двух языков, а о разнице в способах восприятия и отражения мира носителями английской и русской лингвокультур.

Обсуждая проблемы перевода с русского языка на английский, Е. В. Бреус отмечает, что необходимость в смене типа предиката при переводе возникает достаточно часто. Он пишет: «Одной из основных причин преобразований, сопровождающихся сменой предиката, является избирательность русского и английского языков по отношению к признакам предметной ситуации. В тех случаях, когда действие обозначает переход в качественно или количественно новое состояние, в русском языке обычно используется предикат действия, тогда как английский отдает предпочтение предикату состояния» (Бреус 2000: 9).

Говоря о предикатах действия и предикатах состояния, Е. В. Бреус, по сути дела, использует укрупненную классификацию семантических типов предикатов. Исследователи выделяют разное количество типов предикатов (деятельность, процесс, акт, событие — у Дж. Лайонза [Lyons 1977]), предикаты действия, процесса, состояния, качества, нахождения в пространстве, потенциальности, класса и «связи», результата и факта у Н. С. Авиловой (Авилова 1976) и т. д.). Однако, так или иначе, во всех этих классификациях предикаты состояния противопоставляются другим типам по признаку их статичности. Состояния делятся, «стоят», а не протекают и не могут изменяться во времени. Этот признак выделяется почти всеми лингвистами, занимающимися стативными предикатами. Как отмечают В. Д. Табанакова и И. А. Шумцова, «предикаты состояния отличаются от

предикатов действия и процесса, прежде всего, по признаку статичности / нестатичности (отсутствие изменения во времени / изменение или возможность изменения)» (Табанакова, Шумцова 2021). Несмотря на то, что и адъективные, и глагольные слова участвуют в формировании предикативного центра в предложении (Korponau 1977), эти функционально-семантические классы слов отличаются друг от друга тем, что первые называют атрибутивный признак субстанции, т. е. признак, не связанный со временем, а вторые — предикативный признак, т. е. признак, представленный как протекающий во времени.

И. Н. Яковлева предлагает свести все существующие в речи конструкции со значением «субъект и его состояние» в русском языке к определенным синтаксическим моделям: безлично-предикативная модель, глагольная модель, адъективная модель и причастная модель, субстантивная модель, предложно-падежная модель (Яковлева 2003: 13–14). Одной из причин выбора той или иной модели является «коммуникативно-стилистическая целесообразность той или иной модели для выражения данного смысла в данной коммуникативной ситуации» (Яковлева 2003: 13). Существование в языке определенного набора синтаксических конструкций отражает взаимосвязь и сложность отношений между экстралингвистической реальностью и ее концептуализацией языковыми средствами. В английском же языке способы выражения состояния при помощи предикатов могут быть сведены к трем основным синтаксическим моделям: 1) глагольной, 2) адъективной и причастной и 3) предложно-падежной, поскольку безличная модель в английском языке не представлена.

Е. В. Замараева полагает, что эмоциональное состояние — это «как бы “часть” более обширной категории состояния» (Замараева 2009: 137), и исследует предикаты как одно из средств выражения эмоционального состояния. Глагольная, адъективная и предложно-падежная модели, будучи представленными в английском и русском языках, «различаются условиями употребления: ...наибольшее распространение в английском языке имеет адъективная модель, тогда как в русском языке наибольшую частотность употребления имеет безлично-предикативная и глагольная модель» (Замараева 2008: 122). Так, при трансформации глагольной модели предиката в адъективную используются полностью или частично десемантизированные глаголы-связки *to be*, *to become*, *to get*, *to grow* в сочетании со словом, называющим то или иное эмоциональное состояние, которое входит в функционально-семантический класс адъективных слов.

Сопоставление текста оригинала романа Ф. М. Достоевского «Идиот» и трех его переводов на русский язык позволяет выявить не только за-

кономерности использования разных моделей предикатов, но и специфику функционирования адъективных слов, являющихся семантическим ядром предиката состояния.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В результате проведенного анализа было выявлено, что во всех трех английских текстах для обозначения эмоциональных состояний наиболее часто употребляются адъективные слова: перевод 1 — 44,3 % от общего количества слов, называющих эмоции, перевод 2 — 49,5 %, перевод 3 — 46,5 %; в то время как на глагольные слова в переводе 1 приходится только 11,1 % слов, называющих эмоции. В переводе 2 и переводе 3 этот показатель составляет 10,4 % и 8,9 % соответственно. Совпадение этих характеристик во всех трех текстах позволяет говорить о том, что это распределение является отражением общей закономерности для английского языка.

Сопоставление полученных количественных данных по английским текстам с показателями по русскоязычному оригиналу выявило существенные отличия. Показатель частотности употребления адъективных слов, называющих эмоции, в русском тексте составил 26,9 %, то есть значительно ниже по сравнению со всеми тремя переводами, в то время как на глагольные слова приходится 29,7 % от всех слов, называющих эмоциональные состояния, что значительно выше показателей по трем англоязычным переводам.

Существенные различия в употреблении адъективных и глагольных слов свидетельствуют о том, что при описании одной и той же предметной ситуации в английском и русском языках выбраны разные типы предикатов.

Там, где в русском тексте используется предикат действия, выраженный глагольным сказуемым, в английском появляется предикат состояния, выраженный составным именным сказуемым. Таким образом, в русском языке называется процесс перехода в некоторое эмоциональное состояние или же процесс переживания этого состояния, а в английском констатируется сам факт наличия определенного эмоционального состояния:

Белокурый несколько удивился, что ему удалось сказать довольно, впрочем, плохой каламбур; Князь Лев Николаевич смутился.

The prince was a little astonished at having managed to utter a witticism, however feeble; Prince Lev Nikolayevich was embarrassed (перевод 2).

Функциональная замена глагольной модели предиката на адъективную объясняет увеличение количества употреблений адъективных слов в англоязычных текстах перевода по сравнению с текстом оригинала.

Анализ дериватов отобранной в ходе исследования лексики, называющей эмоциональные состояния, показывает, что их состав в словообразовательных гнездах в русском и английском языках не всегда совпадает. В русском языке в лексическом пласте слов, называющих эмоции, широко представлены возвратные глаголы с постфиксом *-ся*: *(ис)пугаться, смутиться; раздражаться*. В английском языке глаголы с морфологически эксплицитным выражением значения возвратности отсутствуют. Значение возвратности в английском языке выражается аналитически. С. Л. Лукина указывает на наличие нескольких способов выражения значения возвратности: «либо при помощи глагола в сочетании с возвратным местоимением *oneself*, которое может сочетаться практически с любым переходным глаголом при условии семантической валентности..., либо при помощи других коррелятов, как-то: глагол в сочетании с взаимным местоимением, фразовый глагол, глагол в сочетании с предложно-падежной конструкцией, глагольно-именная конструкция, переходный / непереходный глагол, фразеоборот, контекстуальные средства» (Лукина 2001).

Именно способ глагольно-именной конструкции, который представлен моделью «глагол-связка + адъективное слово», достаточно часто используется для называния эмоционального состояния, репрезентированного в русскоязычном тексте при помощи глагольного предиката:

...до того даже, что я, право, нисколько и не удивился тогда, что мне туда не ответили.

В трех переводах эмоциональное состояние выражено через модель «глагол-связка + адъективное слово»:

...so little, in fact, that I was not in the least surprised to have no answer to my letter (перевод 1).

... in fact I wasn't at all surprised really when I didn't get an answer in Switzerland (перевод 2).

...and indeed I really wasn't at all surprised when I received no reply from her (перевод 3).

Однако думается, что подобные частные грамматические различия между языками не могут служить основной причиной выявленных различий в частотности употребления адъективных и глагольных слов. Существование в языках определенных синтаксических моделей является отражением того, как носители языка воспринимают и структурируют действительность. Приведенные модели являются результатом использования говорящими разных семантических типов предикатов: при описании одной и той же предметной ситуации в английском языке использован предикат состояния, выраженный составным именным сказуемым, тогда как в соот-

ветствующем русском высказывании используется предикат действия, выраженный глагольным сказуемым.

Явное предпочтение, отдаваемое во всех трех английских текстах адъективным словам перед глагольными, свидетельствует о том, что эмоциональное состояние человека мыслится не как процесс переживания эмоции, а как уже совершившийся факт перехода в это состояние, как результат процесса:

The prince was a little astonished at having managed to utter a witticism, however feeble; Prince Lev Nikolayevich was embarrassed (перевод 2).

Констатируется факт пребывания в этом состоянии. В русском же языке в подобных случаях называется сам процесс перехода в некоторое эмоциональное состояние или же процесс переживания этого состояния:

Белокурый несколько удивился, что ему удалось сказать довольно, впрочем, плохой каламбур; Князь Лев Николаевич смутился.

Именно особенностью восприятия эмоционального состояния не как процесса, а как его результата и объясняется значительно меньшее количество глагольных слов, называющих эмоции во всех трех переводах, и существенно большее количество адъективных слов, которые употребляются в составе предиката состояния.

Говоря о способах выражения признака предмета, О. В. Бегаева отмечает, что признак может быть приписан субъекту двумя способами в зависимости от того, как понимаются отношения между признаком и субъектом. Если признак присущ субъекту постоянно и воспринимается как его неотъемлемая часть, то в языке такой признак будет представлен атрибутивно. Предикативный способ приписывания признака субъекту предполагает рассмотрение признака как отдельного и отделимого от предмета, внутренне ему не присущего. Для того чтобы признак мыслился как присущий предмету, нужно совершить мысленную операцию приписывания признака предмету или, иными словами, предикативного признака (Бегаева 2007: 66).

По своей природе эмоциональный мир человека подвержен постоянным переменам, поскольку находится в постоянном взаимодействии с окружающей действительностью. В большинстве случаев эмоциональное состояние понимается как состояние субъекта, носящее временный характер. Это позволило предположить, что в английских переводах романа должно преобладать предикативное употребление адъективных слов, называющих эмоции. Для проверки этого предположения из каждого текста перевода и из текста оригинала были произвольно выбраны по три отрывка, каждый из которых содержал по 100 адъективных слов. Затем был проведен анализ синтаксической функции каждой отобранной единицы (всего 1200 адъек-

тивных единиц по всем четырем текстам) и подсчитано количество адъективных слов, выполняющих предикативную функцию. Необходимо отметить, что при подсчете учитывались только бесспорные случаи предикативного употребления, с эксплицитно выраженным глаголом-связкой в англоязычных текстах. В русском тексте в выборку вошли случаи с нулевым глаголом-связкой. В английских текстах не учитывались как случаи с эллиптированным глаголом-связкой, так и случаи предикативного использования адъективных слов, представленные ниже:

*“Oh, dear!” cried the prince, **confused**, trying to hurry his words out, and growing more and more eager every moment: ...* (перевод 1).

*Yet seeing him sitting silent and alone, but perfectly **happy**, they had been on the point of exerting themselves to draw him into one of the groups of talkers around the room* (перевод 1).

*“Well, yes — but we call it from the Jesuits, you know; it comes to the same thing,” laughed the old fellow, **delighted** with the pleasant recollection ...*(перевод 1).

Данные по количеству предикативного употребления адъективных слов представлены в Табл. 1.

Таблица 1. Количественные характеристики предикативного употребления адъективных слов

	Общее количество употребленных адъективных слов	Количество адъективных слов, употребленных предикативно	Средний показатель по количеству адъективных слов, употребленных предикативно
Перевод 1:			69
выборка 1 (С. 1–45)	100	63	
выборка 2 (С. 98–140)	100	67	
выборка 3 (С. 377–404)	100	77	
Перевод 2:			71
выборка 1 (С. 24–47)	100	74	
выборка 2 (С. 271–295)	100	69	
выборка 3 (С. 306–326)	100	70	
Перевод 3:			74,7
выборка 1 (С. 13–37)	100	78	
выборка 2 (С. 89–121)	100	74	
выборка 3 (С. 219–243)	100	72	
Оригинал:			51

выборка 1 (С.18–64)	100	51	
выборка 2 (С.46–87)	100	49	
выборка 3 (С. 267–300)	100	53	

Средний показатель количества предикативных употреблений адъективных слов в переводе 1 составил 69; в переводе 2 — 71; в переводе 3 — 74,7. Также был выведен средний показатель по трем английским текстам, который составил 71,6, в то время как средний показатель по русским текстам — 51. Таким образом, если в выборках из русскоязычного текста оригинала предикативные и непредикативные употребления адъективных слов представлены практически поровну, то в текстах перевода количество предикативных употреблений атрибутивных слов, называющих эмоции, почти в два раза больше, чем непредикативных.

Таким образом, разница в способах репрезентации эмоционального состояния в английском и русском языках в полной мере отражает разницу между способами восприятия и категоризации внешнего мира. Преобладание предикатов состояния и связанная с этим частотность пассивных глагольных конструкций — это проявление общей склонности носителей английского языка к констатации результата процесса или действия, а не к характеристике их протекания. Та же закономерность выявляется и при описании эмоциональных состояний человека. Кроме того, преобладающее предикативное употребление адъективных слов со значением эмоционального состояния свидетельствует о том, что носители английского языка чаще воспринимают эмоциональное состояние как нечто отдельное, самостоятельное, внутренне не присущее человеку, тогда как у носителей русского языка такой закономерности не наблюдается, поскольку в русском тексте атрибутивное и предикативное приписывание признака (состояния) представлены практически поровну.

4. Заключение

Будучи отражением национальной когнитивной картины и, таким образом, отражением специфического национального способа мышления, языковая картина мира включает в себя способы восприятия, членения и категоризации как окружающей действительности, так и внутреннего мира самого человека, важнейшим компонентом которого являются переживаемые им эмоции. При общей для всех людей универсальной психологической основе базовых эмоций существует большое количество производных, социально обусловленных эмоциональных состояний, характер и способы переживания которых оказываются национально специфичными. Языковая картина мира — в той своей части, которая обращена на внутренний мир человека, — отражает эту специфику, которая находит выра-

жение как в наличии определенных способов репрезентации эмоциональных состояний человека, так и в узуальных предпочтениях в выборе тех или иных форм в речи.

Именно поэтому в большинстве случаев различия в грамматических и лексических способах описания эмоциональных состояний — это отражение общих закономерностей, особенностей способа восприятия мира каждым народом.

Проведенный анализ показал, что структурирование эмоционального мира человека языковым сознанием носителей английского языка полностью соответствует общим закономерностям структурирования и категоризации мира носителями английского языка. Преимущественное употребление предикатов состояния, в отличие от преобладания предикатов действия в русском языке, в случае описания переживаемых человеком эмоций, а также тенденция к предикативному употреблению прилагательных в этих описаниях должны рассматриваться не как структурная особенность английского языка, а как проявление особенностей национально-менталитета носителей этого языка. Преобладание семантических предикатов состояния свидетельствует о том, что эмоциональные состояния человека в основном воспринимаются англоговорящими как нечто не присущее человеку постоянно, но при этом статичное, не протекающее во времени.

Поскольку все эти закономерности носят статистический, а не абсолютный характер, смена предикатов при переводе должна рассматриваться не как технический прием, вызванный разницей в структурах языков, а как один из способов когнитивной адаптации, т. е. адаптации текста к менталитету другого народа.

Список литературы / References

- Авилова Н. С.* Вид залога и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. [Avilova, Natalia S. (1976) *Vid zaloga i semantika glagol'nogo slova* (Type of Mood and Semantics of a Verb). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Александрова Ю. О.* Эмотивное градуирование иллокутивной силы высказывания в английском оригинальном и переводном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. [Aleksandrova, Yulia. O. (2003) *Emotivnoe graduirovanie illokutivnoj sily vyskazyvaniya v anglijskom original'nom i perevodnom tekste* (Emotive Graduation of a Phrase's Illocutive Force in an English Original and Translated Text): PhD Thesis (in Philology). Saint Petersburg. (In Russian)].
- Алексеева И. С.* Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Междунар. отношения, 2008. [Alekseeva, Irina S. (2008) *Tekst i perevod. Voprosy teorii* (Text and Translation. Issues of Theory). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). (In Russian)].

- Афиногенова А. И.* Вариативность эмотивных лексем в английских переводах пьес А. П. Чехова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. [Afinogenova, Anna I. (2006) *Variativnost' emotivnyh leksem v anglijskih perevodah p'es A. P. Chekhova* (Variation of Emotive Lexemes in the English Translations of Plays by Anton Chekhov): PhD Thesis (in Philology) Synopsis. Saint Petersburg. (In Russian)].
- Бегаева О. Е.* Об атрибутивном и предикативном употреблении имен прилагательных в современном английском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Вып. 44. Т. 18. С. 64–68. [Begaeva, Olga V. (2007) *Ob atributivnom i predikativnom upotreblenii imen prilagatel'nyh v sovremennom anglijskom yazyke* (Attributive and Predicative Performance of Adjectives in Modern English). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 44, 18, 64–68. (In Russian)].
- Бреус Е. В.* Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во УРАО, 2000. [Breus, Evgenij V. (2000) *Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo yazyka na anglijskij* (Basics of Translation Theory and Practice from Russian into English). Textbook. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Izd-vo URAO. (In Russian)].
- Гончарова Н. Н.* Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. Вып. 2. С. 396–405. [Goncharova, Natalia N. (2012) *Yazykovaya kartina mira kak ob'ekt lingvisticheskogo opisaniya* (Linguistic Picture of the World as an Object of Linguistic Description). *Izvestiya Tula State University*, 2, 396–405. (In Russian)].
- Замараева Е. В.* Глагольные средства выражения эмоционального состояния в формах Past Simple и Present Perfect // Сборник научных трудов по филологии и теории коммуникации / Под ред. д-ра филол. наук, проф. В. Б. Кашкина. Серия: Язык, коммуникация и социальная среда. 2008. Вып. 6. С. 120–129. [Zamaraeva, Evgeniya V. (2008) *Glagol'nye sredstva vyrazheniya emocional'nogo sostoyaniya v formah Past Simple i Present Perfect* (Expressing Emotional States in the Verbal Forms of Past Simple and Present Perfect). *Sbornik nauchnykh trudov po filologii i teorii kommunikatsii / Pod. red. d-ra filol. nauk, prof. V. B. Kashkina. Seriya: Yazyk, kommunikatsiya i social'naya sreda* (In Kashkin, Vyacheslav B., advanced doctor in philology, prof. (ed.) Collection of Scientific Works in Philology and Communication Theory. Series: Language, Communication, Social Environment), 6, 120–129. (In Russian)].
- Замараева Е. В.* Глаголы эмоционального состояния в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в аспекте перевода // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 137–140. [Zamaraeva, Evgeniya V. (2009) *Glagoly emocional'nogo sostoyaniya v romane M. A. Bulgakova «Master i Margarita» v aspekte perevoda* (Verbs of Emotional State in M. A. Bulgakov's Novel "The Master and Margarita" and Their Translation). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 137–140. (In Russian)].
- Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. [Kornilov, Oleg A. (2003) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov* (Linguistic Pictures of the World as

- Derivates of National Mentalities), 2nd ed., revised and expanded. Moscow: CheRo. (In Russian)].
- Лукина С. Л. Русские возвратные глаголы и их английские эквиваленты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. [Lukina, Svetlana L. (2001) *Russkie vozvratnye glagoly i ih anglijskie ekvivalenty* (Russian Reflexive Verbs and Their English Equivalents): PhD Thesis (in Philology). Voronezh. (In Russian)].
- Самигулина Ф. Г. Концептуальная картина мира и специфика ее формирования // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 2. С. 46–50. [Samigulina, Fanira G. (2010) *Konceptual'naya kartina mira i specifika ee formirovaniya* (Conceptual Linguistic Picture and Specifics of Its Formation). *Bulletin of Kant Russian State University*, 2, 46–50. (In Russian)].
- Табанакова В. Д., Шумцова И. А. Семантические типы предикатов [Электронный ресурс]. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No10/text01.htm> (дата обращения 10.02.2021) [Tabanakova, Vera D., Shumcova, Irina A. (2021, February 10) *Semanticheskie tipy predikatov* (Semantic Types of Predicates). Retrieved from <http://frgf.utmn.ru/last/No10/text01.htm>. (In Russian)].
- Тронева Е. В. Гнев в английской лингвокультуре // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2009. Вып. 37. С. 61–71. [Troneva, Ekaterina V. (2009) *Gnev v anglijskoj lingvokul'ture* (Anger in English Linguoculture). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* (Language, Consciousness, Communication). Moscow: MAKS Press, 37, 67–71. (In Russian)].
- Яковлева И. Н. Семантическая категория состояния и средства ее реализации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. [Yakovleva, Irina N. (2003) *Semanticheskaya kategoriya sostoyaniya i sredstva ee realizacii* (Semantic Category of State and Means of Its Realization). PhD Thesis (in Philology) Synopsis. Voronezh. (In Russian)].
- Hintz, David J. (1985) *Psycho-semantic Analysis of Emotion and Translation. Notes on Translation*. Amsterdam: John Benjamins.
- Izard, Carroll E. (1991) *The Psychology of Emotions*. New York: NY Plenum Press.
- Kemper, Theodore D. (1987) How Many Emotions Are There? Wedding the Social and Autonomic Components. *American Journal of Sociology*, 93 (2), 263–289.
- Korponay, Béla. (1977) Adjectival Constructions in English and Hungarian. *Angol Filológiai Tanulmányok / Hungarian Studies in English*, 11, 173–196.
- Lyons, John. (1977) *Semantics*. London: Cambridge University Press, Vol. 2.
- Matsumoto, David. (1999) American-Japanese Cultural Differences in Judgements of Expression Intensity and Subjective Experience. *Cognition and Emotion*, V. 13, 201–218.
- Mcintosh, Carey. (2020) *A Matter of Style: Stative and Dynamic Predicates*. London: Cambridge University Press.
- Noth, Winfried. (1992) Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words. *Proceedings*. Tübingen: Niemeier, 72–88.
- Russel, James A. (1991) Culture and the Categorization of Emotions. *Psychological Bulletin*, 110 (3), 426–450.
- Wierzbicka, Anna. (1992) Defining Emotion Concepts. *Cognitive Science*, 16, 539–581.

Список иллюстративного материала / Illustrations

- Достоевский Ф. М. Идиот. По изданию: “Идиот. Роман в четырех частях Федора Достоевского. С.-Петербург. 1874”, с исправлениями по журналу “Русский Вестник” 1868 года с сохранением орфографии издания. Редакция Б. Томашевского и К. Халабаева. [Dostoevsky, Fyodor M. (1874) *Idiot. Po izdaniyu: “Idiot. Roman v chetyrekh chastyah Fyodora Dostoevskogo. S. Peterburg. 1874”, s ispravleniyami po zhurnalu “Russkij Vestnik” 1868 goda s sohraneniem orfografii izdaniya. Redakciya B. Tomashevskogo i K. Halabaeva* (Idiot: According to the Edition: “Idiot. Novel in Four Parts by Fyodor Dostoevsky. Saint Petersburg. 1874” revised in accordance with “Russkij Vestnik” of 1868 with the original orthography conserved. Edited by Tomashevsky B. and Khalabaev K.) (In Russian)].
- Dostoevsky, Fyodor. (1996) *The Idiot*. Wordsworth Editions Limited.
- Dostoevsky, Fyodor. (2003) *The Idiot*. Translated by Eva Martin. Wildside Press.
- Dostoevsky, Fyodor. (2008) *The Idiot*. Translated and edited by Alan Myers. Oxford University Press.

УДК 81'23

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-69-81

**РОЛЬ КОГНИТИВНЫХ ПАТТЕРНОВ В МОДЕЛИРОВАНИИ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА
(на материале английского когнитивного паттерна *чистота / грязь*)**

Е. В. Савицкая

Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия

В статье представлены результаты изысканий, проведенных в русле лингвокогнитивистики. Рассмотрен один из участков когнитивного субстрата языкового мышления. Отмечено, что в процессе эволюции мышление людей, прежде чем стать абстрактно-теоретическим, прошло этапы наглядно-действенного и конкретно-образного отражения мира. Абстрактные понятия современной цивилизации зиждутся на традиционных конкретно-наглядных образах; это отражено и закреплено в единицах естественного языка. В качестве примера в статье рассмотрен когнитивный паттерн *чистота / грязь*, который входит в английскую лингвокультуру, и его вербальное обеспечение, то есть комплекс средств его речевой реализации. Выявлены тематические области его применения, показано его влияние на языковое мышление и моделирование реальности. Сопоставление значений языковых единиц с их внутренними формами позволяет установить связь отвлеченных понятий с конкретно-наглядными образами в рамках когнитивных паттернов. Использование метода внутреннего сопоставления и применение результатов этимологической реконструкции внутренней формы единиц языка дало возможность выявить характер видения фрагментов мира носителями английской лингвокультуры. Показано, что в английской лингвокультуре образы *чистоты / грязи* символизируют в основном две тематические области — это этическая тематика и тематика возобновления. Отмечено, что у каждого народа имеются собственные аксиологические доминанты (ключевые жизненные ценности), определяющие экспрессию вербальных инвектив. Показано, что в ряде случаев возникает конфликт между внутренней формой, пребывающей в русле традиционного мышления, и значением языковой единицы, отражающим современные реалии. Сделан вывод, что восприятие и осмысление фрагментов мира осуществляется сквозь призму стереотипов мышления, закрепленных во внутренней форме единиц языка. Но по мере развития лингвокультуры происходит ломка устоявшихся стереотипов видения мира и выработка новых. В лингвистическом аспекте победа нового над старым проявляется в том, что вербальное обеспечение прежних когнитивных паттернов уходит из языка, что ведет к «перекодированию» менталитета носителей лингвокультуры.

Ключевые слова: когнитивный субстрат языкового мышления; когнитивный паттерн; лингвокультура; коллективная установка; внутренняя форма языковой единицы; вербальное обеспечение когнитивного паттерна.

**The Role of Cognitive Patterns in Modelling Reality by Means of Natural Language
(The Case Study of the English Cognitive Pattern “Cleanness / Dirtiness”)**

Ekaterina V. Savitskaya

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

In the field of cognitive linguistics it is accepted that, before developing its capacity for abstract and theoretical thought, the human mind went through the stage of reflecting reality through concrete images and thus has inherited old cognitive patterns. Even abstract notions of the modern civilization are based on traditional concrete images, and it is all fixed in natural language units. By way of illustration, the author analyzes the cognitive pattern “cleanness / dirtiness” as a constituent part of the English linguoculture, looking at the whole range of its verbal realization and demonstrating its influence on language-based thinking and modeling of reality. Comparing meanings of language units with their inner forms enabled the author to establish the connection between abstract notions and concrete images within cognitive patterns. Using the method of internal comparison and applying the results of etymological reconstruction of language units’ inner form made it possible to see how the world is viewed by representatives of the English linguoculture. Apparently, in the English linguoculture images of cleanness / dirtiness symbolize mainly two thematic areas: that of morality and that of renewal. Since every ethnic group has its own axiological dominants (key values) that determine the expressiveness of verbal invectives, one can draw the conclusion that people perceive and comprehend world fragments through the prism of mental stereotypes fixed in the inner form of language units. Sometimes, in relation to specific language units, a conflict arises between the inner form which retains traditional thinking and a meaning that reflects modern reality. Still, linguoculture is a constantly evolving entity, and its development entails breaking established stereotypes and creating new ones. Linguistically, the victory of the new over the old is manifested in the “dying out” of the verbal support for previous cognitive patterns, which leads to “reprogramming” (“recoding”) of linguoculture representatives’ mentality.

Key words: cognitive substrate of verbal thinking; cognitive pattern; linguoculture; shared attitude; the inner form of a language unit; verbal support of cognitive pattern.

1. Введение

Анализ механизмов языкового мышления по-прежнему остается одним из самых актуальных направлений лингвокогнитивных изысканий. В настоящей статье представлены итоги нашего исследования, проведенного в этом русле. Рассмотрен один из участков когнитивного субстрата языкового мышления.

Определим главные исходные термины. Когнитивный субстрат языкового мышления — это комплекс созданных в процессе культурного развития народа, закрепленных в исторической семантике этноязыка, устоявшихся в социальной практике коллективных представлений о мире, набор когнитивных установок, лежащих в основе языковой картины мира, используемых в процессе общения и в той или иной степени обуславливаю-

щих мировосприятие, мышление и поведение людей в общенародном, групповом и индивидуальном масштабе.

Некоторые когнитивные установки, по-видимому, унаследованы людьми биогенетически от животных предков; к их числу относятся представления о пространстве, времени, движении, некоторых конфигурациях и т. п. (Артемьева 2007). Другие установки связаны не с биологической наследственностью, а с культурно-историческим наследием; к ним принадлежат мифологические и религиозные представления о мироустройстве и др. (Lévi-Strauss 2009).

Когнитивный субстрат составляет основу всего языка и всего языкового мышления. Но он делится на участки, в которых содержатся коллективные представления о строении отдельных фрагментов мироздания. Для упомянутых участков нужно подобрать подходящее название. Рассмотрев ряд синонимов из терминосистемы когнитивистики, мы остановились на термине *когнитивный паттерн*, представившемся нам наиболее удачным.

Когнитивный паттерн определяется как «совокупность совместных взаимно-сопряженных отношений между различными объектами, явлениями, свойствами и процессами окружающего мира. Иными словами, <...> это модели познания действительности и, в более широком смысле, модели знания и мышления <...> Когнитивные паттерны представляют собой базовые интуитивные репрезентации (образы), которые задают специфическое видение реальности, являются точкой отсчета в осмыслении мира» (Баксанский, Гнатик, Кучер 2010: 5).

В процессе эволюции мышление людей, прежде чем стать абстрактно-теоретическим, прошло этапы наглядно-действенного и конкретно-образного отражения мира. При этом оно унаследовало когнитивные паттерны, которые были выработаны на предыдущих этапах; новые представления надстраиваются над старыми, используя их как фундамент. Абстрактные понятия нынешней цивилизации зиждутся на традиционных конкретно-чувственных образах; это отражено и закреплено в единицах естественного языка.

2. Характеристика материала и методов исследования

В качестве примера в нашей статье рассмотрен когнитивный паттерн *чистота / грязь*, входящий в английскую лингвокультуру, и его вербальное обеспечение, то есть комплекс языковых средств, через которые он реализуется в словесном общении. Установлены тематические области его использования, показано его влияние на языковое мышление и моделирование реальности.

В ходе работы с эмпирическим материалом нами использовались словари английского языка: фразеологические (БАРФС), (ODI), комбинаторные (АРС), этимологические (БЭС), (ODE), мифологический (ССМ).

Сопоставление значений языковых единиц с их внутренними формами позволяет установить связь отвлеченных понятий с конкретно-наглядными образами в рамках когнитивных паттернов. Использование метода внутреннего сопоставления и применение результатов этимологической реконструкции внутренней формы языковых единиц дало нам возможность выявить характер видения некоторых фрагментов мира носителями английской лингвокультуры.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Наблюдения показали: в английской лингвокультуре образы *чистоты / грязи* символически репрезентируют в основном две тематических области.

Прежде всего они представляют сферу *морали*, особенно религиозной.

Физическая *чистота* символизирует непорочность, непогрешимость. Эта связь выражается словесными оборотами со словом *clean* 'чистый', например:

(1) *to keep one's slate clean* «поддерживать хорошую репутацию» (букв. 'держат свою грифельную доску чистой');

(2) *clean / clear conscience* «спокойная, безгрешная совесть» (букв. 'чистая / прозрачная совесть');

(3) *to make a clean breast of smth.* «исповедаться в грехах» (букв. 'очистить свою грудь от чего-л.');

(4) *to come clean / to clean up one's acts* «исправиться» (букв. 'очистить свои дела');

(5) *cleanliness* «благочестие» (букв. 'чистоплотность');

(6) *to clean up about smth.* «сознаться в проступке» (букв. 'очиститься от чего-л.');

(7) *to have one's hands clean* «быть порядочным» (букв. 'у кого-л. руки чисты');

(8) *squeaky clean* «совершенно невинный» (букв. 'чистый до скрипа').

Непорочность в английской лингвокультуре символически представлена не только словом *clean*, но и другими словами, относящимися к тематической группе *чистота*:

(9) *spotless / unspotted / unblemished reputation* «безупречная репутация» (букв. 'незапятнанная'; *unblemished* < старофранц. *blesmir* 'пятнать');

(10) *unsullied by sin* «не оскверненный грехом» (букв. ‘не загрязненный’ < *un-* “не” + *sully* < франц. *souiller* ‘пачкать’);

(11) *pure as the driven snow* «невинная» (букв. ‘чиста как снегопад’);

(12) *immaculate conception* «непорочное зачатие» (букв. ‘незапятнанное’ < лат. *in-* “не-” + *maculatus* “запятнанный”);

(13) *pure within* «безгрешный» (букв. ‘внутренне чистый’);

(14) *pure soul / heart* (букв. ‘чистая душа / сердце’) etc.

Соответственно, представления о **грязи** символизируют отступление от канонов общественной морали, порочность, греховность. Ниже приводится ряд примеров такого рода:

(15) *dirty swine* «мерзавец» (букв. ‘грязная свинья’; оценка морального облика);

(16) *foul language* «сквернословие» (*foul* < древнеангл. *ful* ‘гнилой, нечистый’);

(17) *filthy lucre* «презренный металл, деньги» (< древнеангл. *fyld* ‘грязь’);

(18) *dirty soul / impure heart* (ср. рус. «грязная душонка»);

(19) *with dirty hands* (ср. рус. «быть нечистым на руку»);

(20) *dirty designs / intentions* «нечистые замыслы»;

(21) *dirty words* «бранные (букв. ‘грязные’) слова»;

(22) *spirit of impurity* «нечистый дух, демон»;

(23) *unclean thoughts* «грязные мысли» etc.

Наряду с образом грязи (*dirt*) в английской лингвокультуре используются близкие к нему образы гнили (*rot*), навоза (*dung*), рвоты (*vomit*), плесени (*mold*), помоев (*slop*) и прочих неприятных вещей, символизирующих зло и порок. В этом проявился параллелизм этических и эстетических оценок. Например:

(24) *The dog returns to his vomit, and the sow that was washed returns to wallowing in the mire* (2 Peter 2: 22) / «Пёс возвращается к своей рвоте, и вымытая свинья вновь идет валяться в тине» (2-е Петра 2:22) (в смысле ‘Человек упорствует в своих пороках’);

(25) *Something is rotten in the state of Denmark* (W. Shakespeare, Hamlet, Act I, Scene IV) / «Подгнило что-то в Датском королевстве»;

(26) *bad apple / spoiled egg* «прохвост» (букв. ‘порченное яблоко / тухлое яйцо’);

(27) *A rotten apple spoils the bunch* / «Одно гнилое яблоко портит остальные»;

(28) *decay and fall* «упадок и разложение (нравов)» (*decay* букв. ‘тлен, гниль’).

В Ветхом и Новом Завете символом нечестия является квасной хлеб (он быстро плесневеет), а символом благочестия — пресный хлеб (он долго остается доброкачественным). Апостол Павел заповедал: *Therefore let us celebrate the feast, not with old leaven, nor with the leaven of malice and wickedness, but with the unleavened bread of sincerity and truth* (1 Corinthians 5: 8) / «Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины» (1 Коринфянам 5: 8). Образы бездрожжевого / дрожжевого хлеба — эквивалентны образам *чистоты / грязи*. На этой образной основе возник праздник опресноков, англ. *the Feast of Unleavened Bread* (Exodus 12: 15 / Исх. 12: 15).

Перечисленные образы составляют тематическую группу, несут примерно одинаковую символическую нагрузку и входят в состав рассматриваемого нами когнитивного паттерна.

У каждого народа или группы народов имеются свои аксиологические доминанты (святыни) — ключевые жизненные ценности, которые образуют ядро этнокультуры (см. [Жельвис 2000; Хомяков 2009]). Они определяют тематику и экспрессию инвектив: чем выше в иерархии ценностей расположена святыня, тем бóльшую негативную экспрессию несет инвектива, предназначенная для бласфемизации (кощунственного поругания) этой святыни.

Так, у народов германской языковой группы, в том числе английского, выше всего ценится нравственная чистота; вследствие этого тематика инвектив сосредоточена на образах грязи, нечистот, физиологических отправлениях и их источников (англ. *shit, spew, filth, rot, arse* и др.), тогда как у славян ценностной доминантой издревле являлся культ предков, прежде всего матери. Вследствие этого ядро обцененной лексики до сих пор образуют обороты, направленные на оскорбление земной и Божией матери; поэтому эта лексика именуется матерной.

В английской лингвокультуре моральные ассоциации с чистотой и грязью особенно широко распространены в сфере отношений полов.

По логике вещей можно было ожидать, что под чистыми отношениями полов будут подразумеваться духовно возвышенные, благородные, утонченные отношения, преисполненные восхищения, любви и уважения друг к другу, а под грязными — грубые, примитивные, вульгарные отношения полов, которые сопровождаются насилием и оскорблением человеческого достоинства.

Но нет; как показывают наблюдения, в рамках христианской половой морали, которая закреплена в семантике европейских языков (в том числе английского), под чистыми (непорочными, целомудренными) отношениями полов понимается попросту половое воздержание, а под грязными —

попросту половая жизнь, в особенности не санкционированная Церковью в форме обряда венчания. Такая позиция проистекает из религиозных доктрин первородного греха и непорочного зачатия, в рамках которых плотские отношения считаются изначально греховными по самой своей сущности. Отсюда ассоциативная связь религиозных наименований полового воздержания с понятием *чистоты*:

(29) *immaculatedness* «непорочность» < лат. *immaculatus* «незапятнанный»;

(30) *chastity* «целомудрие» < лат. *castus* «чистейший, незамутненный»;

(31) *virginity* «девственность» < лат. *virga* «свежая, незамаранная» etc.

С указанных позиций не освященная церковным обрядом (и по большому счету всякая) половая жизнь образно представляется как нечто грязное. Это зафиксировано в ряде английских устойчивых оборотов:

(32) *dirty / sullied love* «внебрачная любовь» (< франц. *souiller* «загрязнять»);

(33) *dirty romance* «жанр скабрёзной (букв. 'грязной') литературы и кино»;

(34) *filthy relationships / affairs* «внебрачные (букв. 'грязные') связи»;

(35) *dirty pleasures* «порочные (букв. 'грязные') наслаждения»;

(36) *dirty dancing* «фривольные (букв. 'грязные') танцы».

Как видим, в самой системе английского языка заложено продиктованное репрессивной религиозной половой моралью негативное отношение к половой жизни, особенно вышедшей из-под церковного и государственного контроля.

Диаметральную противоположность трактовок *чистоты* и *грязи* в сфере отношений полов продемонстрировал Герберт Уэллс в романе «Люди как боги»: христианский священник, наблюдавший прекрасные, высокодуховные, свободные нравы утопийцев, с отвращением квалифицировал их как «свальный грех», а они, в свою очередь, с не меньшим отвращением констатировали, что у их идейного противника — религиозного ханжи — «очень грязный ум» (Wells 2019).

Конфликт моральных оценок наблюдается и в жанре историй о великой любви — любви Ланселота и Гвиневры, Тристана и Изольды, Паоло и Франчески, Лейли и Меджнуна и др. Согласно канонам церковной морали, их полагается расценивать как грязные внебрачные связи, однако народная мораль расценивает великую любовь как чистые отношения, как высочайшую духовную ценность. Этот конфликт приводит к тому, что великая

любовь (англ. *great love*) становится роковой (англ. *fatal love*). Жизнь сделала эти названия, увы, синонимичными.

В наше время в западном мире исповедуются и широко практикуются «свободные» нравы и отношения полов, однако фактически они до сих пор выглядят не как подлинно свободные, а как бунт против патриархальных устоев и стремление преодолеть эти устои; столь велика инерция многовековых традиций, заложенных в языке, который, согласно Э. Сепиру (Sapir 2014) и Б. Л. Уорфу (Whorf 2012), властно влияет на человеческое мышление и поведение.

Этим свойством западная мораль отличается, к примеру, от буддийско-индуистской тантрической морали, в контексте которой плотские отношения изначально не могут считаться «грязными», поскольку они носят сакральный характер (Smith 1996). Различия в когнитивном субстрате языкового мышления западных и восточных культур ведут к различиям в оценках отношений полов, а также к различиям в стереотипах поведения, проистекающих из этих оценок.

Такое отношение к делу характерно не только для библейской морали и касается не только эроса. Идеология, декларирующая примат государственных и / или общественных интересов перед личными интересами, воспевающая принесение индивидуальных ценностей в жертву благополучию коллектива — такая идеология проповедует аскетизм и клеймит позором любое удовольствие, кроме идейного экстаза. Такова, например, мораль тоталитарных политических режимов и таких же религиозных сект, экстремистских организаций и иже с ними. Это ярко показано, в частности, в антиутопии Джорджа Оруэлла «1984», в которой изображен суровый тоталитарный строй (*Ingsoc*) с его «Молодежным антиполовым союзом» (*Junior Anti-Sex League*) и ежедневными двухминутками ненависти (*The Two Minutes Hate*); в них энергия либидо сублимировалась в ярость политической борьбы (Orwell 2020).

В рамках такого рода идеологий вся лексика, в образной основе которой лежит когнитивный паттерн *чистота / грязь*, переносится с отношений полов на общественную жизнь в целом: с этой точки зрения аскетизм чист, а гедонизм грязен в своей сущности. В условиях авторитарных и тоталитарных режимов противопоставление *чистоты* и *грязи* четко выражено, в отличие от буржуазно-либеральных социумов, в рамках которых эта антитеза размыта: в их контексте гедонистические устремления не только не позиционируются как порочные, но, напротив, объявляются ценностной доминантой. Оценка жизненных реалий в категориях «чистые» и «грязные» в нынешних условиях западного либерализма постепенно теряет актуальность и в конечном счете — смысл.

С аскетизма ныне снимается печать добродетели, а с гедонизма — клеймо порока. В социуме сменяются ценностные ориентиры: идейный лозунг *Ask not what your country can do for you, ask what you can do for your country* («Не спрашивай, что родина может сделать для тебя; спрашивай, что можешь сделать для родины ты») в аксиологическом пространстве современной западной культуры всё больше замещается рекламным логотипом *Food is a pleasure! The pleasure of taste* («Еда — это наслаждение! Наслаждение вкусом»), имеющим не только коммерческое, но и идеологическое значение. В терминологии Л. Н. Гумилева, замена массового энтузиазма гедонизмом свидетельствует о переходе от пассионарной (восходящей) фазы этногенеза — через фазу акме (пика развития) — к фазе надлома (Гумилев 2018).

Таково нынешнее положение дел. Но прошлые этапы развития культуры и цивилизации прочно укоренены в этноязыке, а значит — и в ментальности народа, и требуется весьма длительное время, чтобы прежние представления и языковые средства их выражения сменились новыми. Когнитивный субстрат языкового мышления людей обладает большой инерцией, он составляет основу «свода основных предположений и допущений, обычно не осознаваемых и не обсуждаемых, структурирующих и направляющих поведение членов общности почти так же, как грамматические правила, не осознаваемые большинством людей, направляют и структурируют их языковое поведение» (Кузнецов 1998).

Под определенным углом зрения этнокультуру можно рассматривать как совокупность коллективных установок (англ. *attitudes*), которые определяют ценностное отношение народа к тем или иным явлениям бытия — подобно тому, как характер индивидуума, по Д. Н. Узнадзе, складывается из личностных установок, определяющих специфику его контактов с социокультурной средой (Узнадзе 2001).

Упомянутые коллективные установки носят облигаторный характер в рамках господствующей идеологии. Однако со временем идеологии меняются, а вместе с ними и коллективные установки. Например, в эпоху доминирования христианской идеологии в культурном пространстве Европы нетрадиционные сексуальные ориентации осуждались и карались, объявляясь «грязными», а в наше время на Западе они считаются нормой и приветствуются, объявляясь «радужными»; осуждаются и караются теперь уже попытки критиковать их.

Но вербальный язык в значительной мере консервативен. Это связано с тем, что он сам являет собой грандиозную общенародную конвенцию; слишком частые и радикальные преобразования в языке с неизбежностью

привели бы к снижению взаимопонимания, к коммуникативным сбоям и в целом к падению эффективности вербального общения.

По этой причине темпы развития языка несколько отстают от темпов развития цивилизации. Из-за этого в языке некоторое время сохраняются прежние общественные когнитивные установки, зафиксированные в значениях и внутренней форме языковых единиц, в их коннотациях и сочетаемости. Языковое мышление потому так и называется, что оно осуществляется на базе языка, функционирующего как код (программа) интеллекта. Люди относятся к миру так, как предписывает им их родной язык с помощью своих единиц и конструкций. Поэтому пока из языка не уйдет вербальное обеспечение того или иного когнитивного паттерна, этот паттерн будет существовать в головах людей, направляя их мышление, определяя их отношение к миру и поведение.

Так, например, в английском языке столетиями копились пейоративные названия представителей сексуальных меньшинств — названия, заключающие в своей внутренней форме идею перверсии: *invert*, *pervert*, *queer (as a square egg)*, *deviant*, *sissy*, *faggot / fag*, *sodomite / sod* и целый ряд других, не говоря уже о многочисленных обценных словах и идиоматических оборотах; избавление от этого исторического наследия занимает долгое время и дается нелегко.

В его рамках идеологи политкорректности наспех сочиняют и фактически насильно внедряют в английский язык неуклюжие эвфемизмы типа *LGBTist* (букв. ‘ЛГБТист’), *same-genderer* (букв. ‘однополец’), *rainbow person* (букв. ‘радужный человек’) и т. п. Но такие названия выглядят не естественно, а как проявления протеста против традиции; это обусловлено тем, что традиционные представления прочно укоренены в языке, а значит, и в менталитете народа.

В настоящее время на Западе, в том числе в Англии, под влиянием идей неолиберализма происходит активная ломка когнитивных установок; как отмечалось, это процесс долгий и болезненный, сопровождающийся сшибкой традиций и новаторства. «Поле битвы» выступает пространство языка.

Помимо сферы отношений полов представления англосаксов о чистоте и грязи ассоциируются и с другими областями этики, прежде всего с честностью / нечестностью, с неподкупностью / коррумпированностью: *to have clean / dirty hands* «у кого-л. чистые руки / кто-л. нечист на руку» и т. п.

Выше упоминалось, что в английской лингвокультуре образы *чистоты / грязи* символически репрезентируют в основном две тематических области. Помимо морали, вторая область — это тема *возобновления*, воз-

врата к началу, отказа от прошлого опыта, избавления от прежнего содержания.

В порядке иллюстрации приведем ряд английских устойчивых образных оборотов:

(37) *to start over with a clean slate* «вернуться на исходные позиции» (букв. ‘начать заново с чистой доски’);

(38) *to clean the slate / to wipe the slate clean* «начать жизнь сначала» (букв. ‘начисто вытереть доску’);

(39) *to make a clean break with the past* «начисто порвать с прошлым»;

(40) *clean sheet* «возможность начать новую жизнь» (букв. ‘чистый лист’, ср. рус. ‘начать с чистого листа’).

В данном значении слово *clean* ‘чистый’ тематически близко к таким словам, как *blank* ‘пустой’, *vacant* ‘вакантный’, *unoccupied* ‘незанятый’ и антонимично словам с общим значением ‘полный’ (*full, replenished, engaged, packed, occupied, filled*). В большинстве случаев когнитивной основой является образ чистого (пустого) и исписанного носителя текста, а именно бумажного листа, грифельной доски, компьютерного дисплея и т. п. В языке проявляется, так сказать, «семиотический» взгляд на жизнь, постмодернистский в своей основе: жизнь уподобляется тексту, а деятельность — созданию текста (*writing the book of life* — «написанию книги жизни»).

Эта метафора обыграна в фантастическом рассказе Стивена Кинга «Всемогущий текст-процессор», персонажу которого досталось в наследство электронное устройство, воплощавшее в реальность содержание вводимых в него текстов (King 2018).

4. Выводы

Итак, на примере когнитивного паттерна *чистота / грязь*, входящего в английскую лингвокультуру, мы постарались продемонстрировать, что восприятие и осмысление действительности и ее отдельных фрагментов осуществляется сквозь призму стереотипов мышления, выработанных в течение столетий и закрепленных во внутренней форме единиц языка. В ряде случаев возникает конфликт между внутренней формой, пребывающей в русле традиционного мышления, и значением языковой единицы, отражающим современные реалии.

Но лингвокультура развивается; в рамках этого процесса происходит долгая, трудная ломка устоявшихся стереотипов видения мира и выработка новых стереотипов. В языковом аспекте победа нового над старым проявляется в «отмирании» вербального обеспечения прежних когнитивных

паттернов, приводящем к «перепрограммированию» («перекодированию») менталитета носителей лингвокультуры.

Список литературы / References

- Артемяева Е. Ю. Психология субъективной семантики М.: URSS, 2007. [Artemyeva, Elena Yu. (2007) *Psikhologiya subyektivnoy semantiki* (The Psychology of Subjective Semantics). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Баксанский О. Е., Гнатик Е. Н., Кучер Е. Н. Нанотехнологии, биомедицина, философия образования в зеркале междисциплинарного контекста. М.: URSS, 2010. [Baksansky, Oleg E., Gnatik, Ekaterina N., Kucher, Elena N. (2010) *Nanotehnologii, biomeditsina, filosofiya obrazovaniya v zerkale mezhdisciplinarnogo konteksta* (Nanotechnology, Biomedicine, Philosophy of Education in the Mirror of the Interdisciplinary Context). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Азбука, 2018. [Gumilyov, Lev N. (2018) *Etnogenez i biosfera zemly* (Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth). Moscow: Azbuka. (In Russian)].
- Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Юрислингвистика-2: Сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2000. С. 194–206. [Zhelvis, Vladimir I. (2000) *Slovo i delo: yuridichesky aspekt skvernosloviya* (Word and Deed: a Legal Aspect of Using Foul Language). *Russky yazyk v yestestvennom i istoricheskom bytii. Yurisingvistika-2* (Russian Language in Natural and Historical Existence): a Collection of Papers. In Golev, Nikolay D. (ed.) Barnaul: Altay State University, 194–206. (In Russian)].
- Кузнецов А. М. Картина мира этническая // Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского. Ростов-н/Д.: Феникс, 1998. [Kuznetsov, Anatoly M. (1998) *Kartina mira etnicheskaya* (The Ethnic World Outlook). In Petrovsky, Artur V. (ed.) *Kratkiy psikhologicheskiy slovar'* (Concise Psychological Dictionary). Rostov-n/D: Feniks. (In Russian)].
- Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. [Uznadze, Dmitry N. (2001) *Psikhologiya ustanovki* (The Psychology of Attitude). Saint Petersburg: Piter. (In Russian)].
- Хомяков В. А. Введение в изучение слэнга — основного компонента английского просторечия. М.: Либроком, 2009. [Khomyakov, Vladimir A. (2009) *Vvedeniye v izucheniye slenga — osnovnogo komponenta angliyskogo prostorechiya* (Introduction to Studies of Slang — Hardcore of Low Colloquial English). Moscow: Librokom. (In Russian)].
- Lévi-Strauss, Claude. (2009) *Le cru et le cuit*. Paris: Éditions Plon. (In French.)
- Sapir, Edward. (2014) *Language. An Introduction to the Study of Speech*. Cambridge: University Press.
- Smith, Gilly. (1996) *Tantra and Tao*. Edinburgh: Constable & Robinson Ltd.
- Whorf, Benjamin L. (2012) *Language, Thought, and Reality*. Cambridge (Mass.): MIT Press.

Словари / Dictionaries

- АРС* — Англо-русский словарь глагольных словосочетаний / Под ред. Э. М. Медниковой. М.: Русский язык, 1990. [*Bolshoy anglo-russky slovar' glagolnykh slovosochetaniy* (1990) (Greater English-Russian Dictionary of Verbal Collocations). In Esther M. Mednikova. (ed.). Moscow: Russkij yazyk. (In Russian)].
- БАРФС* — Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. М.: Русский язык-Медиа, 2005. [*Bolshoy anglo-russky frazeologicheskyy slovar'* (2005) (Greater English-Russian Phraseological Dictionary). In Alexandre V. Kunin. (ed.). Moscow: Russkij yazyk-Media. (In Russian)].
- БЭС* — Большой этимологический словарь современного английского языка / М. М. Маковский. М.: Либроком, 2014. [*Bolshoy etimologicheskyy slovar' sovremennogo angliyskogo yazyka* (2014) (Greater Etymological Dictionary of Modern English). In Mark M. Makovsky. (ed.). Moscow: Librocom. (In Russian)].
- ССМ* — Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках / М. М. Маковский. М.: Издательский центр Владос, 1996. [*Sravnitelny slovar' mifologicheskoy simboliki v indoyevropeiskikh yazykakh* (1996) (Comparative Dictionary of Mythical Symbols in Indo-European Languages). In Mark M. Makovsky. (ed.). Moscow: Vlados Publishers. (In Russian)].
- ODE* — *Oxford Dictionary of English Etymology* (1996). In C. T. Onions. (ed.). Oxford: University Press.
- ODI* — *Oxford Dictionary of English Idioms* (2009). In J. Ayto. (ed.). Oxford University Press.

Иллюстративный материал / Illustrations

- King, Stephen E. (2018) *The Word Processor of the Gods*. In Stephen E. King. *Skeleton Crew: Stories*. New York: Simon and Schuster.
- Orwell, George. (2020) *1984*. London, New York: Penguin Classics.
- Shakespeare, William. (2019) *Hamlet*. Cambridge: University Press.
- Wells, Herbert G. (2019) *Men like Gods*. London, New York: HarperCollins Publishers.

УДК 81'42

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-82-95

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОРПУСНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ (на примере работы с корпусами кинодискурса)

Н. А. Шамова

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

Широкая сфера применения корпусных технологий указывает на их значимость в прикладной лингвистике. Целью статьи является сравнение и сопоставление основных корпусных инструментов программ *Sketch Engine*, *AntConc*, *WordSmith Tools* на материале текстов специализированных периодических изданий по кинематографу *Total Film* и *American Cinematographer* 2019–2020 годов. Сравнение проводится с целью представления рекомендаций о выборе инструментов и программ для получения определённого вида информации. Общий объём текстов составляет более 900 000 слов. Сравнительно-сопоставительный метод и метод компьютерного анализа являются основными в исследовании. Функции «конкорданс», «список слов», «коллокации» + «описание слов», «N-граммы», «ключевые слова» находятся в программах *Sketch Engine* и *AntConc*. Программа *WordSmith Tools* имеет только функции «конкорданс», «список слов» и «ключевые слова». Данные о наличии инструментов в корпусах представлены в таблице. Описываемые в статье функции разных программ выполняют одинаковые задачи, но наблюдаются некоторые отличия в способах представления данных. Платформа *Sketch Engine* даёт больше возможностей для выбора персональных настроек среди рассматриваемых программ. Конкорданс показывает слово в контексте, список слов включает все слова с фиксацией частотности их употребления в корпусе. Функция «коллокации» (или «описание слов») определяет устойчивые выражения, «N-граммы» находит словосочетания, состоящие из определённого количества элементов. Функция «ключевые слова» позволяет определять слова, характерные для определённой предметной области. На основе полученных сведений из корпусов возможно обновление англоязычных *LSP* словарей и глоссариев по кинематографу. Теоретическая значимость результатов заключается в систематизации материала о корпусных инструментах. Практическая значимость настоящего исследования состоит в изучении кинодискурса при помощи инструментов трёх корпусных программ. Под кинодискурсом в данном исследовании понимается язык, употребляемый сообществом кинозрителей и кинодеятелей про кинематограф в периодических специализированных изданиях *Total Film* и *American Cinematographer*.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; специализированный корпус; компьютерный анализ; корпусные инструменты; кинодискурс.

**A Comparative-Contrastive Analysis of Corpus Tools
(Case Study: Working with Corpora of Cinematic Discourse)**

Nadezhda A. Shamova
Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

A broad scope of application of corpus technologies indicates their importance in applied linguistics. Employing the comparative-contrastive method and the method of computer analysis, the author seeks to compare and contrast the main corpus tools of the programs Sketch Engine, AntConc, and WordSmith Tools, focusing on texts from specialized periodicals about cinematography *'Total Film'* and *'American Cinematographer'* for 2019–2020. The primary goal of this comparison is to provide recommendations for optimal choice of tools and programs for obtaining certain types of information. The author processed the total volume of texts that contained over 900,000 words, using the functions “concordance”, “word list”, “collocations” + “word sketch”, “N-grams”, “keywords” in Sketch Engine and AntConc (WordSmith Tools has only “concordance”, “wordlist,” and “keywords”). Information about specific tools available in various corpora is collected and presented in a specially developed table. Different software programs described in the article have functions that perform the same tasks, but there are some differences in how data is presented. Among the software programs featured in this case study, the Sketch Engine platform gives the most options for choosing personal settings. The “concordance” function shows the word in context, “Wordlist” shows all the words on a given list with a record of their frequency in the corpus. The “collocation” function (or “word sketch”) recognizes fixed expressions, “N-grams” finds phrases that comprise a certain number of elements, while the “keywords” function allows users to identify words that are specific to a particular subject area. Information thus obtained from the corpora may be helpful in updating English LSP dictionaries and glossaries of cinematography. The theoretical significance of the present study lies in systematizing the material about existing corpus tools, while its practical value is in using the tools of three corpus programs for the study of cinematic discourse, understood here as language used by the community of movie goers and filmmakers in their discussions of cinematography in specialized periodicals *'Total Film'* and *'American Cinematographer'*.

Key words: corpus linguistics; specialized corpus; computer analysis; corpus tools; cinema discourse.

1. Введение

В эпоху научно-технического прогресса и разнообразных информационных технологий увеличивается значимость корпусных инструментов, необходимость применения которых связана с потребностью в проведении многоаспектных и междисциплинарных исследований различных видов дискурса, в частности кинодискурса.

В. А. Плунгян подчеркивает, что «корпус — это не только мощный инструмент исследования языка, но и новая идеология, ориентирующая исследователя на текст как главный объект теоретической рефлексии» (Плунгян 2008: 14). В. Тойберт полагает, что корпусная лингвистика расширяет знания о языке путём объединения трёх различных подходов: рас-

познавание языковой информации (определение её по категориям), поиск взаимосвязи языковой информации с помощью статистических методов и, наконец, представление результатов (Teubert 2001: 128–129). Проведение более качественного и точного лингвистического анализа становится доступным, в том числе за счёт автоматизации процессов и богатого функционала корпусов.

К корпусным инструментам активно обращаются, например, при рассмотрении способов анализа текстов и лексических единиц (Павловская, Горина 2017), проведении критического дискурс-анализа (O'Halloran 2009), составлении частотного списка слов (Toriida 2016). Корпусные технологии применяются при анализе синонимов-глаголов (Hu, Yang 2015), синонимичных английских прилагательных (Басинская 2019), при выявлении ключевых слов в определённой предметной области (Skorczynska, Carrió-Pastor 2015), терминологии (Гросс 2017), модальных частиц (Абдуллаев 2015), метафор (Солопова, Валиева, Ворошилова 2017), а также лексических средств передачи отрицательной оценки (Ковязина, Ильющеня, Хабибуллина 2018). Ими пользуются при установлении особенностей кинодискурса (Шамова 2016) и способов словообразования терминологии кинодискурса (Шамова 2019), а также гендерных стереотипов в языке фильма (Busso, Vignozzi 2017).

Целью работы является проведение сравнительно-сопоставительного анализа основных корпусных инструментов: «конкорданс» (*concordance*), «список слов» (*word list*), «коллокации» (*collocations*) + «описание слов» (*word sketch*), «N-граммы» (*N-grams*), «ключевые слова» (*key words*) — на примере таких программ, как: *Sketch Engine*, *AntConc*, *WordSmith Tools*. Выбор данных программ обуславливается возможностью загружать данные и создавать свои исследовательские корпусы на их основе. Подчеркнём, что в данной работе рассматриваются возможности базовой версии программы *Sketch Engine*. Задачи включают в себя создание исследовательских корпусов для анализа материала, а также анализ доступных инструментов в корпусах. Учитывая многообразие исследований, проводимых на платформе *Sketch Engine*, ожидается, что она обладает наиболее высокой функциональностью. Описание и сравнение современных корпусных инструментов определяет теоретическую значимость работы. На основе полученных результатов сопоставления представлены выводы о наиболее оптимальных инструментах для анализа лингвистического материала. Включение наглядных примеров из кинодискурса, сопровождающих перечисление технических возможностей корпусных программ, свидетельствует о практической значимости настоящей работы и её новизне. Актуальность определяется увеличивающимся количеством корпусных исследова-

ний и возникающей необходимостью в выборе наиболее оптимальных электронных инструментов для работы с лингвистическим материалом, исходя их поставленных целей.

2. Характеристика материала и методов исследования

Настоящее исследование проводилось на материале авторского корпуса, в основу которого положены выпуски специализированных журналов по кинематографу *Total Film* и *American Cinematographer* за 2019–2020 гг. Выбранные выпуски отражают современный язык предметной области «кинематограф» и содержат реальные примеры языкового использования. Общий объём исследовательского корпуса составляет более 900000 слов. При обзоре корпусных инструментов использовался сравнительно-сопоставительный метод. Для получения достоверных результатов при обработке информации из корпуса применялся метод компьютерного анализа. Отметим, что некоторые иллюстративные примеры в данной работе сопровождаются числовым обозначением в скобках, которое указывает на частоту встречаемости, выраженную в абсолютных единицах.

Объектом проводимого исследования являются программы *AntConc*, *WordSmith Tools* и *Sketch Engine*. В свою очередь предметом исследования предстают функции *concordance*, *word list*, *collocations + word sketch*, *N-grams*, *key words*, которые выполняют основные задачи, необходимые для автоматизированного качественного и количественного анализа лингвистического материала. Описание функционала сопровождается наглядными примерами, характеризующими современное состояние англоязычного кинодискурса. Важно подчеркнуть, что под кинодискурсом в данной работе понимается язык, употребляемый сообществом кинодеятелей и кинозрителей про кинематограф в периодических специализированных изданиях *Total Film* и *American Cinematographer*.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Корпусы XXI века оснащены разными видами инструментов, удовлетворяющими потребности исследователя в получении определённого вида упорядоченной информации. Кроме того, возможность выбора вариантов её представления, исходя из индивидуальных предпочтений пользователя, свидетельствует о том, что данные технологии отличаются антропоцентричным характером. Сравнение и сопоставление инструментов (*concordance*, *word list*, *collocations + word sketch*, *N-grams*, *key words*) осуществляется на основе корпусных программ *Sketch Engine*, *AntConc*, *WordSmith Tools* (см. Рис. 1).

Название программы \ Название функции	Sketch Engine	AntConc	WordSmith Tools
Concordance	+	+	+
Word list	+	+	+
Collocations + word sketch	+	+	-
N-grams	+	+	-
Key words	+	+	+

Рис. 1. Сравнение функционала корпусных программ

В настоящее время при изучении языка активно используются корпусные менеджеры. «Специализированные программные средства — корпусные менеджеры предоставляют разнообразные возможности по получению из корпуса необходимой информации» (Захаров 2005: 10).

Конкорданс (*concordance* или *key word in context*) позволяет непосредственно увидеть функционирование исходной единицы в контексте и особенности её употребления. Исследуемая единица, как правило, располагается в центре строки и окружается с двух сторон контекстом. Объём контекста может варьироваться и устанавливаться исследователем в зависимости от поставленной цели. П. Бэйкер также отмечает, что в ходе анализа конкорданса можно проследить семантику предпочтительного выбора (*semantic preference*) (Baker 2006: 86). Её определяют как отношение не между отдельными словами, а между леммами или словарными формами и группой семантически связанных слов (Stubbs 2001: 65). Исследователи подчеркивают, что корпусные технологии устанавливают грамматическое окружение слова или фразы (*colligation*) (Cheng 2012: 82).

При работе с функцией конкорданс (*concordance*) на платформе *Sketch Engine* можно выбрать формат *KWIC* (*key word in context* — «ключевое слово в контексте») или опцию *Sentence* (предложение). В формате *KWIC* устанавливаются ограничения по количеству слов справа и слева от искомого слова. Опция *Sentence* позволяет видеть искомое слово в качестве части целого предложения, а расширенный контекст при необходимости увеличивается. Программа *WordSmith Tools* также предоставляет расширенный контекст. В свою очередь в функции «конкорданс» корпусного менеджера *AntConc* возможно как установление ограничений по количеству слов справа и слева от искомого слова, так и одновременно их цветовое выделение. Вместе с тем работа с расширенным контекстом не предполагает ограничения его по объёму. При двукратном нажатии на интересующее слово пользователь автоматически переходит в функцию *file view*, ко-

торая отображает весь текстовый файл, в котором встречается данное слово. Отметим, что, несмотря на небольшие отличия в способах представления данных, цель инструмента *concordance* одинакова во всех рассмотренных программах: работа с контекстом.

Рассмотрим несколько примеров из конкорданса со словом *action*, полученных при работе с корпусами. В предложениях 1 и 2 термин *action* обозначает жанр — «драма»:

(1) *...the filmmakers shot in the style of an action film* (WordSmith Tools).

(2) *We wanted to go wider than Hollywood action films...* (AntConc).

В примере 3 речь идёт о новом гибридном жанре *action crime-comedy*:

(3) *...crashing into cinemas later this year, he has action crime-comedy...* (Sketch Engine).

Интересной представляется также лексическая единица *Action!*, которая имеет значение «мотор». Акцентируем внимание на том, что в данном случае рассматриваемое слово сопровождается восклицательным знаком, который выполняет интонационно-экспрессивную функцию.

Благодаря данному инструменту удалось установить клише, существующие в кинодискурсе, на основе анализа грамматического окружения слова. Так, при работе с функцией «конкорданс» в *AntConc* со словом *script* были получены следующие клише: *script was supervised, script was written, script was quickly snapped up*; со словом *plot*: *the plot lacks, the plot unfolds, the plot settles into, the plot follows, the plot uses* (AntConc). Отметим, что со словом *script* глагол чаще употребляется в пассивном залоге, а со словом *plot*, напротив, в активном.

Важно подчеркнуть, что в *AntConc* есть дополнительная опция *concordance plot*, позволяющая узнавать частотность встречаемости слова в каждом загружаемом в программу документе. Сведения предстают в виде штрих-кода, на котором вертикальные черные полоски указывают на место расположения слова. Данная опция позволяет анализировать особенности положения любого слова в каждом отдельном файле, загруженном в систему.

Похожей на функцию *concordance* является функция «списки заглавных слов» (*key words, keyword list*), но в отличие от неё лексическая единица представляется вне контекста. У пользователя есть возможность выделить часто встречаемые слова в корпусе в сравнении со справочным корпусом (*reference corpus*). Т. В. Толстова обращает внимание на то, что списки ключевых слов (*key-word lists*) «включают элементы, обладающие статистически значимой высокой частотностью — положительные ключевые

слова (*positive key words*) или низкой частотностью — отрицательные ключевые слова (*negative key words*)» (Толстова 2018: 135–136).

Функция *key words* на платформе *Sketch Engine* находит односложные слова и слова, состоящие из нескольких компонентов. Программа *WordSmith Tools* при выделении «ключевых слов» позволяет получить *key words plot*. Информация предстаёт в виде изображения, которое похоже на штрих-код, получаемый в рамках опции *concordance plot* в *AntConc*, на котором вертикальные чёрные полосы обозначают место нахождения слова в выпуске журнала. В свою очередь программа *AntConc* в рамках опции *key word list* находит односложные слова, но представляет их в виде списка. Разные способы представления данных указывают на различные технические возможности программ. Подчеркнём, что программы *AntConc* и *WordSmith Tools* не имеют встроенных корпусов текстов, в отличие от программы *Sketch Engine*, которая в качестве справочного корпуса может, например, обращаться к корпусу *English Web 2015 (enTenTen15)*, содержащему 13 млрд слов, что указывает на его репрезентативность и представительность.

При работе со *Sketch Engine* были получены следующие ключевые слова: *film* (4902), *cinematographer* (2251), *camera* (2166), *shot* (1955), *cinematography* (593), *filmmaker* (458), *cinema* (443), *Hollywood* (417), *stunt* (127), *noir* (67) и т. д. (*Sketch Engine*). Кроме того, были выявлены словосочетания (*multi-words*): *camera operator* (70), *film school* (64), *movie genius* (50), *aspect ratio* (50), *running time* (48), *camera assistant* (37), *key light* (27), *spoiler alert* (26) и т. д. (*Sketch Engine*). Эти сведения могут быть полезны при компиляции учебного глоссария по киноиндустрии, цель которого сформировать общее представление о сфере кино.

Вместе с тем список слов (*word list*) — это список всех слов в корпусе с фиксацией их частотности и процентного соотношения, которое каждое слово вносит в корпус (Baker 2006: 51). Частотные списки (*frequency list*) указывают на часто встречаемые единицы (Толстова 2018: 133). Учёные используют термин *raw frequency*, когда говорят об общей частотности слова в корпусе (Biber, Conrad, Reppen 1998: 263). Исследователи полагают, что нормализованная частотность подразумевает количество употреблений слова на 1 млн слов (Biber, Conrad, Reppen 1998: 34).

На платформе *Sketch Engine*, в корпусной программе *AntConc* и в программе *WordSmith Tools* функция, составляющая список слов, называется *word list*. В программе *AntConc* есть дополнительные опции, заключающиеся в возможности выбрать способ представления результатов. Автоматически составляемый список слов может быть сформирован: по частотности (*sort by freq*), по алфавиту, ориентируясь на первую букву в слове

(*sort by word*), по алфавиту, ранжируя слова по последней букве в слове (*sort by word end*). Данная возможность указывает на антропоцентричность программы, её ориентированность на запросы пользователя. В программе *WordSmith Tools* упорядочивание слов осуществляется по частотности (*frequency*) и по алфавитному принципу (*alphabetical*) без дополнительного деления данной опции (как в *AntConc*). В *Sketch Engine* можно выбрать элементы (буквы или буквосочетания), которые исследователь желает видеть в формируемом списке слов, что также демонстрирует стремление удовлетворить потребности пользователя в получении определённого типа данных. Например, в *Sketch Engine* был получен список терминов, связанных с монтажом при вводе слова *cut*: *cutter, cutting, cutscene*; корня слова *assemble*: *assembling, assembler, assemblage* и т. д. (*Sketch Engine*). Тематические списки (списки однокоренных слов) могут найти применение при компиляции современного англоязычного глоссария по кинематографу. При работе с функцией *word list* был разработан частотный список глаголов, характерных для кинодискурса, например: *shoot* (2007), *create* (785), *play* (761), *lead* (455), *capture* (357) и т. д. (*Sketch Engine*).

Благодаря ранжированию слов по алфавитному принципу в *AntConc*, удалось сделать интересное наблюдение на основе анализа списка слов, относящихся к кинематографическим профессиям. В корпусе зафиксирована профессия «каскадер(ы)» (соответственно *stuntman, stuntmen* в английском языке) (*AntConc*). Кроме того, была зарегистрирована форма *stuntpeople*. (*AntConc*). Представленный пример указывает на то, что в кинематографии каскадерами наравне с мужчинами могут быть и женщины.

Отметим наличие функции *word sketch* на платформе *Sketch Engine*, которая позволяет автоматически получать сводные сведения о грамматическом или коллокационном поведении слов (Kilgarriff, Rychlý, Smrž, Tugwell 2004). М. В. Хохлова определяет *word sketches* как определённые списки, в которых содержится информация о «лингвистическом поведении» — сочетаемости с другими словами с количественным указанием силы связи, которая рассчитывается на основе известных мер ассоциации» (Хохлова 2012). Функция коллокации (*collocations*) также выполняет задачу, связанную с определением устойчивых выражений. Т. Ю. Павельева акцентирует внимание на том, что «корпус текстов представляет неограниченные возможности для изучения и выявления коллокаций» (Павельева 2016: 58). О. Г. Горина подчеркивает, что «коллокации являются ключевыми концепциями корпусных исследований» (Горина 2011: 33).

В *Sketch Engine* функция, которая предлагает пользователю узнать коллокационные особенности слов, называется *word sketch*. Полученная информация систематизируется по колонкам в соответствии с классици-

цирующим признаком. Например, в один столбец могут входить слова перед анализируемым прилагательным (*modifiers of...*), а в другой войдут существительные после прилагательного (*nouns modified by...*) и т. д. Безусловно, данные сведения полезны для лингвистического анализа. В свою очередь в программе *AntConc* есть функция, выполняющая такую же задачу, но имеющая другое название, а именно *collocates*, в рамках которой представляется общий список коллокаций. Возможно установление минимальной частотности встречаемости слов при работе с данной функцией. Со словом *camera* были зафиксированы следующие наименования: *handheld camera, virtual camera, crane-mounted camera, pocket cinema camera, compact camera, dollying camera, multiple camera, dual camera* и т. д. (*AntConc*).

На основе работы с функциями *word sketch* и *collocates* можно сделать вывод, что терминология киноиндустрии заметно расширяется, в том числе за счёт вхождения разнообразных терминов для наименования светового освещения, что указывает на расширение технического оснащения в кинематографе. Например, при работе со *Sketch Engine* были выявлены словосочетания: *ambient light, main light, overhead light, white light, hard light, soft light, practical light* и т. д. (*Sketch Engine*). Как правило, перед существительным *light* в данных случаях используется прилагательное. Интересным представляется следующий пример. Прилагательное *legendary* часто сопровождается существительными, обозначающими профессии: *cinematographer, director, stunt coordinator, production designer* (*Sketch Engine*). Таким образом, опция *word sketch* в *Sketch Engine* позволяет распределять результаты по столбцам на основе классифицирующего признака, а в *AntConc* инструмент *collocates* предлагает общий список устойчивых выражений. В программе *WordSmith Tools* функция *word sketch* или *collocates* отсутствует.

В современных корпусах доступно получение списков словосочетаний (*N-grams*), которые В. Ченг называет *clusters, bundles, chunks* (Cheng 2012: 72). Т. В. Толстова определяет N-граммы как «непрерывные последовательности элементов (количество элементов обозначается буквой N), встречающиеся в тексте или корпусе» (Толстова 2018: 138).

На платформе *Sketch Engine* пользователь может установить желаемое количество элементов, входящих в словосочетание (от 2 до 6) при работе с функцией *N-grams*. В свою очередь в программе *AntConc* такая же функция позволяет выбрать минимальное и максимальное количество элементов, причём максимальное количество является неограниченным. Таким образом, *AntConc* (в сравнении со *Sketch Engine*) не ставит ограничений перед пользователями. Подчеркнём, что в *WordSmith Tools* данная

функция отсутствует. При работе с функцией *N-grams* в *Sketch Engine* было установлено ограничение в 4 слова и были зафиксированы выражения, включающие превосходную степень, например, *The world's most trusted* (134), *one of the most* (58) (*Sketch Engine*). Превосходная степень характерна для кинодискурса и используется для привлечения внимания к киноиндустрии (в данном случае — читателей журналов).

При описании функциональности корпусных инструментов особое внимание следует уделить их антропоцентричному характеру. Платформа *Sketch Engine* предлагает наибольший выбор в способах представления данных (среди рассматриваемых корпусных программ) в рамках опций *change view options*, *view options* и т. д. Например, по желанию пользователя данные могут быть представлены в одной или нескольких колонках, визуализация может осуществляться с помощью разных графических средств и т. д.

4. Выводы

В программах *Sketch Engine* и *AntConc* представлены функции *concordance*, *word list*, *collocations + word sketch*, *N-grams*, *key words*. В *WordSmith Tools* представлены только *concordance*, *word list* и *key words*. Корпусные инструменты помогают успешно обрабатывать, упорядочивать и систематизировать информацию. Так, они позволяют анализировать поведение слова в контексте, устанавливать частотность определённых слов в корпусе, выявлять особенности их грамматического или коллокационного поведения, получать списки словосочетаний и часто встречаемых слов в корпусе в сравнении со справочным корпусом, который является более масштабным и, следовательно, репрезентативным.

Сравнив функционал программ *AntConc*, *WordSmith Tools* и *Sketch Engine* на примере работы с корпусом кинодискурса, приходим к выводу, что, несмотря на наличие в разных программах функций, выполняющих одинаковое назначение, существует определённая специфика, связанная с их техническими возможностями и способами представления данных.

Результаты сравнения инструментов позволяют выбирать наиболее оптимальные из них при анализе кинодискурса. Так, для получения «ключевых слов» использовалась платформа *Sketch Engine*, предлагающая встроенный репрезентативный справочный корпус. При выявлении прилагательных, согласующихся с существительным, целесообразнее обратиться к функции *word sketch*, которая систематизирует результаты по колонкам в зависимости от классифицирующего признака и которая представлена также в *Sketch Engine*. При формировании списка слов, содержащего определённые элементы, подходит функция *word list* в *Sketch Engine*. При поис-

ке словосочетаний, содержащих более 6 слов, рекомендуется использовать опцию *N-grams* в *AntConc*. Работа с контекстом в рамках инструмента *concordance* может осуществляться при помощи любой из рассмотренных программ. Кроме того, было установлено, что платформа *Sketch Engine* представляет собой не только источник, позволяющий работать с корпусными инструментами, но и ресурс, дающий выбор способа представления данных, что удовлетворяет потребности современного пользователя.

При корпусном анализе материала стало возможным выявить некоторые особенности кинодискурса, а именно: установить значение многозначной лексической единицы, исходя из контекста, клише, наиболее частотные глаголы, устойчивые выражения, словосочетания с превосходной степенью, наименования для кинопрофессий, камер, светового освещения, а также однокоренные слова и наиболее характерные слова для англоязычного кинодискурса. Полученные результаты могут использоваться при обновлении специализированных словарей и глоссариев по кинематографу.

Безусловно, для объективного и всестороннего рассмотрения предметной области «киноиндустрия» (с лингвистической точки зрения) необходимо, на наш взгляд, совместное использование различных корпусных программ и опций в рамках нескольких исследований.

Список литературы / References

- Абдуллаев Р. Ф.* Модальные частицы в речи мужчин и женщин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 9–10 (104). С. 161–166. [Abdullaev, Rojal F. (2015) Modal'nye chasticy v rechi muzhchin i zhenshhin (Modal Particles in Speech of Men and Women). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 9–10 (104), 161–166. (In Russian)].
- Басинская М. В.* Корпусный анализ семантики синонимов (на материале английских прилагательных) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 6 (822). С. 66–78. [Basinskaja, Marija V. (2019) Korpusnyj analiz semantiki sinonimov (na materiale anglijskih prilagatel'nyh) (Corpus-based Analysis of Synonyms (a Case Study of English Adjectives)). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6 (822), 66–78. (In Russian)].
- Горина О. Г.* Применение методов корпусной лингвистики для определения контекстно-специфических слов и коллокаций // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 3. Т. 7. С. 27–36. [Gorina, Olga G. (2011) Primenenie metodov korpusnoj lingvistiki dlja opredelenija kontekstnospecificeskikh slov i kollokacij (Implementation of Corpus Linguistic Techniques to Identify a Text or Genre-specific Key Words and Collocations). *Pushkin Leningrad State University Journal*, 3, v. 7, 27–36. (In Russian)].
- Гросс М. А.* Автоматизированное выделение терминологии из текстов договоров на английском языке при помощи средств корпусной лингвистики // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2017. № 1. С. 33–36.

- [Gross, Milena A. (2017) Avtomatizirovannoe vydelenie terminologii iz tekstov dogovorov na anglijskom jazyke pri pomoshhi sredstv korpusnoj lingvistiki (Automated Selection of English Contract Terminology by Means of Corpus Linguistics). *Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity"*, 1, 33–36. (In Russian)].
- Захаров В. П. Корпусная лингвистика: Учебно-методическое пособие. СПб: СПб. гос. ун-т, 2005. [Zaharov, Viktor P. (2005) *Korpusnaja lingvistika: Uchebno-metodicheskoe posobie*. (Corpus Linguistics: Textbook). Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Ковязина М. А., Ильющеня Т. А., Хабибуллина С. Б. Средства выражения отрицательной оценки при описании санкционной политики западных стран в отношении России и российских ответных санкций в текстах британских сетевых СМИ: корпусное исследование // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 61–67. [Kovjazina, Marina A., Il'jushhenja, Tat'jana A. & Habibullina, Sajda B. (2018) Sredstva vyrazhenija otricatel'noj ocenki pri opisanii sankcionnoj politiki zapadnyh stran v otnoshenii Rossii i rossijskih otvetnyh sankcij v tekstah britanskih setevykh SMI: korpusnoe issledovanie (Negative Evaluative Language in Description of Anti-Russian Sanctions Policy and of Russian Counter-sanctions in British Online Media Discourse: a Corpus Research). *Political Linguistics*, 2 (68), 61–67. (In Russian)].
- Павельева Т. Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов текстов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Вып. 3–4 (155–156). Т. 21. С. 56–61. [Pavel'eva, Tat'jana Y. (2016) Izuchenie kollokacij na osnove lingvisticheskikh korpusov tekstov (Collocations Study Based on the Text Corpora). *Tambov University Review. Series: Humanities*, 3–4 (155–156), v. 21, 56–61. (In Russian)]. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-3/4(155/156)-56-61.
- Павловская И. Ю., Горина О. Г. Корпусно-когнитивные методы изучения лексической стороны речи на иностранном языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 1 (76). С. 132–138. [Pavlovskaja, Irina Y. & Gorina, Ol'ga G. (2017) Korpusno-kognitivnye metody izuchenija leksicheskoj storony rechi na inostrannom jazyke (Corpus-based Cognitive Oriented Methods of Lexical Analysis in Foreign Language Studies). *Cherepovets State University Bulletin*, 1 (76), 132–138. (In Russian)]. DOI: 10.23859/1994-0637-2017-1-76-19.
- Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20. [Plungjan, Vladimir A. (2008) Korpus kak instrument i kak ideologija: o nekotoryh urokah sovremennoj korpusnoj lingvistiki (Corpus as a Tool and as an Ideology: about some Lessons of Modern Corpus Linguistics). *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (16), 7–20. (In Russian)].
- Солопова О. А., Валиева Г. Р., Ворошилова М. Б. Корпусное исследование метафор со сферой-мишенью «Россия» (на материале современного американского дискурса) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика, 2017. № 2. Т. 14. С. 37–43. [Solopova, Ol'ga A., Valieva, Gul'naz R. & Voroshilova, Marija B. (2017) Korpusnoe issledovanie metafor so sferoj-mishen'ju «Rossija» (na materiale sovremennogo amerikanskogo diskursa) (Corpus Analysis of Metaphors with the Target Domain «Russia» (Based on the Material of Modern American Discourse). *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 2, v. 14, 37–43. (In Russian)]. DOI: 10.14529/ling170205.

- Толстова Т. В. Жанр и корпус: современные подходы к изучению и преподаванию языка. Самара: Издательство Самарского университета, 2018. [Tolstova, Tat'jana V. (2018) *Zhanr i korpus: sovremennye podhody k izucheniju i prepodavaniju jazyka* (Genre and Corpus: Modern Approaches to the Study and Teaching of the Language). Samara: Izatel'stvo Samarskogo universiteta. (In Russian)].
- Хохлова М. В. Лексико-синтаксические шаблоны как инструмент выявления специальной лексики предметной области [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной международной конференции «Диалог». 2012. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1392/хохловамв.pdf> (дата обращения 31.08.2020). [Hohlova, Marija B. (2012) *Leksiko-sintaksicheskie shablony kak instrument vyjavlenija special'noj leksiki predmetnoj oblasti* (Lexico-syntactic Patterns as a Tool for Extracting Lexis of a Specialized Knowledge Domain). *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: materialy ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»* (Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the Annual International Conference “Dialogue”) Retrieved from <http://www.dialog-21.ru/media/1392/хохловамв.pdf> (In Russian)].
- Шамова Н. А. Корпусные технологии при анализе кинодискурса (на материале авторского электронного корпуса кино) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. № 4. Т. 2 (68). С. 109–115. [Shamova, Nadezhda A. (2016) *Korpusnye tehnologii pri analize kinodiskursa (na materiale avtorskogo jelektronnogo korpusa kino)* (Corpus Technologies in the Cinema Discourse Analysis (Based on the Author's Corpus). *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 4, v. 2 (68), 109–115. (In Russian)].
- Шамова Н. А. Особенности словообразования в сфере терминологии современного английского кинодискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 4. Т. 5. С. 152–162. [Shamova, Nadezhda A. (2019) *Osobennosti slovoobrazovanija v sfere terminologii sovremennogo anglijskogo kinodiskursa* (Word Formation Patterns in Contemporary English Cinema Discourse Terminology). *Theoretical and Applied Linguistics*, 4, v. 5, 152–162. (In Russian)]. DOI: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_152_162.
- Baker, Paul. (2006) *Using Corpora in Discourse Analysis*. London: Continuum.
- Biber, Douglas, Conrad, Susan, Reppen, Randi. (1998) *Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Busso, Lucia, Vignozzi, Gianmarco. (2017) Gender Stereotypes in Film Language: a Corpus-Assisted Analysis. In Basili, Roberto, Nissim, Malvina, & Satta, Giorgio. (eds.) *Proceedings of the Fourth Italian Conference on Computational Linguistics CLIC-IT 2017*, 11–12 December 2017, Rome, 71–76. Retrieved from <http://ceur-ws.org/Vol-2006/paper017.pdf> doi: 10.4000/BOOKS.AACCADEMIA.2367.
- Cheng, Winnie (2012). *Exploring Corpus Linguistics: Language in Action*. Routledge.
- Hu, Chunyu, Yang, Bei. (2015) Using Sketch Engine to Investigate Synonymous Verbs. In Zhou, Peng. (eds.) *International Journal of English Linguistics*, 4, 5, 29–41. DOI: 10.5539/ijel.v5n4p29.
- Kilgarriff, Adam, Rychly, Pavel, Smrz, Pavel, Tugwell, David. (2004) The Sketch Engine. In Williams, Geoffrey, Vessier, Sandra. (eds.) *Proceedings of Euralex*, 6-10 July 2004, Lorient, France, 105–115. Retrieved from

https://euralex.org/elx_proceedings/Euralex2004/011_2004_V1_Adam%20KILGARRIFF,%20Pavel%20RYCHLY,%20Pavel%20SMRZ,%20David%20TUGWELL_The%20%20Sketch%20Engine.pdf.

O'Halloran, Kieran A. (2009) Inferencing and Cultural Reproduction: a Corpus-based Critical Discourse Analysis. In Sarangi, Srikant. (eds.), *Text and Talk*, 1, 29, 21–52. DOI: 10.1515/TEXT.2009.002.

Skorczynska, Hanna, Carrió-Pastor, María Luisa. (2015) Variation in General Meaning Keywords in Press Releases from British and Spanish Companies: Gaining Deeper Insights into Corporate Discourse. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 198, 451–458. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.07.465.

Stubbs, Michael. (2001) Words and Phrases: Corpus Studies of Lexical Semantics. *Blackwell*.

Teubert, Wolfgang. (2001) Corpus Linguistics and Lexicography. In Mahlberg, Michaela (eds.) *International Journal of Corpus Linguistics*, 3, 6, 125–153. DOI: 10.1075/ijcl.6.3.11teu.

Toriida, Marie-Claude. (2016) Steps for Creating a Specialized Corpus and Developing an Annotated Frequency-Based Vocabulary List. In Rossiter, Marian. (eds.) *TESL CANADA JOURNAL*, 1, 34, 87–105. Retrieved from <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1145032.pdf>. DOI: 1018806/tesl.v34i1.1255.

Источники языкового материала / Language material resources

AntConc (2020, September 01). Retrieved from <https://laurenceanthony.net/software/antconc>.

Sketch Engine (2020, September 01). Retrieved from <https://www.sketchengine.eu>.

WordSmith Tools (2020, September 01). Retrieved from <https://lexically.net/wordsmith/>.

УДК 81'42

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-96-111

МЕТАФОРА КАК БАЗОВЫЙ КОМПОНЕТ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА

М. В. Шатских

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

В статье рассматривается эмоциональное пространство текстового фрагмента и способы его вербализации. Отмечается, что эмоции играют огромную роль в сфере политики и идеологии, так как именно в этой области наиболее ярко могут и должны проявляться эмоции и переживания современного поколения, касающиеся и того, что сейчас происходит в реальности, и того, что ждёт человечество в будущем. Основная цель статьи заключается в выявлении особенностей метафорического представления реальности. Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования: описательный метод, метод контекстного анализа и классификационный метод. Методологической базой статьи послужили исследования П. К. Анохина, Я. Рейковского, В. И. Шаховского и др. Теоретическая значимость заключается в том, что на основе синтеза двух аспектов — лингвистического и эмоционального — исследованы и представлены механизмы и закономерности метафоры как наиболее яркого языкового средства. Подчёркивается, что в письменной газетной коммуникации специфическими особенностями эмоциональной речи считаются изменения в архитектурном построении высказываний, различного рода повторы, эллиптические конструкции, искажение порядка слов, появление междометий, так называемых слов-паразитов, нарушение смысловой целостности, различного рода синтаксические конструкции с чужой речью и др. Замечено, что главным показателем эмоциональности в письменном текстовом материале являются, прежде всего, лексические единицы, представляющие собой основные показатели эмоционального отношения автора к представляемому. Рассмотрена метафора как первое языковое средство, которое отражает авторское восприятие (эмоцию) описываемого. Представлены возможные группы образных метафор. Практические результаты исследования могут найти применение в рамках курсов по теории языка, лингвистическому анализу текста, лексикологии.

Ключевые слова: эмоция; метафора; текст; событие; коммуникация; политический дискурс.

Metaphor as a Basic Component of the Emotional Space of Texts

Marina V. Shatskikh

Kuban State University, Krasnodar, Russia

The article discusses the emotional space of a text fragment and ways of its verbalization. Emotions play a huge role in politics and ideology, since it is in this area that emotions and feelings of the modern generation can and should most clearly manifest themselves, in regard to both what is happening now and what awaits humanity in the future. The main purpose of

the article is to identify the features of metaphorical representation of reality. Using the descriptive method as well as the methods of classification and context analysis and leaning on the work done by P. K. Anokhin, Y. Reykovsky, V. I. Shakhovsky and others, the author analyzes mechanisms and patterns of the metaphor at the intersection of the linguistic and emotional aspects and presents it as the most expressive language means. Among features of emotional speech specific for newswriting there are such patterns as changes in the architectonic structure of utterances, various repetitions, elliptical constructions, interjections and filler words, distortion of word order, violation of semantic integrity, various kinds of syntactic constructions with quoted speech, etc. However, the main indicators of emotionality in written texts are words that represent key characteristics of the writer's emotional attitude to her subject matter, and metaphors remain the primary tool that reflect the writer's perception of and emotions towards what she describes. The article presents possible groups of sensory metaphors and thus provides additional theoretical and practical material for courses in the theory of language, linguistic analysis of the text, and lexicology.

Key words: emotion; metaphor; text; event; communication; political discourse.

1. Введение

Новая антропоцентрическая парадигма в языкознании возвратила человеку статус меры всех вещей и обусловила размытие границ между наукой о языке и другими областями знаний. Именно благодаря этому сегодня возможно говорить о философском, политическом, социологическом и других аспектах в изучении языка. Интерес к политической коммуникации также стал одним из символов данной парадигмы.

Предметом пристального изучения политический дискурс стал во второй половине XX века, с появлением первых работ, посвященных политической лингвистике. Примечательно, что чем более демократичной и открытой была жизнь общества, тем большее внимание уделялось именно сфере политической коммуникации.

Одной из важнейших характеристик политического дискурса является интенциональность (или наличие цели). Политическому дискурсу свойственно наличие интенции — его целью является осуществление успешной борьбы за власть и поддержание репутации политика (Романов 2002). Главная функция политического дискурса — побудительная, которая выражается в желании получить власть. Именно поэтому политический дискурс так богат различными языковыми элементами. Политическая лексика — это область, постоянно подверженная изменениям (Карасик 1998). Согласно А. П. Чудинову, данные изменения «обусловлены стремлением политических сил подчеркнуть новизну политической системы или своих взглядов и убеждений» (Чудинов 2012: 94). Лексическая составляющая политического дискурса в первую очередь богата метафорами и метафорическими конструкциями.

2. Характеристика материалов и методов исследования

Основным материалом исследования являются тексты в основном политического характера на английском языке, опубликованные в британских печатных изданиях в 2016–2020 гг. Исследование выполнено в соответствии с теоретическими положениями и принципами анализа содержательной структуры текстового пространства, с подключением описательного метода, метода контекстного анализа и классификационного метода.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Языковое пространство любого информационно-содержательного материала характеризуется использованием аффективных языковых средств, что связано с желанием автора текста оказать эмоционально-оценочное воздействие на читателя. Именно использование переносного значения той или иной лексической единицы является специфической чертой языка как художественной литературы, так и политического газетного текста. Метафора обладает сложной семантической структурой, коннотативное значение которой включает экспрессивный, эмоциональный и оценочный компоненты. Метафора (*metaphora* греч. — «перенос») является одним из языковых средств (механизмов), смысл которого заключается в использовании слова, обозначающего предмет, класс предметов, явление для дачи характеристики другому предмету, классу предметов или явлению путем установления между первым и вторым общих (схожих) черт (Баранов, Караулов 1994). Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю понятие метафоры может быть применимо для характеристики случаев, когда любое слово употребляется в значении, отличном от его прямого (Лингвистический энциклопедический... 1990). Семантически главной характеристикой метафоры является ее двойственность, то есть прямое значение слова и его метафорическое содержание, что позволяет трактовать такое слово или выражение, учитывая его внешнюю оболочку и внутреннее содержание (Будаев, Чудинов 2008; Бейсенбаев 2019).

Основными характеристиками метафоры являются:

- асимметрия обозначаемого и означающего;
- несоразмерность и несоответствие;
- преувеличение (гиперболичность);
- прототипичность (Мартынова 2008).

Существуют различные виды метафор: индикативная (указательная), познавательная (когнитивная), экспрессивно-образная (поэтическая), языковая и экспрессивно-оценочная (Анисимова 2006).

Поскольку главная цель политического дискурса — завладеть и управлять вниманием слушателей, можно утверждать, что экспрессивно-

образная метафора будет наиболее эффективной для достижения данной цели, так как:

- она обращена к воображению слушателей, а не к их знаниям, то есть к чувствам, а не разуму;
- она использует кратчайший путь к сути обсуждаемого объекта или явления, что позволяет сконцентрироваться на нужных говорящему позициях, опуская при этом ненужные детали;
- она допускает множество интерпретаций, что позволяет одновременно завладеть вниманием различных слушателей;
- предтечей предыдущей цели является слияние в экспрессивно-образной метафоре образа и смысла (Безценная 2007).

Но возникает вопрос: как с точки зрения когнитивистики метафора сменяет свою категорию? Метафора является комплексным явлением, если рассматривать ее через призму когнитивистики. Метафора содержит в себе два смысловых комплекса, первый из них — это содержание источника (фокус), а второй — оболочка цели (фрейм) (Нуретдинова 2011).

Если проанализировать механизм образования метафоры, то можно заметить, что он напоминает процесс мышления, который проводит аналогии между предметами. Метафора представляется как «семантический сдвиг на уровне смысла» (Балмагамбетова, Ескараева 2019). В данном процессе можно выделить три последовательных этапа:

- сначала подбирается наиболее подходящий аналог;
- затем информация или ее часть переходит из поля источника в поле цели;
- появляются побочные эффекты, являющиеся прямым следствием подборки аналога (Баранов 2014: 186).

Практически любое событие, любой факт или явление вызывает эмоции. Практически любой поступок человека пробуждает то или иное ощущение, настроение, эмоцию (Gibbs 2008). П. К. Анохин отмечал, эмоции — это «физиологические состояния организма, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствований и переживаний человека — от глубоко травмирующих страданий до высоких форм радости и социального жизнеощущения» (Анохин 1964: 339). Сегодня эмоции играют огромную роль в сфере политики и идеологии, так как именно в этой области наиболее ярко могут и должны проявляться эмоции и переживания современного поколения, касающиеся того, что происходит в реальности, и того, что ждёт человечество в будущем (Musolff 2004).

Практически в любом высказывании содержится эмотивный аспект, поскольку даже сообщение о каком-то факте, происшествии обязательно

затрагивает психический план, коммуникатор (сообщающий) не может оставаться полностью равнодушным и представлять информацию как робот, без каких-либо эмоций, так как человек постоянно рефлексировывает, пропускает сказанное через себя (Kövecses 2005). В свою очередь реципиент тоже определенным образом реагирует на сказанное, независимо от того, заинтересовало его данное сообщение или нет, он уже не равнодушен, даже если сказанное ему совершенно безразлично, в мозгу человека происходит психическая реакция, он может думать о том, что стоит за этой информацией, к чему может привести то или иное, даже, на первый взгляд, ординарное событие, или же, что меня это совершенно не волнует, мне это совершенно не интересно, что уже свидетельствует о его сопричастности, внимании, определенном отношении к высказыванию и эмоциональной вовлеченности.

Согласно Я. Рейковскому, существует три уровня эмоциональной интенсивности: умеренный, высокий и максимальный, каждый из которых по-своему влияет на построение речи (Рейковский 1979).

Вербальное выражение эмоций всегда субъективно, так как их носителем является человек. Эмоции неотделимы от ситуации. В каждой отдельно взятой ситуации человек испытывает различные эмоции и, следовательно, средства их выражения тоже будут разными (Кураш 2019).

Эмоции обязательно присутствуют при всех мыслительных действиях человека, поскольку они являются его неотделимой частью, и мы не можем просто «отключить» все эмоции и действовать только по велению разума.

Таким образом, эмоции являются причиной употребления различных пластов лексики, разнообразных средств выражения, так как они выводят человека из состояния равновесия, провоцируя на употребление сильных выражений, способных передать всю бурю чувств, не дающих покоя. В момент эмоционального напряжения чувства человека обостряются, требуют выхода наружу, выплеска, и это ведет к появлению в речи различных элементов, в том числе и определённой лексики, для выражения тех или иных переживаний и состояний (Gibbs, Tendahl 2006).

В политической газетной коммуникации первым языковым средством, которое отражает авторское восприятие (эмоцию) описываемого, является метафора.

Рецепция метафоры представляет собой сложный процесс, состоящий из нескольких этапов. Сначала устанавливается буквальное значение метафоры, которое затем сопоставляется с контекстом, в котором данная метафора использовалась. На заключительном этапе устанавливается то имплицитное значение метафоры, которое послужит

связующим звеном между прямым её значением и изначальным контекстом (Баранов 2014: 142). Метафора представляет собой оптимальный пример когнитивного процесса, в котором использование ассоциации и сопоставления осуществляется для переноса знаний из одной содержательной сферы в другую. Метафора довольно частотна в политической коммуникации ввиду её сильной эмоциональной насыщенности. Критика, призыв, ультиматум, протест — все это в политическом дискурсе можно выразить, прибегнув к метафоре. Более того, в политике использование метафор предпочтительнее открытых фраз ввиду упомянутой двусмысленности метафор, что придает политическим высказываниям определенную гибкость (Анисимова 2006).

Метафоризация в политической газетной коммуникации может вести как к изменению онтологического статуса знания, к примеру, неизвестная ранее информация становится известной, так и к тому, что ранее известные и привычные сведения приобретают новые, прежде немислимые значения (Арутюнова 1999). Необходимо отметить, что при образовании метафоры в основе переноса значения может лежать лексическая единица практически из любой сферы человеческой деятельности, что позволяет разделить политические метафоры, то есть метафоры, используемые в газетной коммуникации при представлении того или иного события или явления политической направленности, на различные тематические группы: экономические, медицинские, военные, строительные, технические и др.

Широко известна классификация Н. Д. Арутюновой, в которой предлагается 4 типа метафор: номинативная (предикативная), которая называет предметы (*раковая опухоль коррупции*); образная (*потопить финансовую систему*); когнитивная, которая касается признаков слов (*президентская гонка*) и связана с полисемией; генерализирующая, которая является конечным результатом когнитивной метафоры (*черная неблагодарность*) (Арутюнова 1999: 336).

Анализ статей из англоязычных газет *The Guardian*, *The New Yorker* и *Vox* показал, что чаще всего авторами используется образная метафора (23 примера), на втором месте — когнитивная метафора (18 примеров), а на третьем — генерализирующая метафора (10 примеров).

В данной статье рассматриваются различные виды образной метафоры в политическом тексте, объединенные в тематические группы в соответствии с их референтными областями (космос, архитектура, медицина, война, стихийные природные явления и т. д.). На наш взгляд, именно они обладают наибольшей воздействующей силой на читателя. Этот факт объясняется тем, что благодаря метафоре политические события представлены на фоне таких широко известных явлений, которые испокон

веков вызывали и вызывают сейчас сильные (порой запредельные) эмоции в сознании каждого человека. Реципиенты политического текста как бы мысленно накладывают описываемые события на фоновые знания о других более масштабных явлениях, которым всегда сопутствует чувство боли, ужаса, грандиозности происходящего и т. д. В результате те же чувства воскрешаются в сознании реципиента при восприятии метафоризируемых политических событий.

При всем многообразии человеческих эмоций (от чувства восторга до ощущения ужаса) полемический характер политического текста имеет, скорее, критическую направленность, поэтому ориентируется на референтные события, вызывающие отрицательные эмоциональные состояния. Результаты анализа политических статей на различные темы позволяют утверждать, что наиболее частотными оказываются метафоры из таких областей, как медицина, война, хозяйственная деятельность или традиционные занятия человека, стихийные природные явления и т. д. (Lakoff, Johnson 2003).

Рассмотрим более подробно каждую группу политических метафор.

Медицинские метафоры разнообразны по своему характеру, но всегда дают отсылку на широко известные врачебные процедуры или явления.

Говоря о потенциальном новом референдуме, «Гардиан» пишет: *another vote, another national bloodletting* (The Guardian) / «еще одно голосование, еще одно кровопускание». Здесь процесс голосования сравнивается с довольно болезненной медицинской процедурой кровопускания, которая раньше широко практиковалась в медицине, но давала только временное облегчение или вообще не приносила никакой пользы больному. Через эту метафорическую отсылку читатель ощущает, что политическое событие — голосование — проходит в Великобритании небезболезненно для граждан, поскольку тема Брэксита стала чрезвычайно острой, однако, по мнению автора, в действительности голосование мало повлияло на политику государства. Благодаря метафоре параллель между медицинской процедурой и политической ситуацией становится совершенно очевидной.

В статье *The Great Crime Decline* («Значительное снижение преступности») мы встречаем такое предложение: *An epidemic of violence was resolved without addressing what were thought to be its underlying disorders* (The New Yorker) / «С эпидемией насилия справились без обращения к скрывающимся за ними, как тогда считалось, беспорядками». Здесь насилие сравнивается с заразной болезнью, которая может принять характер эпидемии. В условиях современной санитарной обстановки в

мире метафорическое сравнение скорости распространения насилия в стране со скоростью распространения эпидемии вызывает особенно сильный эмоциональный отклик у читателей.

Медицинские метафоры могут иметь более сложный характер и опираться на дополнительные коннотативные или имплицитные знания читателя.

Другой пример такой образной медицинской метафоры можно встретить в статье *Raining on Trump's parade* («Дождь на параде Трампа»). О традиционном французском параде автор пишет: *In this sense, the parade is a celebration of Bonapartism, meant to immunize the Republic against Bonapartism* (The New Yorker) / «В этом смысле парад — это празднование, которое должно иммунизировать Республику от бонапартизма» — здесь автор сравнивает проведение парада с медицинской процедурой повышения иммунитета, призванной защитить организм от угрозы здоровью. Однако имплицитная семантика данной фразы, на наш взгляд, имеет более сложный характер: концептуальное значение существительного «празднование» воскрешает в памяти традиционно выработанный со времен Римской империи способ разрядки внутривластной напряженности в стране. «Хлеба и зрелищ!» — лозунг, который свидетельствует о безотказности этого способа урегулирования политической напряженности в стране. На этом семантическом фоне метафоричность глагола «иммунизировать» становится еще более очевидной.

В другом предложении этой статьи мы также видим образную метафору: *Today, in a tougher budgetary climate, Republicans must deliver bitter medicine along with the sugar (with more medicine to come as deficits spike)* (The New Yorker) / «Сегодня в более жестком бюджетном климате республиканцы должны подавать горькие лекарства вместе с сахаром (и лишь когда дефицит резко дает о себе знать, самого лекарства должно быть больше)». Здесь решения государства об экономическом регулировании (а конкретнее — об утверждении новых законов) сравниваются с решением врача, прописывающего больному лекарство, но, чтобы не вызвать отторжения, примешивая в лекарство сахар. Метафорическая игра на противопоставлении горького и сладкого позволяет читателю четче осознать политическую ситуацию в стране, воскрешая в памяти хорошо всем известные вкусовые ощущения. Стоит отметить, что данная метафора по своей семантике совпадает с русским фразеологизмом «подсластить горькую пилюлю».

Упоминание о жестком климате как о фоновом факторе, вызывающем необходимость медикаментозного лечения, усиливает основную метафору.

Политические метафоры, дающие отсылку на природные явления разного характера, в анализируемых текстах встречаются регулярно. Возможно, этот факт объясняется тем, что каждый человек испытал их воздействие на собственном опыте или знает о них из широко известных письменных источников (Musolff 2004).

В той же статье встречаем *...he had spread enough muck on the EU...* (The New Yorker) / «...он успел достаточно полить грязью ЕС...» — здесь критика Бориса Джонсона по отношению к Евросоюзу сравнивается с физическим действием — размазыванием грязи. Такая метафора вызывает эмоциональный отклик у читателя и заставляет его видеть политика в негативном свете.

В статье *Fear and abuse won't change Brexit minds* («Страх и насилие не изменит сознания поддерживающих Брэксит») используется образная метафора: *There is a cold wind of reality blowing through leave and remainer territory alike* (The Guardian) / «Холодный ветер реальности дует на территории как на тех, кто за отделение, так и на тех, кто против». Реальность (экономическая и социальная ситуация) сравнивается с холодным ветром, на который человек не имеет возможности повлиять. Тем самым автор доносит идею того, что Брэксит становится неконтролируемым процессом, способным навредить каждому.

Неоднократно встречаются метафоры, связанные с мощными, порой смертоносными потоками воды или защитой от них.

Рассмотрим еще один пример образной метафоры из этой статьи: *One explanation, perhaps the most important, is that they have built a formidable electoral floodwall* (The Guardian) / «Одно из объяснений [смелости республиканцев], и, возможно, самое важное, заключается в том, что они построили себе внушительную дамбу из избирателей». Здесь речь идет о том, что республиканская партия имеет сильные позиции в конгрессе, поэтому республиканцы могут позволить себе принимать непопулярные решения. Поддержку избирателей на выборах автор представляет в виде «дамбы», позволяющей партии оставаться на крепких позициях. Дамба как надежная защита между неконтролируемым потоком воды и спокойной обстановкой за ее пределами становится ярким эмоциональным образом.

В этой же статье встречаем предложение: *As the number of animators in the Academy steadily grew — and with it, the number of animators from outside the major studio system — more diverse films began to creep into the*

category. Then the floodgates opened (The Guardian) / «Вместе со стабильным ростом аниматоров в Академии — и одновременно числом аниматоров за пределами системы главных кассовых студий — самые разнообразные фильмы начинают проползать в эту категорию. А затем плотина прорвалась». Сравнивая количество анимационных фильмов с мощным потоком воды, прорвавшим «плотину», автор заставляет читателя почувствовать и мысленно пережить весь ужас наводнения, когда поток воды сносит все на своем пути.

Схожий пример метафоры с отсылкой к значительным объемам воды наблюдается в следующем примере. В статье *Why American doctors keep doing expensive procedures that don't work* («Почему американские доктора продолжают проводить дорогие процедуры, которые не работают») встречаем такую образную метафору в предложении: *The deep reservoir of trust in physicians gives doctors both the civic responsibility and the political opportunity to spearhead efforts to address the problems of both over- and under-use of treatments* (Vox) / «Глубокий резервуар доверия к терапевтам дает докторам как гражданскую ответственность, так и политическую возможность возглавить движение, которое пытается решить проблемы и недостаточного, и излишнего лечения больных». Здесь доверие к врачам сравнивается с глубоким «резервуаром», что подчеркивает степень уважения к ним и что призывает самих врачей начать действовать.

Традиционная метафора войны в разных ее проявлениях также характерна для политического текста.

В статье *Boris's Brexit arguments — an unholy mix of bald assertion and Wikipedia* («Аргументы Бориса Джонсона за Брэксит — жуткая смесь смелых утверждений и Википедии») используется военная метафора: *He flags a message of conciliation* (The Guardian) / «Он размахивает флагом примирения») — политик Борис Джонсон сравнивается с солдатом во время военных действий, поднимающим белый флаг. Образная военная метафора используется для подчеркивания остроты конфликта между партиями, триумфа и проигрыша одной из них.

В этой же статье встречаем: *Eventually, the war over Obamacare will end* (The Guardian) / «В конце концов, война за реформы здравоохранения Обамы закончится». Представление внутривнутриполитического конфликта как войны — это одна из наиболее используемых метафор в газетном дискурсе. Такой образ воздействует на читателя, заставляя его видеть политическую ситуацию в черно-белом цвете.

В политическом тексте метафора позволяет осознать новую или сиюминутную политическую ситуацию через ее сопоставление с хорошо известными фактами. На наш взгляд, это объясняет частое появление

метафор, воскрешающих в памяти различные виды бытовой, хозяйственной деятельности человека или его традиционных занятий и увлечений. Рассмотрим ряд примеров.

Так, в статье *This Valentine's day, time to let go of manufactured desire* («В этот день Святого Валентина пора проститься с промышленным производством желаний») общий ажиотаж вокруг «праздника любви» сравнивается с механической фабрикой, в которой не осталось места для настоящих чувств, зато присутствует широкий, порой всеохватывающий масштаб. Яркая метафора «промышленное производство желаний», объединяя крайне разнородные и далеко отстоящие в тезаурусном пространстве лексические единицы, вызывает особенно яркий эмоциональный отклик.

В этой же статье есть пример другой образной метафоры, опирающейся на факты бытового насилия: *Right after being pummeled into submission by incessant music that is piped into stores to manipulate feelings of unobtainable desire, we are subjected to Valentine's Day chocolates replacing Christmas items on store shelves* (The Guardian) / «Сразу после того, как, избив нас до полного подчинения, беспрестанно играющая музыка в магазинах пробудила в нас чувства невероятного желания, мы невольно обращаем внимание на шоколадки ко дню Святого Валентина, которые пришли на смену рождественским товарам». В данном случае музыка сравнивается с агрессивным действием с целью подчинения кого-то своей воле: через такое звуковое насилие покупателей заставляют приобретать ненужный им товар в большом количестве. Это довольно жесткие метафорические образы, обличающие людей, которые наживаются на подарках и услугах ко дню Святого Валентина. Через эмоциональное воздействие метафоры автор призывает читателя одуматься и не идти на поводу у недобросовестных коммерсантов.

Еще один пример образной метафоры можно увидеть в следующем предложении: *People want patriotism. If they are given only bad nationalism in its place, they will swallow that instead, and come to make it part of their diet* (The Guardian) / «Люди хотят патриотизма. Если вместо него дать им лишь второсортный национализм, они проглотят его и в конце концов сделают его частью своей диеты». Здесь идеология национализма сравнивается с плохой едой, которой политики пытаются «накормить» население своей страны. Метафора создается благодаря сочетанию слов «второсортный», «проглотит», «диета». Автор воздействует на читателя, призывая внимательно относиться к навязываемым идеям, идущим от власти.

В этой же статье автор использует развернутую образную метафору: *Almost the only ideological consistency that Trump and Trumpism have, after*

all, is the urge to troll liberals, and, the argument goes, liberals should not take the bait and allow themselves to be so trolled (The Guardian) / «Практически единственное идеологическое постоянство, которое наблюдается у Трампа и его соратников, — это желание ловить на удочку (в значении — провоцировать) либералов, и во время спора либералы не должны попадаться на приманку и позволять тянуть себя на берег». Сравнение политических споров с рыбалкой (противопоставление охотника и жертвы) снижает важность этих диспутов и заставляет читателя иронично смотреть на события в мире политики.

Другой пример образной метафоры мы находим в статье *It's a golden age for animated film. A new Oscar rule could end it* («Золотой век анимации. Новое правило Оскара может положить ему конец»). Рассмотрим предложение: *But even though the major Hollywood studios might rule the box office, each year the Oscar nominations go some ways toward balancing the scales by highlighting a diverse array of animation styles from around the world* (Vox) / «Но хотя крупные голливудские студии — это самые кассовые фильмы, среди номинантов Оскар для уравнивания весов каждый год появляется большое разнообразие разных стилей со всего мира». Здесь выбор, который делается Американской академией кинематографических искусств и наук, сравнивается с «уравниванием» на весах чего-либо. Таким образом, автор показывает, что выбор малоизвестных и некассовых фильмов производится не по художественным качествам, а по правилам приличия.

Рассуждения Джонсона описываются как *nonsense from his half-baked imagination* (The Guardian) / «вздор его полуиспеченного воображения» — здесь мысли политика сравниваются с тестом, что опять же направлено на создание образа глупого и самоуверенного человека.

Рассмотрим следующий пример: *Among the reasons to doubt Wolff's book, "Fire and Fury" — in addition to his assertion, in the author's note, that he doesn't know whether a lot of it is true — is the way that he explains the influence of women in Donald Trump's orbit the influence of women in Donald Trump's orbit* (The New Yorker) / «Среди причин, по которым можно сомневаться в правдивости книги Уольфа “Огонь и Ярость”, — помимо признания автора того, что он не знает, правда ли все, что он написал, — можно назвать то, как он объясняет влияние женщин с орбиты Дональда Трампа». В этой метафоре («орбита Дональда Трампа») подчеркивается величина фигуры президента США — автор сравнивает его с небесным телом (солнцем или планетой), вокруг которого постоянно крутятся спутники (спутницы в данном случае). Несмотря на пренебрежительное

отношение к фигуре политика, автор статьи все-таки признает масштаб его личности.

В статьях на политические темы можно встретить и более редкие метафоры, например, отсылка к фантастическим существам. В статье *The GOP is trying to pass a super-unpopular agenda — and that’s a bad sign for democracy* («Великая старая партия (республиканская) пытается провести супер-непопулярную программу — и это плохой знак для демократии») мы встречаем такое предложение: *Massively unpopular bills used to be unicorns. You didn’t see them (Vox)* / «Такие исключительно непопулярные законопроекты раньше были единорогами. Их никто не видел». Сравнивая непопулярные законопроекты с мифическим существом, авторы подчеркивают их редкость и удивление тому, что сейчас такой законопроект может пройти дальше.

Еще один достаточно редкий пример: в статье *Facebook, Donald Trump, and the myth of open platforms* («Фейсбук, Дональд Трамп и миф об открытых платформах») также встречается образная метафора. Так, в предложении *Algorithms and AI — the next stage in all this — wrap our biases and prejudices in a gleaming tower of math (Vox)* / «Алгоритмы и Искусственный Интеллект — следующая стадия всего этого — заворачивают всю нашу предвзятость вместе с предрассудками в сияющую башню математики». В данном примере сложные алгоритмы социальной платформы сравниваются с неким полотном, которое окутывает общественное мнение, что влияет на ту информацию, которую получает пользователь Сети. Образ «сияющей башни» вызывает ощущение чего-то величественного, отдаленного и недостижимого. Иными словами, автор дает почувствовать, что совершенные технологии лишь подчеркнут несовершенство людей — и если человек привык читать новости из сомнительных источников, то только такие источники и будут ему попадаться благодаря устоявшимся алгоритмам.

Итак, мы проанализировали 15 статей англоязычных журналов *The Guardian*, *The New Yorker* и *Vox* и обнаружили, что наиболее употребляемыми являются образные метафоры (по классификации Н. Д. Арутюновой). Их можно сгруппировать в разные группы: группу медицинских или биологических метафор, группу «природных метафор», группу «военных» метафор и др.

4. Заключение

В статьях встретились и другие образные метафоры, которые сложно объединить в одну группу. Однако в целом можно подвести итог и сказать, что образные метафоры — это мощный инструмент воздействия на

читателя, не потерявший свою актуальность в цифровую эпоху. Метафоры делают текст ярче и привлекают внимание читателя, они создают в сознании человека конкретные образы, помогающие быстрее и доходчивее объяснить читателю точку зрения автора, и наконец, метафоры вытесняют логические средства аргументации, приучая читателя верить суждениям, основанным на эмоциональном представлении ситуации.

Список литературы / References

- Анисимова А. А.* Роль метафоры в структуре политического дискурса // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.): труды и материалы в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. Т. 1. С. 42–44. [Anisimova, Aleksandra A. (2006) Rol' metafory v structure politicheskogo diskursa (The Role of Metaphor in the Structure of Political Discourse). *III Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniya: I. A. Boduen de Kurtene i sovremennyye problemy teoreticheskogo i prikladnogo yazykoznaniiya* (Kazan, 23–25 maya 2006 g.): trudy i materialy v 2 t. (III International Boduen Readings: Ivan A. Boduen de Kurtene and Modern Problems of Theoretical and Applied Linguistics (Kazan, 2006, May 23–25): works and proceedings in 2 volumes). Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1, 42–44. (In Russian)].
- Анохин П. К.* Эмоции // Большая медицинская энциклопедия. Т. 35. М.: Медгиз, 1964. С. 339–367. [Anokhin, Petr K. (1964) Emotsii (Emotions). *Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya* (Great Medical Encyclopedia). Moscow: Medgiz, vol. 35, 339–367. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека: языковая метафора (синтаксис и лексика). М.: Языки русской культуры. 1999. [Arutyunova, Nina D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka: yazykovaya metafora* (Human Language and World: Linguistic Metaphor (Syntax and Vocabulary)). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russian)].
- Балмагамбетова Ж. Т., Ескараева А. Е.* Когнитивный подход к исследованию метафоры // *Social Sciences: Achievements and Prospects Journal*. 2019. № 5 (13). С. 25–37. [Balmagambetova, Jeanne T. & Eskaraeva, Akerke E. (2019) Kognitivnyj podkhod k issledovaniyu metafory (A Cognitive Approach to the Study of Metaphor). *Social Sciences: Achievements and Prospects Journal*, 5 (13), 25–37. (In Russian)].
- Баранов А. Н.* Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Baranov, Anatoly N. (2014) *Deskriptornaya teoriya metafory* (Descriptor Theory of Metaphor). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian)].
- Безценная Ж. П.* Роль метафоры в политическом дискурсе [Электронный ресурс] // Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. 2007. № 36. URL: <http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-harkovskogo-natsionalnogo-avtomobilno-dorozhnogo-universiteta> (дата обращения 16.04.2020). [Beztsennaya, Jeanne P. (2007) (2020, April 16) Rol' metafory v politicheskom diskurse (Functions of Metaphor in Political Discourse). *Bulletin of the Kharkiv National Automobile and Highway University*, 36. Retrieved from <http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-harkovskogo-natsionalnogo-avtomobilno-dorozhnogo-universiteta>. (In Russian)].

- Бейсенбаев Р. М. Эволюция понимания метафоры в зарубежной и российской лингвистической науке // Эпомен. 2019. № 25. С. 305–311. [Beisenbaev, Ruslan M. (2019) *Evolyutsiya ponimaniya metafory v zarubezhnoy i rossiyskoy lingvisticheskoy nauke* (Evolution of Understanding Metaphor in Foreign and Russian Linguistic Science). *Epomen*, 25, 305–311. (In Russian)].
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации: монография. М.: Флинта: Наука, 2008. [Budaev, Edward V. & Chudinov, Anatoly P. (2008) *Metafora v politicheskoy kommunikatsii: monografiya* (Metaphor in Political Communication: Monograph). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–197. [Karasik, Vladimir I. (1998) *O kategoriyaх diskursa* (On the Categories of Discourse). *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty: sb. nauch. tr.* (Language Personality: Sociolinguistic and Emotive Aspects: Collection of Scientific Works). Volgograd: Peremena, 185–197. (In Russian)].
- Кураш С. Б. Феномен метафоры в русистике: от прошлого к будущему // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 171–183. [Kurash, Sergei B. (2019) *Fenomen metafory v rusistike: ot proshlogo k budushchemu* (The Phenomenon of Metaphor in Russian Studies: from the Past to the Future). *Russian Language Studies*, vol. 17, 2, 171–183. (In Russian)].
- Мартынова Ю. А. Метафора в современном политическом дискурсе // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. Социология. Политология. Вып. 1. С. 125–129. [Martynova, Yulia A. (2008) *Metafora v sovremennom politicheskom diskurse* (Metaphor in Modern Political Discourse). *Izvestiya of Saratov University*, vol. 8. Series: Sociology, Politology, 1, 125–129. (In Russian)].
- Нуретдинова А. Д. Функционирование концептуальных метафор в политическом дискурсе (сопоставительный аспект) // Язык и социум: материалы VIII Междунар. науч. конф., Минск, 3–4 декабря 2010 г. в 2 ч. Минск: БГУ, 2011. Ч. 2. С. 133–136. [Nuretdinova, Antonina D. (2011) *Funktsionirovanie kontseptual'nykh metaphor v politicheskom diskurse (sopostavitel'nyy aspekt)* (Functioning of Conceptual Metaphors in Political Discourse (Comparative Aspect). *Yazyk i sotsium: materialy VIII Mezhdunar. nauch. konf., Minsk, 3–4 dekabrya 2010 g. v 2 ch.* (Language and Community: Proceedings of VIII International Scientific Conference, Minsk, 2010, December 3–4, in 2 Parts). Minsk: BSU, 2, 133–136. (In Russian)].
- Рейковский Я. Эмоции и познание. М.: Прогресс, 1979. [Reikovskiy, Janusz. (1979) *Emotsii i poznanie* (Emotions and Cognition). Moscow: Progress. (In Belorussian)].
- Романов А. А. Политическая лингвистика: функциональный подход. М.: Тверь: ИЯ РАН, 2002. [Romanov, Alexey A. (2002) *Politicheskaya lingvistika: funtsional'nyj podkhod* (Political Linguistics: a Functional Approach). Moscow: Tver: IYa RAN. (In Russian)].
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. [Chudinov, Anatoly P. (2012) *Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. 4-e izd.* (Political Linguistics: a Textbook. 4th ed.). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- Gibbs, Raymond W., Tendahl Markus. (2006) Cognitive Effort and Effects in Metaphor Comprehension: Relevance Theory and Psycholinguistics. *Mind & Language*, 21 (3), 379–403.

- Kövecses, Zoltan. (2005) *Metaphor in Culture. Universality and Variation*. New York: Cambridge University Press.
- Lakoff, George, Johnson Mark. (2003) *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.
- Musolff, Andreas. (2004) *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe*. London: ed. by Palgrave Macmillan UK.
- Gibbs, Raymond W. (ed.) (2008) *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Santa Cruz: University of California.

Словари / Dictionaries

- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. [Baranov, Anatoly N. & Karaulov, Yuri N. (1994) *Slovar' russkikh politicheskikh metaphor* (Dictionary of Russian political metaphors). Moscow: Pomovskiy i partnery (In Russian)].
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. [Yartseva, Victoria N. (ch. ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

- Gopnik, Adam. (2018, February 5) The Great Crime Decline. *The New Yorker*. Retrieved from: <https://www.newyorker.com/magazine/2018/02/12/the-great-crime-decline>.
- Gopnik, Adam. (2018, February 7) Raining on Trump's Parade. *The New Yorker*. Retrieved from: <https://www.newyorker.com/news/daily-comment/raining-on-trumps-parade>.
- Jacob, S. Hacker & Pierson, Paul. (2017, December 7) The GOP Is Trying to Pass a Super-unpopular Agenda — and That's a Bad Sign for Democracy. *Vox*. Retrieved from: <https://www.vox.com/the-big-idea/2017/12/7/16745584/republican-agenda-unpopular-polls-tax-reform>.
- Klein, Ezra. (2018) Facebook, Donald Trump, and the Myth of Open Platforms. *Vox*. Retrieved from: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2018/2/15/17006188/facebook-donald-trump-russia-bots-fake-news>.
- Muir, Hugh. (2018, February 14) Fear and Abuse Won't Change Brexit Minds. *The Guardian*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/feb/14/fear-brexit-voted-despair>.
- Summers, Sam (2018, January 19) It's a Golden Age for Animated Film. A New Oscar Rule Could End It. *Vox*. Retrieved from: <https://www.vox.com/the-big-idea/2018/1/19/16909002/oscars-animation-nominations-pixar-independent-academy>.
- Thrasher, Steven W. (2018, February 14) This Valentine's Day, Time to Let Go of Manufactured Desire. *The Guardian*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/feb/14/valentines-day-manufactured-desire>.
- William, Zoe. (2018, February 14) Boris's Brexit Arguments — an Unholy Mix of Bald Assertion and Wikipedia. *The Guardian*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/feb/14/boris-johnson-brexit-arguments-an-unholy-mix-of-bald-assertion-and-wikipedia>.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 81'255.2:821.111-1(73)

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-112-122

ХРОНОЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ У. УИТМЕНА В СВЕТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

И. В. Пивень (Никитина)

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье представлен обзор переводческих проблем, с которыми неизбежно столкнется переводчик первой уитменовской версии «Песни о себе», которая пока в русской культуре не представлена. Сопоставительный анализ «Песни о себе» 1855 г., отличающейся богатой интонационной структурой, с авторизованным текстом 1881 г. позволяет сделать ряд примечательных выводов и натолкнуть на важные переводческие решения. С помощью выразительных пунктуационных приемов в первой версии Уитмен добивается драматического эффекта. Примечательно, что в авторизованном тексте поэт стремится упорядочить ритм и разнообразить звукопись, жертвуя стихийностью и непосредственностью первой версии.

Ключевые слова: Уолт Уитмен; «Листья травы»; «Песня о себе»; верлибр; интонационная структура; поэтический перевод.

Chronologically Defined Features of Walt Whitman's Poetic Technique in the Light of Translation Problems

Irina V. Piven (Nikitina)

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The paper provides an overview of inevitable problems facing the translator of the first version of Walt Whitman's "*Song of Myself*," which has neither been translated into Russian nor become part of the Russian culture yet. A comparative analysis of the 1855 original version characterized by a rich intonation structure with the 1881 authorized text of "*The Song of Myself*" allows for some remarkable conclusions and prompts promising translation solutions. In the original version Whitman achieves a dramatic effect with expressive punctuation. Interestingly, in the authorized text the poet is seeking to streamline the rhythm and diversify sound patterns, sacrificing the spontaneity and ingenuousness of the first version.

Key words: Walt Whitman; Leaves of Grass; "Song of Myself"; vers libre; intonation structure; poetic translation.

1. Введение

«Песня о себе» (*Song of Myself*) Уолта Уитмена по праву считается важнейшим звеном поэмы Уолта Уитмена «Листья травы» (*Leaves of Grass*). Стихотворение появилось в числе первых двенадцати стихотворений без названия в самом первом издании «Листьев травы» 1855 г. и сразу же получило признание читателей и критиков. В более поздних изданиях Уитмен вносил правки, в том числе озаглавил стихотворение. Во втором издании 1856 г. стихотворение получило название «Поэма Уолта Уитмена, американца» (*Poem of Walt Whitman, an American*), а затем было сокращено до «Уолт Уитмен» (*Walt Whitman*) для третьего издания 1860 г. В четвертом издании 1867 г. стихотворение было поделено на пятьдесят две главы, а в последнем издании 1892 г. получило окончательное название «Песня о себе» (Greenspan 2006). Несмотря на многочисленные исследования «Песни о себе», о первоначальной версии написано мало, особенно в России, а версия 1855 г. так и не была переведена на русский язык. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать оригинальную версию 1855 г., которая служит отличной иллюстрацией первоначального замысла Уитмена, дает представление о его трансценденталистском «я» и позволяет глубже проанализировать простой и понятный стиль Уитмена, проникнутый элементами имажизма и романтизма, который поэт предпочел стандартным стихотворным формам. Представленное рассуждение будет полезно как переводчикам, так и исследователям Уолта Уитмена и, вероятно, вызовет должный интерес к переосмыслению существующих подходов к переводу Уолта Уитмена на русский язык.

2. Материалы и методы исследования

Методика настоящего исследования основана на таком классическом методе изучения литературы, как компаративистика. Предметом исследования, с одной стороны, является «точка контакта» двух версий одного стихотворения, разделенных по времени (четверть века). Изучаются различия в этих текстах с учетом изменения их функций. С другой стороны, интерес представляет «точка контакта» последней версии стихотворения с существующим переводом. В результате представляется возможность оценки проблем, которые могут возникнуть при переводе первой версии «Песни о себе» 1855 г. на русский язык.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Нельзя проигнорировать вывод, к которому пришли авторитетные исследователи творчества Уолта Уитмена: первая версия «Песни о себе» 1855 г. (стоит отметить, что в издании 1855 г. стихотворение шло без на-

звания) предпочтительнее более известной версии 1881 г., закрепленной Уитменом в качестве окончательного авторизованного текста.

Следует обратить внимание на единодушие авторов в этом вопросе. Поэт-критик Малькольм Коули в предисловии к повторно опубликованному в 1959 г. изданию 1855 г. повторяет «простые истины»: «<...> в тексте первого издания представлен самый простой и ясный вариант “Песни о себе”, поскольку большинство внесенных позднее исправлений явились искажением стиля и имели своей целью лишь маскирование оригинального смысла» (Cowley 1959: x) (здесь и далее переводы выполнены автором статьи). Называя первое издание «погребенным шедевром американской литературы» (Cowley 1959: x), он отдает должное Р. У. Эмерсону, который восторженно встретил появление странной книги необычного формата с вызывающим фронтисписом (вместо имени автора — выгравированный дагерротип поэта в одной рубашке в небрежной, несколько театральной позе): «Я слегка протер глаза, чтобы убедиться, что ослепивший меня солнечный луч не иллюзия, однако единый сплывающий дух книги есть несомненный отрезвляющий факт» (Emerson 1991: 456).

Г. У. Аллен в свою очередь говорит об отходе автора «от необузданной спонтанности, стихийности изданий 1855 г. к более организованной, управляемой, жесткой структуре и тщательно продуманному символизму» (Allen 1970: 61).

С. Брэдли и Г. Блоджетт в предисловии к изданию *Leaves of Grass and Other Writings* пишут: «Стихотворения издания 1855 г. создают впечатление первого спонтанного выражения внезапной, ошеломляющей находки, повлиявшей на уитменовскую теорию о человеческой личности и природе всего сущего» (Bradley, Blodgett 2002: xlvii). Исследовав все варианты «Песни о себе», начиная с записных книжек 1847–1848 гг. и кончая изданием 1881 г., они заключают: «<...> поэт никогда не вносил фундаментальных изменений в это стихотворение, ограничиваясь, в основном, правкой лексики и ритма» (Bradley, Blodgett 2002: 26). Вполне определенно характер правки описал уже упомянутый выше Г. У. Аллен: «<...> уитменовские удачи в ритме и отход от эксцентричного стиля осуществлялись в ущерб энергии, жгучести и оригинальности первой версии» (Allen 1970: 47).

Напрашивается пояснение: спустя четверть века Уитмен пересмотрел роль этого стихотворения в поэме. Теперь оно должно представлять собой изображение в миниатюре всего разросшегося за это время текстового пространства «Листьев» и быть открытым ему (именно так следует расценивать и пропущенную Уитменом точку в конце авторизованного текста стихотворения), чтобы последнее не казалось хаосом поэтического

изобилия. О стремлении Уитмена к организованной структуре свидетельствуют третья и четвертая строфы первой главы стихотворения — восемь строк, отсутствующих в первой версии. Действительно, намерение *sing myself*, обозначенное как в названии стихотворения, так и во второй половине первой строки, потребовало от поэта логического развития в виде лирического отступления. Он позиционирует себя в пространстве и времени и заявляет, что начинает очень важную для себя песню (*creeds and schools in abeyance* [Whitman 2002: 26]) и надеется... *to cease not till death* (Whitman 2002: 26). Таким образом, характер правки объясняется уитменовским замыслом — окончательный текст «Песни о себе» должен хранить абсолютную шкалу ценностей или, используя выражение самого Уитмена, *scale of values* (Whitman 2002: 99). Такая установка потребовала от поэта уже определенной эмоциональной сдержанности. Ясно, например, что тема гражданской войны (1861–1865 гг.), оказавшая глубокое влияние на дальнейшую работу Уитмена над «Листьями», прозвучала бы диссонансом в стихотворении первой версии, однако в авторизованном тексте стихотворения она непременно была отражена:

(1) *Battles, the horrors of fratricidal war, the fever of doubtful news, the fitful events...* (Whitman 2002: 29)

Переводчик «Листьев травы» перво-наперво должен понять и принять: источником «великой силы, делающей нас (читателей первой версии — *И. П.*) счастливыми» (Emerson 1991: 456) явилось тогдашнее душевное состояние Уитмена, его эмоции, определившие эксцентричный стиль, непосредственность, живость, простоту и ясность изложения. Поэт ошеломлен своей внезапной находкой: *... physiology from top to toe <...> Life immense in passion, pulse, and power...* (Whitman 2002: 3). Он торопится выговориться — отсюда и необузданная спонтанность, и сплывающий дух, и полное доверие к читателю, получившие в тексте как графическое, так и синтаксическое воплощение.

Главы в первом издании (в отличие от последующих) не пронумерованы, т. е. тут откровенно исключается всякий намек на продуманное дробление текста — читателем он воспринимается как единое целое.

Каждая строфа (так условно будем называть сгруппированные строки) представляет собой законченное предложение, состоящее, как правило, из отдельных предложений (клауз, графически выделенных в отдельную строку), соединенных чаще всего запятыми, редко — точкой с запятой, вопросительным или восклицательным знаком. Таким образом, мы подходим к вопросу о совпадении стихораздельных пауз с сильными синтаксическими паузами (анжамбеманы в верлибре Уитмена отсутствуют). Такой стиховой строй не является случайным для поэта, рассчитывающего на глу-

бинную коммуникацию с читателем, — именно совпадение стиховой интонации с синтаксической способствует этому (Гаспаров, Скулачева 2005: 173, 176). М. Л. Гаспаров, анализируя ритм и синтаксис в свободном стихе, отмечает: «стиховая интонация ближайшим образом совпадает с синтаксической, если на каждом знаке препинания — стихораздел» (Гаспаров, Скулачева 2005: 176). В первой версии такому ближайшему совпадению соответствует более половины строк текста (~55 %).

Оценим интонационную структуру первой версии на фоне авторизованной. Есть все основания полагать, что в первой версии Уитмен часто намеренно обостряет синтаксическое ощущение стихоразделов. Так, с целью подчеркнуть целостность и неразрывность строки он использует повтор союза *and*, строка тогда читается без пауз, а на стихоразделе — сильная синтаксическая пауза:

(2) *I find I incorporate gneiss and coal and long-threaded moss and fruits and grains and esculent roots* (Whitman 2002: 686)

(3) *At musters and beach-parties and friendly bees and husking and house-raising* (Whitman 2002: 689)

(4) *Buying drafts of Osiris and Isis and Belus and Brahma and Adonai* (Whitman 2002: 699) и т. д.

Здесь пунктуация (точнее ее отсутствие) не соответствует нормативному употреблению — повтор в английском языке (как и в русском) предпочтительно отделять запятыми. В авторизованном тексте повторяющийся союз *and* в соответствующих строках заменен на запятое, что означает интонационное членение внутри строки и ослабление синтаксической паузы на стихоразделе. Замедленное движение стиха в результате такой правки лишает его живости, непосредственности в восприятии.

Переводчику, чтобы передать интонационную структуру оригинала, необходимо передать и многократно повторяющийся союз *and*, т. е. передать эмоциональный тон, довольно сильно отличающийся от того, что дает простое перечисление. Думаем, ему нужно следовать за оригиналом и дальше — нарушая нормы русского языка, отказаться от запятых. В русскоязычной традиции такими примерами изобилуют библейские тексты. Ярчайший пример: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков» (Православный молитвослов и Псалтырь).

Экспериментируя в первой версии с пунктуацией, Уитмен, как правило, добивается желаемого результата. Так, опуская запятые в ряду однородных членов, он создает неуловимый эффект оживления ритма и смысла. Действительно, сравним версии 1855 г. и 1881 г.:

(5) *Disorderly fleshy and sensual... eating drinking and breeding* (Whitman 2002: 680) и

(6) *Turbulent, fleshy, sensual, eating, drinking and breeding* (Whitman 2002: 45)

Несомненно, такая правка, приведшая к монотонности строки, свидетельствует о явном стремлении Уитмена упорядочить ритм. Переводчик первой версии, чтобы сохранить интонационный рисунок строки, будет вынужден отказаться от запятых, т. е. прибегнуть к ненормативному решению. В оправдание переводчику — гибкость пунктуации современного русского языка. Хотя она в значительной степени определяется синтаксисом, но опирается и на ритмико-интонационное членение предложения. Поэтому, наряду с обязательными правилами, допускаются пунктуационные варианты. Отказываясь от запятых, Уитмен подчеркивает важное для него — читать надо со скоростью строки.

Рассмотренные выше примеры уже свидетельствуют о том, что особое внимание переводчику первой версии следует уделить уитменовским «экспрессивным пунктуационным приемам», в том числе и широко используемым многоточиям, которые полностью отсутствуют в авторизованном тексте. С их помощью поэт обозначает цезуру или риторическую паузу (для достижения драматического эффекта). Первая версия просто изобилует многоточиями: на 1336 строк — 361 многоточие. Большая часть из них (порядка 80 % в авторизованном тексте) заменена на запятые. На отдельных примерах оценим последствия такой замены:

(7) *My respiration and inspiration... the beating of my heart... the passing of blood and air through my lungs* (Whitman 2002: 662)

(8) *I too am not a bid tamed... I too am untranslatable* (Whitman 2002: 709)

(9) *Houses and rooms are full of perfumes... the shelves are crowded with perfumes* (Whitman 2002: 662)

(10) *I am a free companion... I bivouac by invading watchfires* (Whitman 2002: 691)

(11) *Evil propels me, and reform of evil propels me... I stand indifferent* (Whitman 2002: 679)

В примерах (7) и (8) многоточия выполняют роль цезуры. И хотя деление строки снижает синтаксическое ощущение стихораздела — поэту тут важно другое: ритм и интонация этих строк должны соответствовать его душевному состоянию. Замена на запятые в авторизованном тексте ведет к снижению интонационной выразительности и эмоциональности. В примерах (9), (10) и (11) можно говорить уже о риторической (смысловой) паузе. Многоточия, создавая промежуток во времени между событиями, описываемыми в предложениях, обеспечивают смену действия, что сообщает происходящему определенный драматический эффект. Замена на

запятые «смазывает» впечатление, оказываемое на читателя авторизованным текстом.

В ряде случаев в авторизованном тексте многоточия заменяются на тире:

(12) *I am satisfied... I see, dance, laugh, sing* (Whitman 2002: 664)

(13) *Prodigal! you have given me love!... therefore I to you give love!* (Whitman 2002: 678)

(14) *It is middling well as far as it goes... but is that all?* (Whitman 2002: 698)

(15) *It is time to explain myself... let us stand up.* (Whitman 2002: 703)

(16) *There is that in me... I do not know what it is... but I know it is in me.* (Whitman 2002: 709)

(17) *It is not chaos or death... it is form and union and plan... it is eternal life... it is happiness* (Whitman 2002: 709)

В примерах (12) — (15) многоточие обозначает риторическую паузу. Замена на тире создает совсем другой эмоциональный рисунок: вместо драматического эффекта — причинно-следственная связь, вносящая элемент рассудочности (рассудительности), эмоциональной сдержанности в ущерб стихийности, непосредственности первой версии. Кстати, замена на тире в примере (13) приводит к избыточности (*therefore*). На заметку переводчику: использование многоточия в качестве риторической паузы в английском языке соответствует одному из его употреблений в русском — оно также может указывать на переход (часто неожиданный) от одной мысли к другой, на временной промежуток между событиями. В примерах (16), (17) с помощью многоточия обозначается ритмическая пауза. Замена на тире свидетельствует о намерении Уитмена упорядочить ритм. То же можно сказать и о замене многоточия на союзы. Действительно, сравним:

(18) *People I meet... the effect upon me of my early life... of the ward and city I live in... of the nation,*

и

(19) *People I meet, the effect upon me of my early life or the ward and city I live in, or the nation* (Whitman 2002: 664)

Вывод, который в результате можно сделать: целью экспериментов с пунктуацией в первой версии было стремление Уитмена создать экспрессивно насыщенную интонационную структуру. Переводчик, переосмысливая пунктуационные знаки оригинала, должен оценивать свое вмешательство в нее (интонацию) как в целом, так и в каждом конкретном случае.

Особо следует сказать о таком уитменовском приеме упорядочивания ритма, как параллелизм. Так, первую строку авторизованного текста стихотворения он организует по принципу внутреннего параллелизма:

(20) *I celebrate myself, and sing myself* (Whitman 2002: 26)

В этом случае первая строка уравнивается (в отличие от первой версии) следующей:

(21) *And what I assume you shall assume* (Whitman 2002: 26)

Но при этом снижается ее коммуникативная предназначенность, т. к. теряется энергичность заявления, свойственная короткой строке первой версии: *I Celebrate myself*. Собственно, и написание сказуемого с заглавной буквы следует воспринимать здесь как средство специального подчеркивания, выделения, несущее печать эмоциональной эмфазы.

Рассмотрим самые характерные случаи правки лексики. Примером правки, повлекшей за собой изменение звукописи, может служить 21-я строка (здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, ссылка на номер строки дается по тексту первой версии):

(22) *The feeling of health... the full-moon trill... the song of me rising from bed and meeting the sun* (Whitman 2002: 663)

В авторизованном тексте слово *full-moon* заменено на *full-noon*:

The feeling of health, the full-noon trill, the song of me rising from bed and meeting the sun (Whitman 2002: 27)

Таким образом Уитмен увеличивает богатство звукописи строки. Сонорный [ŋ/ŋ] выделяется в ее консонантической структуре: повторяется 7 раз и занимает преимущественно (одно исключение) начальную и / или конечную позицию в слове, тем самым придавая строке некую напевность. Однако такая правка идет в ущерб романтической образности: вместо трелей, разливающихся в широком лунном свете, — трели в полдень. (Заметим, что этот пример демонстрирует и упорядочивание ритма.)

Примеры упорядочивания ритма и эволюционирования в сторону увеличения богатства звукописи составляют основную массу разночтений. Профессор Роджер Асселино так определил перемену в эстетических воззрениях Уитмена: «С течением времени стих Уитмена стал мелодичнее, компактнее, ближе к традиционной просодии. Если в первом издании «Листьев» его стих — расплавленная лава, то в последних видно стремление преодолеть хаотичность и подчинить свое творчество музыке» (Asselineau 1962: 63).

О характере разночтений можно судить по 17-й строке:

(23) *The sound of the belched words of my voice... words loosed to the eddies of the wind* (Whitman 2002: 662),

которая в авторизованном тексте представлена так:

The sound of the belch'd words of my voice loos'd to the eddies of the wind (Whitman 2002: 27)

В авторизованном тексте Уитмен пользуется приемом элизии, выпуская *e* перед *d* в глагольных формах прошедшего времени. Кроме того, нетрудно заметить: в авторизованной версии Уитмен отказывается от многоточия и повтора слова *words*. Упорядочивание ритма идет в ущерб простоте и ясности изложения. И, что важно для нас, возникает проблема при переводе. В самом деле, в первой версии эта строка в тема-рематическом плане однозначна для переводчика: «Звучание извергнутых моим горлом слов... слов, стихнувших в кружении ветра». Сохранение многоточия в русской версии (как и в оригинале) означает промежуток времени между событиями. В авторизованном тексте строки тема-рематическое структурирование ее содержания лишено ясности: к чему отнести слово *loos'd*? Возможно, к слову *sound*? Кстати, К. И. Чуковский нарушил уитменовский «ритм мысли» (термин Г. У. Аллена) и перевел эту строку так: «Мой голос, извергающий слова, которые я бросаю навстречу ветрам» (Уитмен 1982: 49).

Изменения, внесенные в 52-ю строку, свидетельствуют о маскировке Уитменом своего исходного, смелого, очень откровенного воображения:

(24) *As God comes a loving bedfellow and sleeps at my side all night and close on the peep of the day* (Whitman 2002: 664)

Здесь поэт говорит о полном доверии своего лирического героя Богу и безграничной близости с ним. Но это был ранний Уитмен. Уитмен авторизованного издания другой (возможно внявший «предостережениям критики»):

(25) *As the hugging and loving bed-fellow sleeps at my side through the night, and withdraws at the peep of the day with stealthy tread* (Whitman 2002: 28)

Кажется, у переводчика в данном случае есть два варианта решения проблемы: или сохранить верность автору и оригиналу, или оградить Уитмена от вероятных нападков своих читателей.

Пожалуй, самые горячо обсуждаемые критикой строки — эротическая сцена между душой и телом. Изменения в авторизованном тексте незначительны, однако достаточно характеризуют общие направления правки. Например, 82-я строка:

(26) *Swiftly arose and spread around me the peace and joy and knowledge that pass all the art and argument of the earth* (Whitman 2002: 665)

Соответствующая строка в авторизованной версии компактнее, мелодичнее:

Swiftly arose and spread around me the peace and knowledge that pass all the argument of the earth (Whitman 2002: 30)

Однако, во-первых, она эмоционально слабее, т. к. радость (*joy*) как бы покинула лирического героя, во-вторых, в ней «пропущена» ступенька подчинения, предназначенная искусству — признание существенное для поэта.

О направлениях правки можно судить и по 78-й строке:

(27) *I mind how we lay in June, such a transparent summer morning* (Whitman 2002: 665)

В авторизованной версии строка лишена жесткой временной конкретики:

I mind how once we lay such a transparent summer morning (Whitman 2002: 29)

И что показательно, такая правка носит системный характер. Так, вместо *November sky* (Whitman 2002: 671) — *wintry sky*, вместо *of a Sunday* (Whitman 2002: 671) — *on a First-day* (Whitman 2002: 37). Отказываясь от временной конкретики, Уитмен как бы говорит: это не важно для стихотворения, хранящего абсолютную шкалу ценностей.

4. Заключение

Вывод, к которому приходит автор статьи: сравнение первой версии «Песни о себе» с ее окончательным текстом ориентирует переводчика на передачу экспрессивно насыщенной интонационной структуры оригинала, обусловленной тогдашним душевным состоянием Уитмена, и показывает, что ради этого поэт мирился и с расшатанным ритмом и эксцентричностью стиля, что собственно, также должно найти отражение в переводе.

Список литературы / References

- Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Gasparov, Mikhail L, Skulacheva, Tatyana V. (2005) *Stat'i o lingvistike stiha* (Articles on Verse Linguistics). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russian)].
- Уитмен, Уолт. Листья травы. М.: Художественная литература, 1982. [Whitman, Walt. (1982) *List'ya travy* (Leaves of Grass). Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Allen, Gay Wilson. (1970) *A Reader's Guide to Walt Whitman*. New York: Farrar, Straus & Giroux.
- Asselineau, Roger. (1962) *The Evolution of Walt Whitman: The Creation of a Book*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press.

- Greenspan, Ezra. (2006) Walt Whitman's "Song of Myself": A Sourcebook and Critical Edition. *Walt Whitman Quarterly Review*, 23, 148–151. DOI: 10.13008/2153-3695.1799.
- Tilton, Eleanor (ed.). (1991) *The Letters of Ralph Waldo Emerson: 1807–1844*. Vol 8. Columbia University Press.
- Cowley, Malcolm (ed.). (1959) *Walt Whitman's "Leaves of Grass": The First (1855) Edition*. New York: Viking Press.
- Whitman, Walt. (2002) *Leaves of grass and other writings: authoritative texts, prefaces, Whitman on his art, criticism*. New York: A Norton critical edition..

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-123-136

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Л. М. Коныхина, Л. В. Яковлева

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

В статье рассматриваются проблемы формирования языковой личности и межкультурного взаимодействия, определяются подходы к обучению на основе межкультурного подхода. Приоритетом современного языкового образования, гарантирующим его высокое качество, является овладение компетенциями в сфере профессиональной иноязычной коммуникации. В связи с этим в статье анализируются педагогические условия, обеспечивающие возможность формирования иноязычной социокультурной компетенции языковой личности. Представлен механизм реализации педагогических условий, включающий следующие элементы: а) коммуникативно-компетентная личность преподавателя иностранного языка; б) моделирование ситуаций коммуникативных затруднений в этнокультурной среде; в) владение этнокультурной информацией и навыками ее отбора; г) интеграция учебной и внеучебной работы по иностранному языку; д) установление отношений взаимодействия преподавателя и обучающихся. Определены методологические основы проектирования содержания языкового образования. Описаны подходы к процессу обучения иностранному языку. Обоснована идея межкультурной парадигмы языкового образования.

Ключевые слова: языковая личность; межкультурная коммуникация; иноязычная компетенция; межкультурное обучение; профессионально-ориентированные подходы; языковая образовательная парадигма; педагогические условия; коммуникативное педагогическое взаимодействие.

The Development of the Linguistic Persona in the Context of Professionally Oriented University-Level Foreign Language Education

Liudmila M. Konyakhina, Lora V. Yakovleva
Udmurt State University, Izevsk, Russia

The article discusses a number of issues related to developing the linguistic persona and intercultural competency and focuses on educational ideas, strategies, technologies, and practices that embody intercultural approaches to foreign language education. To ensure the high quality of foreign language education, our priorities must include the development of competences in the area of professional communication in foreign languages. In that regard, the article identifies pedagogical conditions conducive to fostering the socio-cultural competence and the successful development of the learner's linguistic persona. The authors present mechanisms of implementing the said pedagogical conditions in the following areas: a) developing communication skills and competencies of foreign language instructors; b) modeling situations with communication barriers in diverse ethnocultural environments; c) acquiring and selecting ethnocultural information; d) integrating in-class and out-of-class activities in a foreign language; and e) establishing a good rapport between an instructor and her students. The authors go on to describe the methodological basis for designing the content of foreign language programs, identify optimal approaches to teaching and learning foreign languages, and reflect on the context of the intercultural paradigm in university-level foreign language education.

Key words: linguistic personality; intercultural communications; foreign language competence; intercultural education; profession-oriented approaches; language education paradigm; pedagogic conditions; communicative educational interaction.

1. Введение

Современная система образования, отвечая насущным потребностям реформирования общества и развития каждого индивида, ориентирована на поиск и утверждение новых подходов к обучению различным дисциплинам, наиболее полно соответствующим требованиям текущего времени.

Одной из главных его характеристик является поликультурный диалог, что непосредственно влияет в том числе на формирование и становление новых ценностей и целей образования.

Особое внимание в связи с этим уделяется на современном этапе поликультурному образованию и повышению роли культурологической составляющей педагогического процесса, направленного на формирование языковой личности обучающегося, определяющей его готовность к активной и эффективной жизнедеятельности в поликультурной среде (Воркачев 2001; Воробьев 1997; Карасик 2002; Клобукова 1997; и др.). Культурологический подход предполагает, среди прочего, культуросообразное преобразование системы образования, смысл которого заключается в обеспечении

условий для полноценной реализации потенциала личности, открытой для поликультурного диалога и сотрудничества, и культурного взросления обучающихся в контексте педагогически адаптированного социального опыта человечества (см. Лейчик 2003; и др.).

По мнению многих исследователей, именно сфера культуры и образования является сегодня весьма продуктивным полем для межнационального диалога, развития сотрудничества и установления взаимопонимания, выступая фактором национальной самоидентификации и самосознания лингвокультурной общности. Особо подчеркивается в исследуемом аспекте роль высшего образования, предполагающего развитие и укрепление системы ценностей того или иного этноса (Федюнина 2007: 38; Хрулева 2020).

Соотношение культуры и образования приобрело на рубеже нового столетия новое звучание в отечественной и зарубежной научной литературе. Образование получает характеристику пространства, воспроизводящего культуру, в то время как культура выступает условием существования образования.

Взаимообусловленность культуры и образования особенно четко прослеживается в обучении иностранным языкам в вузе.

На современном этапе интеграции России в мировое экономическое и культурное пространство владение иностранными языками является одним из главных конкурентных преимуществ выпускников высшей школы. Однако, обладая рядом специфических черт, обучение иностранному языку занимает особое место в перечне дисциплин высшего образования, поскольку позволяет не только давать знания, формировать навыки и умения, но оказывает непосредственное влияние на становление личности обучающегося.

Вопросы эффективного обучения в связи с этим обретают новые аспекты и обсуждаются специалистами в рамках проблематики, имеющей отношение к формированию языковой личности нового типа (Богин 1999; Караулов 2007).

2. Методологическая база исследования языковой подготовки

Языковая личность в настоящем исследовании вслед за Н. Д. Гальсковой трактуется как «совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур» (Гальскова 2009: 76; см. тж. Клобукова 1997; Храмцова 2016).

«Языковая образовательная парадигма, базирующаяся на межкультурном подходе и развивающаяся в русле реализации профессиональной

иноязычной подготовки, рассматривает высшее учебное заведение как инструмент развития социально-активной и самостоятельной личности, для которой образование вообще и языковое в частности имеет существенное значение в иерархии личностных ценностей. При этом личностно-ориентированная ценность языкового образования должна быть обусловлена:

– степенью осознания учащимся важности любого неродного языка как средства общения в современном многонациональном и поликультурном мире;

– четким представлением о тех требованиях, которые предъявляются к уровню его языковой подготовки на каждом образовательном этапе, и технологиях, позволяющих определить этот уровень;

– личностной потребностью в изучении современных неродных языков и в их практическом использовании» (Гальскова 2009: 56).

Обучение межкультурной коммуникации в условиях современного высшего профессионального образования становится неотъемлемой составляющей обучения иностранным языкам. Это обусловлено в том числе потребностью национального рынка труда в специалистах, не только хорошо владеющих одним или несколькими иностранными языками, но и полностью готовых к межкультурному взаимодействию, как в академической, так и в профессиональной среде. Педагогические работники вузов призваны формировать у обучающихся не только знания о системе иностранного языка, речевые навыки и умения, но и компетенции в сфере межкультурной коммуникации.

Понятие «межкультурная коммуникация» определяется в культурной антропологии как взаимоотношения разных культур. Данное понятие рассматривается нами как совокупность разных форм взаимоотношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими разным культурам. Понять и усвоить культуру в условиях межкультурной коммуникации можно через диалог и тем самым раскрыть культурно-ориентированное содержание языка как средства аккумуляции культуры и формы культурного поведения. Это позволяет, на наш взгляд, осмыслить процессы взаимосвязи языка и культуры с учетом их глубокой человеческой специфики.

Формирование межкультурной коммуникативной компетенции рассматривается в научной литературе как индивидуальный процесс развития личности, направленный на изменение поведения, которое обусловлено осмыслением, пониманием и принятием форм поведения, характерных для представителей других лингвокультур. Различаются два основных подхода к проблеме формирования межкультурной коммуникативной компетен-

ции: инструментальный и аналитический. Первый нацелен на достижение практического результата — успешную адаптацию в иноязычной и инокультурной среде и совершенствование методик обучения эффективному межкультурному общению в конкретном социокультурном и языковом контексте. Второй подход дает возможность изучать трансформацию личности, неизбежно наблюдаемую при межкультурной коммуникации: каковы эти изменения, какие они открывают возможности для развития межкультурных способностей, что собою представляет полиязычная и поликультурная личность; ср., например, в (Карасик 2003).

Согласно Д. В. Полю, в российской научной педагогической практике выделяются несколько подходов к организации межкультурного диалога.

«Первый подход включает самое широкое использование диалога культур в практике преподавания различных предметов вплоть до технологий (диалог как метод).

Второй направлен на использование диалога культур в школах этнических диаспор (в обобщающем варианте данный подход предполагает поликультурность; в последнее время его популярность резко возросла).

В рамках третьего подхода диалог культур рассматривается как основа всего учебного процесса в классах с ярко выраженным смешанным этническим составом.

При четвертом подходе диалог культур выступает стержнем всей образовательной программы учебного заведения, специфика которого предполагает углубленное изучение иной культуры (или культуры и языка)» (Поль 2009; Мельник 2009; Иванова 2009; Масандилова 2009: 83).

По мнению авторов, именно на занятиях по иностранному языку обучающиеся чаще всего сталкиваются с изучением иноязычной культуры, иноязычного образа мыслей, иноязычной повседневной жизни. Наблюдается некая настороженность у обучающихся в восприятии новой информации о жизни представителей других культур.

Современные подходы заключаются в том, что другая культура должна изучаться в сравнении с родной, поскольку понимание чужой культуры осуществляется на основе собственного миропонимания. Контакт культур представляется авторами как сравнение общественных, культурных и языковых перспектив родной и изучаемой культуры.

Интересным представляется мнение Е. И. Пассова о проблеме диалога культур, который отмечает, что «проблема диалога культур — лишь название комплекса других проблем, по крайней мере, трех: взаимопонимание, менталитет, взаимоотношение культуры и языка. Предполагается, что взаимопонимание является естественным, само собой разумеющимся ре-

зультатом обучения иностранным языкам. Но практика не оправдывает этих надежд, система не дает ожидаемого результата: взаимопонимание — слишком сложный феномен, чтобы можно было ожидать его появления из ничего». (Пассов 2001: 46). Взаимопонимание, по мнению Е. И. Пассова, складывается из следующих компонентов. «Во-первых, это социологический аспект: осознание общности, зависимость одной культуры от другой. Во-вторых, это социокультурный аспект. В-третьих, это ценностный аспект, ибо только осознание и понимание ценностей другой культуры обеспечивает взаимопонимание. Только взаимопонимание, основанное на признании чужих ценностей, признании у другого прав на эти ценности, уважении этих ценностей, может и должно быть желанной целью. В-четвертых, это психологический аспект. Взаимопонимание всегда ведет к координации, к сотрудничеству, что возможно лишь при условиях, когда:

а) предмет общения становится личностно значимым для обоих собеседников;

б) проявляются отношения сопереживания (эмоциональный контакт) (Татарина и др. 2021);

в) оба общающихся приняли ситуацию, поняли её, сняли смысловые барьеры» (Пассов 2001: 53).

Трудно не согласиться с Е. И. Пассовым в том, что «взаимопонимание без указанных выше условий невозможно, так как отсутствует главная предпосылка взаимопонимания, его основа — культура. Присвоенная культура не всегда проявляется в общении, но всегда подразумевается, как невидимая часть айсберга; общающихся объединяет не то, что они говорят, а то, о чем они молчат, хотя и знают. Без этого не будет взаимопонимания, а значит, не будет и принятия чужого менталитета» (Пассов 2001: 61).

«Адекватность межкультурного восприятия не формируется сама собой. Не всегда приобщение к другой культуре, в том числе и позитивный межкультурный опыт, приводит к нужному результату. Реальная жизнь в глобализующемся, а значит, в полиэтническом, поликультурном, поликонфессиональном мире требует коммуникативной компетентности личности» (Красных 1998). Данное положение определяет ряд важнейших задач по формированию у обучающегося адекватного восприятия иной культуры и толерантного к ней отношения, предполагающего одновременное на этом фоне личностное духовное обогащение.

Оптимальная организация занятий зависит от правильного понимания задач — чему и как обучать. Цель обучения языку — превращение изучаемого языка из предмета обучения в средство обучения и воспитания. В практику языкового обучения, по мнению авторов, необходимо вводить методы и приемы, позволяющие раскрыть культурно-ориентированное со-

держание языка как средства аккумуляции культуры и формы культурного поведения. Это позволяет осмыслить процессы взаимосвязи языка и культуры с учетом их специфики, выявить и осознать ценности и специфику поведения людей, принадлежащих к другим культурам, которые поддаются изучению и прогнозированию. «Если культура изучаема, значит, она может быть преподаваема», — говорил Э. Холл (Холл 1995: 17). Это означает, что культурные различия в процессе обучения могут быть выявлены, описаны, проанализированы, классифицированы, интерпретированы как учебный материал. Если обучающийся владеет ими, тогда формируется чрезвычайно важная в межкультурной коммуникации категория — культурная грамотность. Э. Хирш, разработавший теорию культурной грамотности, указывает, «что система культурных символов, присущая каждой национальной культуре, детерминирует языковые значения, смысл текстов, особенности дискурса и нормы общения, и, следовательно, имеет фундаментальное для нее значение. Успешная межкультурная коммуникация, таким образом, невозможна без понимания фоновых общекультурных знаний и системы культурных ценностей партнера» (Hirsch 1988: 32).

3. Стратегии формирования основ языковой личности

Принимая во внимание исторически сложившуюся смену ведущих лингводидактических направлений XX века, их целевых ориентаций и установок, О. Д. Митрофанова объединенную «парадигму методических формул». В рамках этой парадигмы выделяются: 1) обучение иностранному языку (теоретический / языковой подход); 2) обучение иностранному языку как средству общения (интуитивно-практический / речевой подход); 3) обучение общению на иностранном языке (коммуникативный / коммуниктивно-деятельностный подход)» (Митрофанова 1999: 351).

«Межкультурная парадигма современного языкового образования прежде всего обращена к принципам формирования поликультурной личности, к поискам того, как она выражает себя» (Горина 2013: 71). Основные подходы, применяемые в процессе ее формирования, могут выстраиваться с опорой на следующие принципы:

– принцип культуросообразности, который предполагает, что ядром образовательной языковой системы должна стать поликультурная образовательная среда — система внешних условий, в которой происходит освоение и воспроизведение культуры с позиции индивидуального самоопределения;

– принцип межкультурной интеграции, который предполагает изучение другой культуры в сравнении с родной, поскольку понимание чужой культуры осуществляется на основе собственного миропонимания. Кон-

такт культур представляется как сравнение общественных, культурных и языковых перспектив родной и изучаемой культуры;

– принцип системности, который подразумевает функциональное обучение языку как средству общения в профессиональной сфере в сочетании с культурной составляющей, подчиненное целям формирования языковой личности.

На практике преподавателю необходимо использовать этнокультурные знания при овладении лингвострановедческими элементами, такими как понимание существа взаимосвязей между культурами родного и изучаемого языка; знание реалий, соотносимых с культурой страны изучаемого языка, знание динамики ценностных ориентаций. Умения и навыки заключаются при этом в способности эксплицировать и осознавать этнокультурную информацию в процессе межкультурного взаимодействия, понимать и интерпретировать культурные взаимосвязи, использовать этнокультурный аспект в целях толкования этнокультурных элементов, ориентироваться в ценностных категориях собственного и чужого общества, использовать при непосредственном контакте адекватные речевые средства, адекватно реагировать на действия речевых партнеров в чужой стране соответственно принятым правилам и нормам.

Авторы полагают, что дидактическая ценность аутентичных материалов, их использование в учебном процессе, постановка и достижение учебной цели, осознание основ и механизмов межкультурной коммуникации осуществляются благодаря:

– отражению в содержании текстов межкультурных коммуникативных ситуаций;

– наличию межкультурных коммуникативных расхождений, содержащихся в аутентичных материалах, прежде всего, в форме типизированных межкультурных коммуникативных ситуациях, несущих информацию о национально-специфических особенностях этноса — носителя языка и культуры;

– осуществлению аутентичного речевого общения, формирующего этнокультурную и одновременно коммуникативную компетенцию у студентов, обучающихся вне естественной языковой среды;

– повышению мотивации студентов к изучению и овладению иной культурой;

– более широкому включению когнитивных факторов в учебный процесс;

– осуществлению процесса формирования и развития межкультурной компетенции с помощью имитации и моделирования языковой и этнокультурной среды.

Необходимо отметить, что важным фактором в ходе эффективного языкового обучения, по мнению авторов, является учет социокультурного статуса носителя иной культуры, включающий речь как способ формирования и формулирования мысли; социальную роль как относительно постоянную и внутренне связанную систему поступков, нормативных правил поведения индивида с определенной социальной позицией; образ жизни как устойчивый, сложившийся в определенных общественно-политических условиях способ жизнедеятельности индивида с учетом норм общения, поведения, склада мысли; нормы поведения как совокупность культурно-обусловленных правил поведения; социальную позицию индивида или группы в обществе, проявляющуюся в том числе при установлении социальных контактов; региональную принадлежность индивида.

Авторами выявлены педагогические условия, обеспечивающие возможности формирования иноязычной социокультурной компетенции языковой личности. К ним относятся: а) организация постоянно действующих консультаций для преподавателей по повышению уровня их педагогической коммуникативной компетентности; б) использование тактики сотрудничества во взаимодействии преподавателя и студентов как приоритетное направление обучения (установление доверительных отношений); в) интеграция учебной и внеучебной работы; г) овладение учащимися этнокультурной информацией; д) культурообусловленный характер содержания обучения.

Педагогическая модель подготовки обучающихся в аспекте формирования у них языковой личности основана на принципах системности, гуманизации, межкультурной интеграции, пропедевтической подготовки и включает выявленные педагогические условия, определенные этнокультурные особенности и средства педагогической коммуникации.

Педагогические условия формирования языковой личности реализуются посредством механизма коммуникативного взаимодействия преподавателя и студентов, понимаемого как совокупность средств и методов, обеспечивающих реализацию целей и задач воспитания и обучения. Данный механизм приобщает обучающихся к основам иноязычной культуры, в процессе освоения которых, с одной стороны, развиваются их коммуникативные умения, а с другой, — повышается уровень коммуникативной компетентности самого преподавателя.

Механизм реализации педагогических условий функционирует благодаря а) коммуникативно-компетентной личности преподавателя иностранного языка; б) моделированию ситуаций коммуникативных затруднений в этнокультурной среде; в) овладению этнокультурной информации

ей и ее отбору; г) интеграции учебной и внеучебной работы по иностранному языку; д) установлению отношений взаимодействия преподавателя и обучающихся.

Обучая общению, преподаватель участвует в нем, наблюдая за собственными действиями, анализируя их, корректируя, выбирает оптимальные приемы и средства общения. Непременным условием грамотного владения технологией общения является высокий уровень педагогической коммуникативной компетентности преподавателя. Педагогическая коммуникативная компетентность, по определению Г. С. Трофимовой, есть «способность преподавателя к эффективному взаимодействию с учащимися и ориентации в ситуациях педагогического общения на основе гуманистической диспозиции его личности и педагогического опыта» (Трофимова 2000: 36). Фасилитатором описываемого механизма является коммуникативно-компетентный преподаватель, умеющий устанавливать доверительные отношения со студентами и выстраивающий процесс подготовки обучающихся в аспекте формирования социокультурной компетенции языковой личности в соответствии с выявленными педагогическими условиями.

Следующим компонентом механизма реализации педагогических условий, обеспечивающих возможность формирования языковой личности, является интеграция учебной и внеучебной работы по иностранному языку. Принцип интегративности в учебном процессе предполагает внутренне взаимосвязанную и взаимообусловленную целостность, установление связей и отношений между компонентами учебной деятельности путем включения их в новые системы связей.

Особенности этнокультурной информации, способствующие осознанию и восприятию обучающимися культурных особенностей страны изучаемого языка, отражены в следующем компоненте механизма реализации педагогических условий, нацеленных на формирование языковой личности. «Информационная функция культуры как средства закрепления (фиксации) достижений духовной и материальной деятельности людей (от произведения искусства до предметов быта), передачи этих продуктов во времени и пространстве и обеспечения преемственности поколений реализуется в том, что каждый объект (продукт) культуры несет в себе информацию об определенном народе, социальной группе и индивиде, а также о соответствующем периоде его существования и развития. Без выполнения культурной информационной функции невозможно взаимопонимание представителей народа в определенную эпоху и между эпохами. В равной степени невозможна и межкультурная коммуникация: она базируется на передаче творений культуры от одной общности к другой и освоении (ус-

воении) этих творений культуры представителями разных культурных общностей» (Лейчик 2003: 21).

Четвертым компонентом механизма реализации педагогических условий является моделирование ситуаций коммуникативных затруднений в этнокультурной среде. Актуальность данного компонента обусловлена расширением и углублением роли этнокультурного аспекта в развитии коммуникативных способностей. Речь идет о необходимости более глубокого и тщательного изучения мира носителей языка, их культуры, их образа жизни, национального характера, менталитета и т. п. Незнание реалий такого рода приводит к так называемым культурным ошибкам. Этот компонент представляет собой многоуровневую систему подготовки языковой личности, «которая репрезентирует социокультурный процесс владения иностранным языком, обладает эвристической ценностью и обеспечивает способность и готовность к межкультурному общению на изучаемом иностранном языке» (Ирисханова 2008: 5).

4. Заключение

Процесс формирования языковой личности предполагает выстраивание многоуровневой системы иноязычного образования, которая не ограничивается только овладением различными компетенциями, связанными со спецификой межкультурной сферы, но также требует тщательной и профессиональной языковой подготовки как студентов, так и преподавателей. Формирование языковой личности является объективной необходимостью, которая позволит современному человеку быть конкурентоспособным в любой профессиональной сфере.

Список литературы / References

- Богин Г. И. Начальные уровни развития языковой личности школьника как формат для определения успешности его филологической подготовки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tversu.ru/Science/Hermeneutics/1999-1/1999-1-28.pdf>. [Bogin, Georgij I. (1999) *Nachal'nyye urovni razvitiya yazykovoy lichnosti shkol'nika kak format dlya opredeleniya uspehnosti yego filologicheskoy podgotovki* (Initial Levels of Development of Schoolchild's Language Personality as a Format for Determining the Success of His/Her Philological Training). Retrieved from <http://www.tversu.ru/Science/Hermeneutics/1999-1/1999-1-28.pdf>. (In Russian)].
- Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72. [Vorkachev, Sergey G. (2001) *Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii* (Linguoculturology, Linguisticpersonality, Concept: the Formation of an Anthropo-

- centric Paradigm in Linguistics). *Filologicheskiye nauki* (Philological Sciences), 1, 64–72. (In Russian)].
- Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: Изд-во РУДН, 1997. [Vorob'yev, Vladimir V. (1997) *Lingvokul'turologiya: teoriya i metody* (Cultural Linguistics: Theory and Methods). Moscow: Izd-vo RUDN. (In Russian)].
- Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2009. [Galskova, Natalya D. (2009) *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam: Lingvodidaktika i metodika: ucheb. posobiye dlya studentov* (Theory of Teaching Foreign Languages: Linguodidactics and Methodology: A Textbook). Moscow: Akademia. (In Russian)].
- Горина Ж. Д. Межкультурная парадигма в социальном языковом пространстве Украины // Концепт. 2013. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13020.htm>. [Gorina, Zhanna D. (2013) *Mezhkul'turnaya paradigma v sotsial'nom yazykovom prostranstve Ukrainy* (Cross-cultural Paradigm in the Social and Linguistic Space of Ukraine). *Concept*, 1. Retrieved from <http://e-koncept.ru/2013/13020.htm>. (In Russian)].
- Ирисханова К. М. Компетентностная модель владения и овладения иностранным языком // Вестник МГЛУ. 2008. Вып. 546. С. 5–17. [Iriskhanova, Kira M. (2008) *Kompetentnostnaya model' vladeniya i ovladeniya inostrannym yazykom* (Competence Model of Foreign Language Proficiency and Mastery). *Vestnik MGLU*, 546, 5–17. (In Russian)].
- Карасик В. И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс: сб. науч. тр. М.: Азбуковник, 2003. С. 24–46. [Karasik, Vladimir I. (2003) *Rechevoye povedeniye i tipy yazykovykh lichnostey* (Speech Behavior and Types of Language Personalities). *Massovaya kul'tura na rubezhe 20–21 vekov: Chelovek i yego diskurs* (Mass Culture at the Turn of the 20–21st Centuries: A Human Being and His Discourse: Collected Papers). Moscow: Azbukovnik, 24–46. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, Vladimir I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* (Language Circle: Personality, Concepts, Discourse). Volgograd: Peremena. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2007. [Karaulov, Yuriy N. (2007) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and Language Personality). Moscow: URSS: Izd-vo LKI. (In Russian)].
- Клобукова Л. П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык, сознание, коммуникация. 1997. Вып. 1. С. 25–31. [Klobukova, Liubov P. (1997) *Fenomen yazykovoy lichnosti v svete lingvodidaktiki* (The Phenomenon of Language Personality in the Light of Linguodidactics). *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya* (Language, Consciousness, Communication), 1, 25–31. (In Russian)].
- Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация): монография. М.: МГУ, 1998. [Krasnykh, Viktoria V. (1998) *Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'?: monografiya* (Virtual Reality or Real Virtuality? (Human Being. Consciousness. Communication): Monograph). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].

- Лейчик В. М. Отношение между культурой и языком: общие функции // Вестник МГУ. Сер. 19: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 17–28. [Leychik, Vladimir M. (2003) Otnosheniye mezhdu kul'turoy i yazykom: obshchiye funktsii (The Relationship between Culture and Language: Common Functions). *Vestnik MGU. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 17–28. (In Russian)].
- Митрофанова О. Д. Лингвистические уроки и прогнозы конца XX века // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ (Братислава, 1999). М.: МАПРЯЛ, 1999. С. 345–363. [Mitrofanova, Olga D. (1999) Lingvisticheskiye uroki i prognozy kontsa 20 veka. *Materialy IX Kongressa MAPRYAL (Bratislava, 1999)* (Linguistic Lessons and Forecasts of the End of the 20th Century: Proceedings of the IX Congress of MAPRYAL (Bratislava 1999). Moscow: MAPRYAL, 345–363. (In Russian)].
- Пассов Е. И. Диалог культур: социальный и образовательные аспекты (статья вторая) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/mrs2001-02/28237>. [Passov, Efim I. (2001) *Dialog kul'tur: sotsial'nyy i obrazovatel'nyye aspekty* (Dialog of Cultures: Social and Educational Aspects). Retrieved from <http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/mrs2001-02/28237>. (In Russian)].
- Татарина М. Н., Казаков А. В., Груба Н. А., Иванов А. В., Иванова Р. А. Приемы овладения эмоционально-ценностным компонентом содержания иноязычного образования // Перспективы науки и образования: международный электронный научный журнал. 2021. № 1 (49). С. 357–389. ISSN 2307-2334 (online). [Tatarinova, Maya N., Kazakov, Andrey V., Gruba, Natalya A., Ivanov, Andrey V., & Ivanova, Rimma A. (2021) Priyemy ovladeniya emotsional'no-tsennostnym komponentom sodержaniya inoyazychnogo obrazovaniya (Techniques of Mastering the Emotional Component of the Content of Foreign-language Education). *Perspektivy nauki i obrazovaniya* (Perspectives of Science and Education), 49 (1), 357–389. (In Russian)]. DOI: 10.32744/pse.2021.1.25.
- Теоретико-методологические аспекты организации диалога культур в образовательной среде: сб. науч. тр. / сост. Д. В. Польш, Т. Г. Мельник, Э. И. Иванова, И. Л. Масандилова. М.: ИХО РАО, 2009. [Pol', D. V., Mel'nik, T. G., Ivanova, E. I., & Masandilova, I. L. (eds.) (2009) *Teoretiko-metodologicheskiye aspekty organizatsii dialoga kul'tur v obrazovatel'noy srede: Sbornik nauchnykh trudov* (Theoretical and methodological aspects of the cultural dialogue organization in the educational environment: A collection of scientific works). Moscow: IKhO RAO. (In Russian)].
- Трофимова Г. С. Структура педагогической коммуникативной компетентности: методологический аспект: монография. Ижевск: Купол, 2000. [Trofimova, Galina S. (2000) *Struktura pedagogicheskoy kommunikativnoy kompetentnosti: metodologicheskiy aspekt: monografiya* (The Structure of Pedagogical Communicative Competence: Methodological Aspect: Monograph). Izhevsk: Kupol. (In Russian)].
- Федюнина С. М. Концептуальные основания и условия мультикультурализма в современном российском обществе: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Саратов, 2007. [Fedyunina, Svetlana M. (2007) *Kontseptual'nyye osnovaniya i usloviya mul'tikul'turalizma v sovremennom rossiyskom obshchestve* (Conceptual Foundations and Conditions of Multiculturalism in Modern Russian Society): Doctoral Thesis (in Sociology) Extended Synopsis. Saratov. (In Russian)].

- Холл Э. Как понять иностранца без слов. М.: Прогресс, 1995. [Hall, Eduard. (1995) *Kak ponyat' inostrantsa bez slov* (How to Understand a Foreigner without Words). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Храмцова А. Б. Формирование языковой личности средствами иностранного языка [Электронный ресурс] // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. Т. 22. № 4. С. 67–71. [Khramtsova, Anna B. (2016) *Formirovaniye yazykovoy lichnosti sredstvami inostrannogo yazyka* (Formation of a Linguistic Personality by Means of a Foreign Language). *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, vol. 22, 4, 67–71. (In Russian)].
- Хрулева А. А. Формирование языковой личности как цель непрерывного иноязычного образования // Гуманитарные науки. 2020. № 3. С. 74–77. [Khruleva, Alina A. (2020) *Formirovaniye yazykovoy lichnosti kak tsel' nepreryvnogo inoyazychnogo obrazovaniya* (Formation of a Language Personality as a Goal of Continuous Foreign Language Education). *Gumanitarnyye nauki* (Humanitarian Sciences), 3, 74–77. (In Russian)].
- Hirsch, Eric D. (1988) *Cultural literacy*. New York: Vintage Books.

УДК 37.022

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-137-148

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПРОЦЕССЕ РЕФЛЕКСИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Е. П. Пономаренко

Ижевский государственный технический университет
им. М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия

Проблема развития языковой личности студентов технического университета не теряет своей актуальности. Решением данной проблемы может стать рефлексивное обучение, организованное в рамках иноязычной подготовки будущих инженеров. Представленное исследование направлено на определение эффективности данного вида обучения с точки зрения формирования иноязычной профессиональной компетентности и личностных качеств студентов. В ходе исследования были организованы однородные группы студентов: экспериментальные и контрольные. Языковая подготовка у студентов экспериментальных групп была построена с использованием принципов рефлексивного обучения и интеграцией аудиторной и внеаудиторной работы. Предметно-коммуникативная деятельность в аудитории была нацелена на приобретение знаний через систему принятых решений. Самостоятельная работа предполагала участие в интерактивных мероприятиях, в ходе которых студенты рефлексировали процесс и результат своей деятельности. Анализ результатов самооценки студентов после трех интерактивных мероприятий показал у них рост языковых знаний и увеличение степени развития речевых умений. Большинство респондентов экспериментальных групп отметили улучшение качеств, профессионально значимых для будущей карьеры. С обязательными промежуточными и итоговыми заданиями лучше справились студенты экспериментальных групп. Рефлексивное обучение иностранному языку положительно влияет на развитие языковой личности студентов. Итогом такого обучения является психологическая готовность будущих инженеров к успешной иноязычной профессиональной коммуникации в межкультурном пространстве.

Ключевые слова: языковая личность; рефлексивное обучение; интерактивные методы; иностранный язык; технический университет; внеаудиторная работа.

Developing the Linguistic Persona of Students at Technical Universities through Reflective Foreign Language Learning

Ekaterina P. Ponomarenko

M. T. Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia

The problem of developing the linguistic persona of students at technical universities has not lost its relevance, and one of the more promising solutions could be found in reflective learning organized within the framework of foreign language training for future engineers. This study seeks to determine the effectiveness of reflective learning in terms of contributing to students' professionally oriented foreign language competence as well as certain personal qualities and soft skills. In the course of the research, we organized several homogeneous groups of students, experimental groups and control groups, building the language training of the students in the experimental groups on the principles of reflective learning and integration of in-class and out-of-class work. In these groups, the content and communicative activities were designed in such a way that students acquired knowledge and skills through a system of decision-making processes. Independent work involved participation in interactive activities, during which students reflected on the process and the result of their activities. The analysis of the students' self-assessment results after three interactive activities showed that they had increased their knowledge of the language and improved their speaking skills. Most of the respondents in the experimental groups also noted an improvement in a number of qualities and soft skills that would be professionally significant for their future careers. The students in the experimental groups coped better with mandatory tests and final tasks. Thus reflective learning of a foreign language has a positive influence on the development of students' linguistic persona, and one of the results of such learning would be better psychological preparedness of future engineers for successful cross-cultural communication.

Key words: linguistic persona; reflexive learning; methods of interactive learning; foreign language; technical university; out-of-class work.

1. Введение

Становление языковой личности будущего инженера, который бы обладал иноязычной коммуникативной компетенцией на высоком уровне, остается актуальной проблемой в рамках языковой подготовки в техническом университете. Возможными причинами, почему выпускники не готовы к полноценной межкультурной профессиональной коммуникации, являются отсутствие личностных и ценностно-смысловых ориентаций, необходимых для осознания возможностей иностранного языка как предмета обучения и качественного овладения им, а также пассивность в процессе изучения иностранного языка, организованного без учета лингвистических, когнитивных и психологических особенностей студентов.

Учитывая сокращение количества часов в пользу профильных технических дисциплин, методическим выходом из сложившейся ситуации может стать применение такого обучения, которое позволяет наряду с обязательным выполнением требований программы по иностранному языку

обеспечить интеграцию аудиторной и внеаудиторной работы с учетом реальных учебных потребностей студентов и их языковых возможностей. С целью повышения эффективности формирования иноязычной профессиональной компетентности целесообразно, чтобы учебная деятельность, в том числе самостоятельная, позволяла студентам проявлять себя творчески и характеризовалась интерактивностью, а также способствовала преодолению студентами коммуникативного барьера. Для осознания осуществляемой деятельности и анализа своих результатов важно, чтобы неотъемлемым компонентом образовательного процесса стала рефлексия обучающихся, которая может стать мощным стимулом, обеспечивающим у них высокий уровень мыслительной активности. Рефлексируя, студенты способны к систематической самоорганизации и саморегуляции своего процесса обучения.

Целью нашего исследования стало определение эффективности рефлексивного обучения, направленного на развитие языковой личности студентов начальных курсов, обучающихся по программам бакалавриата в техническом университете. Задачами являлись развитие иноязычных компетенций и профессионально значимых качеств личности будущих инженеров с использованием интерактивных методов обучения, используемых в ходе аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы и предусматривающих рефлексию студентов.

Феномен рефлексии не теряет своей актуальности в педагогике в настоящее время. Основные функции и виды рефлексии определены в работах Б. Г. Ананьева (Ананьев 1980), С. Л. Рубинштейна (Рубинштейн 2002), А. Н. Леонтьева (Леонтьев 2005). Центральным выводом отечественных исследователей стало определение того, что рефлексия является структурным компонентом деятельности.

Проблемы организации рефлексивных процессов, описанные в психологических статьях (Слободчикова 1986; Степанов, Семенов 1986), стали фундаментом для решения широкого спектра сложных практических задач, в том числе в дидактике. Было показано, что проблема рефлексии может изучаться в разных контекстах, которые следует учитывать при решении исследовательских задач. Так, В. И. Слободчиков, выделил следующие три области, в которых феномен рефлексии присутствует: структура теоретического мышления; процесс коммуникации и кооперации; развитие самосознания личности при обучении и воспитании (Слободчиков 1986: 12).

Анализ более поздних научно-исследовательских работ, посвященных рефлексивному подходу в обучении, показал, что потенциал рефлексивной деятельности может быть использован в процессе обучения

(Алмабекова 2012, 2013; Теплоухова 2016; Ушева 2018). Связующим элементом существующих исследований является акцент на возможности развития активного отношения студентов к процессу познания через их рефлексию (Шаров 2008; Барышева 2011; Голубева 2011; Аниканов 2015; Ушева 2018).

Согласно западным исследователям, рефлексивное обучение способствует развитию критического мышления у студентов, осознанию своих способностей, академических интересов и потребностей, определению ценности обучения, а также благотворно влияет на формирование ключевых навыков, необходимых для самостоятельного получения знаний с целью применения их в профессиональной деятельности в будущем (Colomer, Pallisera, Fullana, Burriel, Fernández 2013; Vubnys 2014).

Процесс обучения иностранному языку может стимулировать развитие рефлексии студентов (Алмабекова 2012; Свиридова 2015; Коршунова 2016; Лозовой 2017; Хафизова 2018). Одними из необходимых условий для этого считаются:

- активизация мышления благодаря включению в учебный процесс проблемных заданий, с одной стороны, отвечающих требованиям учебного плана, а с другой, — удовлетворяющих познавательные потребности студентов;

- формирование субъект-субъектных взаимодействий в диаде «преподаватель — студент»;

- создание благоприятного климата и атмосферы доброжелательности;

- установка достаточно высокой планки требований к студенту (Алмабекова 2013: 17).

Поскольку обучение иностранному языку предполагает работу с иноязычными текстами, студенты знакомятся с «языковыми смыслами», они учатся «разбираться в связях слов, понятий, инференций, имплицитных смыслов и коммуникативных установок» (Ковригина 2016: 50), которые также способствуют развитию у них рефлексивного мышления. Данный тип мышления относится к когнитивным навыкам высокого порядка — (*higher-order thinking (HOTS)*), который влияет на обучаемость студентов, выбираемые ими стратегии обучения и процессы принятия решения (Gómez-Barreto, Merino-Tejedor, Sánchez-Santamaría 2020: 2).

В исследованиях, посвященных когнитивным вопросам в педагогике, вместо рефлексии используется более узкое понятие «метапознание» (Голубева 2011: 79), под которым понимается способность к познанию

самого себя, самооценке и осознанию своей познавательной сферы (Dehaene 2020: 45). Метапознание, обеспечивающее саморегуляцию поведения, позволяет обучающему планировать, организовывать и оценивать свою учебную деятельность (Williamson 2015: 26).

Для активизации мыслительной и практической деятельности в процессе обучения иностранному языку предлагается использовать интерактивные методы (Гущин 2012: 2). Пассивный студент мало чему обучится, так как процесс научения предполагает наличие внутренней мотивации и активное вовлечение обучающегося в учебную деятельность (Alzahrani 2018).

Интерактивные методы обучения, побуждающие к активному общению, создают условия для рефлексии своих поступков и образа «Я» через механизмы коммуникации, и, как следствие, для более эффективного взаимодействия. Коммуникативная деятельность невозможна без рефлексии, которая связывает новые образы с личным опытом языковой личности.

Для нашего исследования большой интерес представляет концепция рефлексии Г. И. Богина, которая может быть сведена к трем важным положениям (Богин 2001). Во-первых, понимание как одна из центральных категорий рефлексии позволяет развивать личность студента. Во-вторых, знание не всегда тождественно пониманию, а процесс познания предполагает не только освоение определенных знаний и принятия решений, но и способность генерировать гипотезы, формулировать проблемы и рефлексировать. Наконец, рефлексия представляет собой универсальный признак мыслительной активности, способной трансформироваться в другие конструкты, в том числе в понимание, проблематизацию, знания, оценку и чувства языковой личности. Таким образом, если студент способен рефлексировать, то это будет способствовать более качественному пониманию иноязычной текстовой и речевой информации и, следовательно, содействовать развитию языковой личности.

2. Материалы и методы исследования

2.1. Методы

Для решения задач исследования были использованы следующие методы: теоретические методы (анализ психолого-педагогической и методической литературы), эмпирические методы (анкетирование, тестирование, наблюдение) и методы статистической обработки данных (количественный и качественный анализ полученных результатов).

2.2. Описание исследования

В рамках исследования, проведенного в 2017–2018 годах, были сформированы однородные группы студентов: экспериментальные и контрольные. Участниками эксперимента стали студенты таких инженерных направлений подготовки, как 29.03.04 «Технология художественной обработки материалов», 15.03.01 «Машиностроение», 15.03.06 «Мехатроника и робототехника», 23.03.01 «Технология транспортных процессов», 20.03.01 «Техносферная безопасность», обучающиеся в ИжГТУ имени М. Т. Калашникова, с входным языковым уровнем В1. На момент проведения исследования языковые группы формировались согласно результатам входного тестирования по иностранному языку на трех факультетах университета. В процессе языковой подготовки студентов экспериментальных групп были использованы методические принципы рефлексивного обучения с интеграцией аудиторной и внеаудиторной работы.

Деятельность в аудитории в большой степени была ориентирована на приобретение знаний через систему принятий решений, выбираемых из альтернативных вариантов, в ходе выполнения широкого спектра коммуникативных упражнений, направленных на усвоение языкового материала и аспектов речевой деятельности. Предлагаемые студентам речевые ситуации побуждали студентов выбирать свои способы деятельности по следующему сценарию: осознать ситуацию, являющуюся стимулом для развития речевых умений, и самостоятельно выбрать и использовать адекватные языковые средства в соответствии с условиями и обстоятельствами ситуации. Если решение, принимаемое студентами, отличалось от смоделированного преподавателем, то оно становилось творческим. Например, в рамках темы «Материалы и их свойства» студентам было предложено найти в своем окружении предметы, сделанные из разных материалов, сфотографировать и подготовить пост с описанием свойств материалов, используемых для их изготовления. Студенты также рассуждали, как полученные знания о материалах помогают конструкторам / дизайнерам успешно выполнять свою профессиональную деятельность.

Во время внеаудиторной работы, включающей интерактивные мероприятия, деятельность студента подразумевала целую программу, скоординированную в пространстве и времени, необходимую для выполнения поставленных целей. В ходе самостоятельной работы студенты регулярно принимали решения в рамках развернутой программы деятельности. Студенты рефлексировали как процесс, так и результат своей деятельности.

В процессе исследования были организованы следующие интерактивные мероприятия на иностранном языке: квест по университету (1 се-

местр), коммуникативные бои по пройденным темам в рамках учебной программы (2 семестр), конкурс бизнес-портфолио (3 семестр), а также конкурс проектов, предполагающий разработку и представление инновационных идей и способов их реализации в будущей профессиональной деятельности (4 семестр). Участники последних трех мероприятий сделали самооценку динамики языковых навыков и речевых умений, а также развития своих личностных качеств.

Поскольку интерактивные мероприятия проводились только в экспериментальных группах, сравнение с достижениями студентов контрольных групп осуществлялось по результатам промежуточной и итоговой аттестации.

3. Результаты исследования

1. *Коммуникативные бои.* Результаты субъективного восприятия прироста языковых знаний и степени развития речевых умений респондентов свидетельствуют о том, что у них улучшились лексические навыки (50 %) и говорение, продуктивный вид речевой деятельности (58 %). Также улучшилась устная речевая коммуникация: 67 % отметили свои успехи в публичном выступлении, 58 % — в коммуникативности и 58 % считают, что подтянули свои презентационные навыки.

2. *Конкурс бизнес-портфолио.* Практически все студенты (94 %) отметили у себя положительную динамику в отношении всех видов речевой деятельности. Кроме того, 61 % опрошенных считает, что у них улучшились коммуникативные умения, 55 % указали, что у них улучшились навыки публичного выступления, и 33 % респондентов выделили презентационные навыки. Студенты отметили, что у них улучшились мыслительные операции (анализ, синтез и обобщение) (39 %), способность работать в стрессовой ситуации (39 %), творческие способности (33 %), способность ориентироваться на результат (33 %), а также умение выполнять работу в срок (33 %).

3. *Конкурс «Проекты будущего».* Анализ самооценки участников конкурса показывает, что говорение, которое традиционно считается самым неразвитым речевым умением у студентов инженерных направлений, значительно улучшилось более чем у половины респондентов (63,6 %). Участие в конкурсе стало стимулом к говорению, в частности, запустило процесс развития устной спонтанной речи и способствовало преодолению языкового барьера в рамках смоделированной коммуникативной ситуации на иностранном языке. Согласно рефлексии студентов, они смогли развить профессионально-значимые для будущей карьеры личностные качества и

коммуникативные умения и навыки, творческие способности, преодолевая языковые и психологические трудности.

4. *Обязательные промежуточные и итоговые аттестации.* Первая аттестация во всех группах выполнена практически с идентичными баллами, в то время как вторая показала, что студенты в экспериментальных группах справились успешнее (средний балл тестирования в экспериментальной группе выше на 11 %). Следует отметить, что с итоговыми аттестациями справились все студенты в экспериментальных и исследовательских группах (процент не явившихся и не допущенных составляет 7 %). Однако количество сдавших экзамен по иностранному языку на оценки «хорошо» и «отлично» выше в экспериментальных группах по сравнению с контрольными (в среднем на 10 %).

4. Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что рефлексивное обучение в ходе языковой подготовки бакалавров инженерных направлений в техническом университете является эффективным для развития иноязычных компетенций, коммуникативных навыков и личностных качеств у студентов, необходимых им для успешной профессиональной деятельности в будущем.

Рефлексивное обучение предполагает рефлекссию студентов, которая будет проявляться в виде желания осмыслить изучаемый иноязычный материал, обдумать текстовую и речевую информации с перспективой включения ее в систему собственных представлений и проанализировать свое коммуникативное поведение при взаимодействии с другими. Важным итогом данного процесса рефлексии становится психологическая готовность будущих инженеров к успешной иноязычной профессиональной коммуникации в межкультурном пространстве, что позволяет говорить о высоком уровне развития у них языковой личности.

Бесспорно, преподаватель разделяет ответственность со студентом за конечные результаты обучения и знает, как лучше организовать учебную деятельность для достижения поставленных перед ним целей и задач. Однако есть необходимость регулярно получать обратную связь от студентов и осуществлять педагогическую рефлекссию своей профессиональной деятельности, учитывая полученную оценку и внося необходимые коррективы в учебный процесс.

У студентов не всегда достаточно сформирована личностная рефлексия. Тем не менее сам процесс оценивания, в ходе которого происходит обращение внимания студентами на самих себя и на свое мироощущение, будет способствовать развитию у них рефлексивной

компетенции. На наш взгляд, если обучение предполагает процесс и анализ рефлексии студентов относительно тех образовательных аспектов, которые могут быть адаптированы под них с сохранением обязательных требований программы, то и дальнейшее его проектирование с учетом высказанных пожеланий, становится рефлексивным.

Список литературы / References

- Алмабекова О. А. Рефлексивная практика как технология обучения иностранному языку для профессиональных целей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 2 (13). С. 16–20. [Almabekova, Olga A. (2012) *Refleksivnaya praktika kak tekhnologiya obucheniya inostrannomu yazyku dlya professional'nyh celej* (Reflexive Practice as a Foreign Language for Professional Purposes Teaching Technology). *Philology. Theory & Practice*, 2 (12), 16–20. (In Russian)].
- Алмабекова О. А. Рефлексия и коммуникация в обучении английскому языку для профессиональных целей // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 217–217. [Almabekova, Olga A. (2013) *Refleksiya i kommunikaciya v obuchenii anglijskomu yazyku dlya professional'nyh celej* (Reflection and Communication in Teaching English for Professional Purposes). *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* (Modern Problems of Science and Education), 5, 217–217. (In Russian)].
- Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1980. [Ananiev, Boris, G. (1980) *Izbrannye psihologicheskie trudy* (Selected Psychological Works). Moscow: Pedagogika. (In Russian)].
- Аниканов М. В. Стратегии рефлексивного обучения в вузах // Научное обозрение. Педагогические науки. 2015. № 1. С. 47–48. [Anikanov, Maksim.V. (2015) *Strategii refleksivnogo obucheniya v vuzah* (Strategies of Reflexive Training in Higher Educational Institutions). *Science Review*, 1, 47–48. (In Russian)].
- Барышева Т. Д. Рефлексивный подход к развитию профессионального сознания и самосознания будущих педагогов-психологов в условиях модернизации высшей школы // Вестник Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 3. С. 47–50. [Barysheva, Tatyana D. (2011) *Refleksivnyj podhod k razvitiyu professional'nogo soznaniya i samosoznaniya budushchih pedagogov-psihologov v usloviyah modernizacii vysshej shkoly* (Reflective Approach to the Development of Professional Consciousness and Self-awareness of Future Teachers-psychologists to the Conditions of Modernization of Higher Education). *Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, 3, 47–50. (In Russian)].
- Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь: Психология и Бизнес, 2001. [Bogin, Georgiy I. (2001) *Obretenie sposobnosti ponimat': Vvedenie v filologicheskuyu hermenevtiku* (Gaining the Ability to Understand: an Introduction to Philological Hermeneutics). Tver: Psihologiya i Biznes (In Russian)].
- Голубева М. В. Рефлексивное обучение активному отношению к познанию // Образовательные технологии. 2011. № 2. С. 78–86. [Golubeva, Marina V. (2011)

- Refleksivnoe obuchenie aktivnomu odnosheniyu k poznaniyu (Reflexive Learning to the Active Attitude to the Cognition). *Educational Technology*, 2, 78–86. (In Russian)].
- Гущин Ю. В. Интерактивные методы обучения в высшей школе // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 2. 1–18. [Gushchin, Yuriy V. (2012) Interaktivnyye metody obucheniya v vysshej shkole (Interactive Teaching Methods in High School). *Psikhologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka* (Dubna Psychological Journal of International University of Nature, Society and Human Being), 2, 1–18. (In Russian)].
- Ковригина А. И. Когнитивно-рефлексивный подход в обучении иностранным языкам как объективная необходимость современного образования // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 46–54. [Kovrigina, Anna I. (2016) Kognitivno-refleksivnyj podhod v obuchenii inostrannym yazykam kak ob'ektivnaya neobhodimost' sovremennogo obrazovaniya (Cognitive-reflective Approach to Foreign Language Teaching as an Objective Necessity of Modern Education). *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 46–54. (In Russian)].
- Коршунова И. Г. Рефлексивные методики в изучении иностранного языка // Символ науки. 2016. № 4 (3). С. 191–193. [Korshunova, Irina G. (2016) Refleksivnye metodiki v izuchenii inostrannogo yazyka (Reflexive Techniques in Learning a Foreign Language). *Symbol of Science: International Scientific Journal*, 4(3), 191–193. (In Russian)].
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Издательский центр «Академия», 2005. [Leontiev, Alexey N. (2005) *Deyatelnost'. Soznanie. Lichnost'* (Activity. Consciousness. Personality.). Moscow: Akademiya (In Russian)].
- Лозовой А. Ю. Роль рефлексии в процессе обучения иностранным языкам // Образование и наука: современные тренды / гл. ред. О. Н. Широков. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 70–78. [Lozovoj, Alexey Yu. (2017) Rol' refleksii v processe obucheniya inostrannym yazykam (The Role of Reflection in the Process of Teaching Foreign Languages). In Shirokov, Oleg N. (eds.) *Obrazovanie i nauka: sovremennye trendy* (Education and Science: Modern Trends). Cheboksary: TsNS "Interaktiv plus". (In Russian)]. DOI:10.21661/r-468009.
- Слободчиков В. И. О возможных уровнях анализа проблемы рефлексии // Проблемы логики организации рефлексивных процессов: Тез. докл. и сообщ. к науч. мет. конф. 2–4 декабря 1986 г. Новосибирск: НГУ, 1986. С. 12–14. [Slobodchikov, Viktor I. (1986) O vozmozhnyh urovnyah analiza problemy refleksii (Possible Levels of Analysis of the Problem of Reflection). *Problemy logiki organizatsii refleksivnykh protsessov: Tez. dokl. i soobshch. k nauch. met. konf. 2–4 dekabrya 1986 g.* (Problems of the Logic of the Organization of Reflexive Processes: Proceedings of the Scientific and Methodical Conference, 1986, December 2–4). Novosibirsk: NGU, 12–14. (In Russian)].
- Свиридова Е. А. Значение рефлексии и самооценки в изучении иностранных языков // Сибирский торгово-экономический журнал. 2015. № 1 (20). С. 110–113. [Sviridova, Elena A. (2015) Znachenie refleksii i samoocenki v izuchenii inostrannyh yazykov (The Value of Reflection and Self-esteem in Learning Foreign Languages).

- Sibirskij torgovo-ekonomicheskij zhurnal* (Siberian Trade and Economic Journal), 1 (20), 110–113. (In Russian)].
- Степанов С. Ю., Семенов И. Н. Организация и развитие рефлексивных процессов // Проблемы логики организации рефлексивных процессов: Тез. докл. и сообщ. к науч.-мет. конф. 2–4 декабря 1986 г. Новосибирск: НГУ, 1986. С.45–46. [Stepanov, Sergey Yu., & Semenov, Igor N. (1986) Organizaciya i razvitie reflektivnykh processov (Organization and Development of Reflective Processes). *Problemy logiki organizatsii reflektivnykh protsessov: Tez. dokl. i soobshch. k nauch. met. konf. 2–4 dekabrya 1986 g.* (Problems of the Logic of the Organization of Reflective Processes: Proceedings of the Scientific and Methodical Conference, 1986, December 2–4). Novosibirsk: NGU, 45–46. (In Russian)].
- Теплоухова Л. А. Рефлексия в проектной деятельности как средство развития комплекса универсальных учебных действий // Пермский педагогический журнал. 2016. № 8. С. 238–242. [Teploukhova, Larisa A. (2016) Refleksiya v proektnoj deyatel'nosti kak sredstvo razvitiya kompleksa universal'nyh uchebnyh dejstvij (Reflection in Project Activities as a Means of Developing a Set of Universal Educational Actions). *Perm Pedagogical Journal*, 8, 238–242. (In Russian)].
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. [Rubinstein, Sergei L. (2002) *Osnovy obshchej psihologii* (The Principles of General Psychology). Saint Petersburg: Piter. (In Russian)].
- Ушева Т. Ф. Рефлексивное обучение в системе высшего образования Иркутской области // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века: сборник материалов Всероссийской науч.-прак. конф. (17 сентября 2018 г., УрФУ, Екатеринбург). Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. С. 345–349. [Usheva, Tatyana F. (2018) Refleksivnoe obuchenie v sisteme vysshego obrazovaniya Irkutskoj oblasti (Reflective Learning of Higher Education of Irkutsk Region). Proceedings. *Vysshee obrazovanie v rossijskih regionah: vyzovy XXI veka: sbornik materialov Vserossiyskoj nauch.-prak. konf. (17 sentyabrya 2018, Urfu, Ekaterinburg)* (Higher Education in Russian Regions: Challenges of the 21st Century: Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference (UrFU, Ekaterinburg, 2018, September 17). Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 345–349. (In Russian)].
- Хафизова Л. Ю. Рефлексия в обучении взрослых иностранному языку [Электронный ресурс] // Universum: психология и образование. 2018. № 10 (52). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/6433> (дата обращения 27.10.2020). [Khafizova, Leysan Yu. (2018) Refleksiya v obuchenii vzroslyh inostrannomu yazyku (Reflection in Teaching Adult a Foreign Language). *Universum: Psychology and Education*, 10 (52). Retrieved from <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/6433> (In Russian)].
- Шаров А. С. Принципы и методы рефлексивного обучения в вузе // Высшее образование в России. 2008. № 6. С. 110–114. [Sharov Anatolij S. (2008) Principy i metody reflektivnogo obucheniya v vuze (Principles and Methods of Reflexive Teaching in Higher Education Institution). *Higher Education in Russia*, 6, 110–114. (In Russian)].
- Alzahrani, Maha Abdulwahed. (2018) The Learning Experience of International Students in Canada: Progressive Educational Theory and Passive Learning Styles. *English Language Teaching*, 11 (7), 76–85.

- Bubnys, Remigijus. (2014). Reflective Learning as a Prerequisite for Implementing Effective and Student-centred Studies. *New Approaches to Improving Health Care Education: Today and Tomorrow*, 17–27.
- Colomer, Jordi, & Pallisera, Maria, & Fullana, Judit, & Burriel, Marc Pérez, & Fernández, Rosario. (2013) Reflective Learning in Higher Education: A Comparative Analysis. *Procedia: Social and Behavioral Sciences*, 93, 364–370.
- Dehaene, Stanislas. (2020) *How We Learn: Why Brains Learn Better Than Any Machine*. Viking.
- Gómez-Barreto, Isabel M., & Merino-Tejedor, Enrique, & Sánchez-Santamaría, Jose. (2020) University Students' Perspectives on Reflective Learning: Psychometric Properties of the Eight-Cultural-Forces Scale. *Sustainability*, 12 (2), 1–14. DOI: doi.org/10.3390/su12020729.
- Williamson, Genevieve. (2015). Self-regulated Learning: an Overview of Metacognition, Motivation and Behaviour. *Journal of Initial Teacher Inquiry*, 1, 25–27.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-149-155

ДИСКУТИРУЕМЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Т. Н. Федуленкова

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия

Рецензия на кн.: Жуков В. П. **Семантика фразеологических оборотов**. М.: ЛЕНАНД, 2019. 176 с. ISBN 978-5-9710-6118-2.

На полках книжных магазинов недавно появилось второе издание труда видного специалиста по русской фразеологии В. П. Жукова «Семантика фразеологических оборотов», который впервые был опубликован около четырех десятилетий назад. Вне всякого сомнения, этот труд обозначил важную веху в развитии отечественного языкознания, и повторное его издание является вполне своевременным.

Небольшая по объему книга, вышедшая в качестве учебного пособия, по сути своей является монографией, содержание которой представлено тремя главами. Первая глава «Структура фразеологического значения» посвящена таким важным вопросам теории фразеологии, как: а) фразеологическое значение в сопоставлении с лексическим, б) смыслообъединяющие признаки фразеологического значения, в) категориальное значение фразеологизмов, г) оценочное значение фразеологизмов. Во второй главе «Семантическое соотношение компонента фразеологизма со словом» обсуждаются такие дискутируемые проблемы фразеологии (Угарова, Федуленкова, Аверьянова 2016), как: а) проблема несоизмеримости компонента фразеологизма со словом и морфемой, б) семантические свойства компонентов фразеологизма, в) проблема смыслового центра фразеологизма, г) проблема вариативности компонентов фразеологизмов. Третья глава «Парадигматические и синтагматические отношения фразеологизмов» посвящена рассмотрению вопросов синонимичности, многозначности и сочетаемости фразеологизмов.

Во Введении автор предлагает трактовку основных терминов метаязыка фразеологии, без которых было бы затруднительным однозначное понимание замысла автора и основных идей, изложенных в книге.

В первой главе, ставя перед собой цель обосновать особый статус фразеологического значения в ряду языковых значений иного типа, и в первую очередь, лексического, автор предпринимает попытку последовательного разграничения фразеологического и лексического значений. Аргументация этого разграничения строится на утверждении, которое состоит в том, что слова, составляющие фразеологизм, «деактуализируются в семантическом отношении» и утрачивают при этом предметную / денотативную направленность, былую способность расчленяться на дифференциальные семантические признаки, благодаря чему собственное значение компонентов часто невозможно установить (С. 7).

Определяя фразеологическое значение как обобщенно-целостное значение, присущее фразеологизму, автор выявляет его признаки посредством сопоставления различных аспектов фразеологического и лексического значений, а именно:

1) отдельность этимологического значения (в виде внутренней формы ФЕ) от актуального ее значения VS нераздельность / слитность этимологического значения слова с его актуальным значением;

2) немотивированность фразеологизма значениями его компонентов VS мотивированность производного слова значением производящих его морфем;

3) принципиальное равенство компонентов в структуре имплицитных ФЕ с целостным значением (напр.: *выносить сор из избы*) VS большая специализация морфем в структуре слова;

4) образование фразеологического значения посредством слияния понятийного содержания с категориальным значением VS образование лексического значения посредством слияния понятийного содержания со словообразовательным и категориальным значениями.

Фактически рецензируемая работа не обнаруживает целостного определения фразеологического значения: его дефиниция постепенно «собирается» из отдельных «блоков». Этот «сборно-блочный» метод описания фразеологического значения, очевидно, может иметь место в метаязыке лингвистики «в связи с особой сложностью, многоплановостью, многогранностью феномена фразеологического значения» (Эмирова 2020: 43).

В книге обосновывается введение важного понятия *категориального значения ФЕ* (С. 30), которое является составной частью фразеологического значения и представляет собою наиболее обобщенное (абстрагированное (Fedulenkova 2009: 47)) значение предметности, действия, качества, свойственное различным семантико-грамматическим разрядам фразеологизмов: субстантивным, адъективным, адverbиальным, глагольным и др. Постигая сущность категориального значения фразеологизма, автор счита-

ет его разновидностью грамматического значения, объясняя это его способностью содержаться в таких ФЕ, которые семантически не связаны между собой, например: *бить баклуши* (ничего не делать), *биться как рыба об лед* (терпеть крайнюю нужду) и др. При этом автор делает попытку аргументировать соотносительность категориального значения фразеологизма с его номинативной функцией (см. тж. Андреева, Федуленкова 2016).

Способ опосредованного определения категориального значения уместен в случаях невозможности выявить грамматически опорный компонент, сигнализирующий о категориальном значении. В таких случаях автор рекомендует обратиться к синонимичным словам (*куры не клюют* — много).

Актуализацию категориального значения фразеологизма автор связывает с синтагматическим рядом, обнаруживающим своеобразное синтагматическое взаимодействие категориальных значений, включая отношения их взаимной, но не обязательной предсказуемости (С. 33). Автор выдвигает новаторскую идею дифференциации фразеологизмов русского языка на несколько типов в зависимости от характера проявления их категориального значения, акцентируя внимание на возможной его двойственности (напр.: *дешевле пареной репы* — в адъективной либо адвербиальной функции) (С. 34–50).

Важным, на наш взгляд, является тот факт, что в структуре фразеологического содержания категориальному значению отводится вполне самостоятельное место: оно, как утверждает В. П. Жуков, не только дополняет предметно-понятийное значение, но и придает ему характер целостности, завершенности. Кроме того, более глубокий анализ позволяет автору увидеть, что категориальные изменения, как правило, влекут за собой определенные сдвиги самого номинативного значения. Отдельные фразеологизмы, например, *первый сорт* «хороший, превосходный», *кровь с молоком* «здоровый, крепкий», *кожа да кости* «худой, тощий», обретшие свой дискурсивный узус в роли именного сказуемого, постепенно утратили значение предметности и перешли в разряд адъективных фразеологизмов.

Особая роль в монографии отводится оценочному значению фразеологизма (см. тж. Fedulenkova 2013a: 31; Kuzmina, Fedulenkova 2013: 78), которое получает инновационную характеристику автора, как синтаксически ограниченное значение, поскольку, как объясняет автор, оценочное значение наиболее ярко проявляется во фразеологизмах, употребляемых в качестве сказуемого (именного или глагольного с вневременным значением) типа *стреляный воробей*, *живые мощи*, *из молодых да ранних*, *собаку съел*, и т. п. (ср.: Федуленкова 2013: 132; Fedulenkova 2013b).

Автор характеризует оценочность как существенный семантический признак фразеологизма, который оказывает влияние как на номинативные, так и на категориальные его свойства. Автор обращает внимание на обратную пропорциональную связь между оценочным и категориальным значением фразеологизмов, показывая, что усиление оценочности, как правило, заметно сдерживает категориальные (морфологические и синтаксические) свойства фразеологических оборотов.

Существенным для понимания коннотативного аспекта (Fedulenkova 2014: 34) и когерентности фразеологизма (Fedulenkova 2015: 234) является авторское наблюдение, особо подчеркивающее, что «носителем оценочного значения служит фразеологизм в целом, а не отдельные его компоненты, так что в этом смысле оценочное значение является одним из показателей целостности фразеологической единицы» (С. 69).

Во второй главе рассматривается ряд важных вопросов фразеологической семантики, касающихся взаимоотношения фразеологизма со словом. Рассматривая глобальную проблему лингвистики — проблему вариантности — в отношении фразеологии, В. П. Жуков выражает категорическое несогласие с теми учеными, которые рассматривают вариативность компонентов фразеологизма как одну из коренных особенностей ее формы, и настаивает на том, что «вариантность структуры непосредственно зависит от характера мотивировки фразеологизма, от степени семантической спаянности компонентов» (С. 104). Если второй тезис автора о взаимоотношениях вариантности и мотивированности ФЕ можно принять как совершенно справедливый, то первый тезис вызывает глубокие сомнения, поскольку именно показатели вариантности фразеологической единицы учитываются в определении ее лингвистического статуса, то есть тождества ФЕ самой себе (Игнатович, Федулénkova 2017).

Не остается без внимания автора давно дискутируемый в теории фразеологии вопрос о дифференциации фразеологической вариантности и синонимии. Автор настаивает на необходимости учитывать роль внутренней формы в развитии фразеологического значения в процессе отграничения фразеологической синонимии от вариантности. Расхождение внутренней формы между двумя равнозначными фразеологизмами, по мнению В. П. Жукова, является причиной постепенного перерождения вариантов одного и того же фразеологизма в самостоятельные синонимические фразеологизмы, и «между этими крайними случаями существуют промежуточные эволюционирующие явления» (С. 108), которые иллюстрируются следующими фразеологизмами: *стоять на задних лапках* и *ходить на задних лапках*, *медведь на ухо наступил* и *слон на ухо наступил*, *седьмая вода на киселе* и *десятая вода на киселе* и др.

На наш взгляд, дивергенция внутренней формы фразеологизма, ее расщепление провоцирует лишь развитие вариантности: сколько бы не появилось глагольных, анималистических, нумеративных или каких-либо других лексических вариантов в таких фразеологизмах, к рождению синонимического ряда это не приведет, так как инвариант фразеологизма (то есть константная часть его внутренней формы) будет сохранен, и, следовательно, будет сохранена его идентичность как языковой единицы (Федуленкова 2020: 83).

Интересные для современного читателя вопросы поднимаются и в третьей главе монографии. Рассматривая парадигматические и синтагматические отношения фразеологизмов, автор характеризует первые как отношения языковых единиц однородного порядка (т. е. фразеологизмов) и вторые — как отношения языковых единиц неоднородного, хотя и родственного, порядка (т. е. фразеологизм и слово). При этом автор подчеркивает, что синтагматический ряд служит наиболее «достоверным<...> языковым средством реализации, актуализации тех признаков и функций, которые содержатся во взаимодействующих единицах на парадигматической оси» (С. 115).

Инновационным является заявление В. П. Жукова о составе семантической парадигмы в сфере фразеологии, в которую он включает: а) ряды фразеологических вариантов, б) ряды фразеологических синонимов и антонимов, в) ряды значений многозначного фразеологизма, г) тематические ряды фразеологизмов и др. Автор предлагает также определение фразеологическим синонимам, выявляет ряд показателей фразеологической многозначности (С. 125–127), указывает на факторы, сдерживающие проявление многозначности фразеологизмов. Затрагивая вопросы синтагматических отношений фразеологизмов, В. П. Жуков делает важное замечание о том, что «компоненты фразеологизма не являются контекстообразующими единицами языка» (С. 135).

В целом рецензируемая монография, представляющая фразеологическую концепцию В. П. Жукова, полна неординарных наблюдений, трактовок и выводов, порою неоднозначных и дискутируемых, и тем самым привлекающих внимание современного исследователя фразеологии, будоражащих его творческую мысль, ведущих к размышлениям, к новым творческим поискам и решениям.

Данная книга рекомендуется будущим учителям русского языка и будет также полезна филологам разных специальностей, преподавателям вузов, аспирантам, исследователям в области фразеологии других языков.

Список литературы / References

- Андреева Н. А., Федуленкова Т. Н. Особенности номинации в фразеологии [Электронный ресурс] // English Phraseology: Modern Tendencies: Материалы VIII Международ. студ. электрон. науч. конф. «Студенческий научный форум — 2016». URL: <http://scienceforum.ru/2016/1468/24310>. [Andreeva, Natalia A., Fedulenkova, Tatiana N. (2016) Osobennosti nominacii v frazeologii (Features of the Nomination in Phraseology). *English Phraseology: Modern Tendencies: Materialy VIII Mezhdunarod. stud. elektron. nauch. konf. «Studencheskij nauchnyj forum — 2016»* (Proceedings of the 8th International Stud. Electron. Scientific Conference “Students’ Scientific Forum — 2016”). Retrieved from <http://scienceforum.ru/2016/1468/24310>. (In Russian)].
- Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М.: ЛЕНАНД, 2019. [Zhukov, Vlas P. (2019) *Semantika frazeologicheskikh oborotov* (Semantics of Phraseological Expressions). Moscow: LENAND. (In Russian)].
- Игнатович Я. П., Федуленкова Т. Н. Вариант фразеологической единицы как показатель ее тождества (на материале фразеологии с компонентом – глаголом отчуждения) // Язык и культура. 2017. № 37. С. 35–47. [Ignatovich, Yana P., Fedulenkova, Tatiana N. (2017) Variant frazeologicheskoy edinicy kak pokazatel’ ee tozhdestva (na materiale frazeologii s komponentom — glagolom otchuzhdeniya) (Variant of the Phraseological Unit as an Indicator of Its Identity (on the Material of Phraseology with the Component — the Verb of Alienation)). *Yazyk i kul’tura* (Language and Culture), 37, 35–47. (In Russian)].
- Угарова Е. Ю., Федуленкова Т. Н., Аверьянова Н. С. Устоявшиеся и дискутируемые вопросы фразеологического значения [Электронный ресурс] // Проблемы фразеологии: история и современность: Материалы VIII Международ. студ. электрон. науч. конф. «Студенческий научный форум — 2016». URL: <http://www.scienceforum.ru/2016/1469/24371>. [Ugarova, Elena Yu., Fedulenkova, Tatiana N., Aver’yanova, Natalia S. (2016) Ustoyavshiesya i diskutiruemye voprosy frazeologicheskogo znacheniya (Established and Debated Questions of Phraseological Meaning) // *Problemy frazeologii: istoriya i sovremennost’: Materialy VIII Mezhdunarod. stud. elektron. nauch. konf. «Studencheskij nauchnyj forum — 2016»* (Problems of phraseology: history and modernity: Proceedings of the 8th International. Stud. Electron. Scientific Conference “Students’ Scientific Forum — 2016”). Retrieved from <http://www.scienceforum.ru/2016/1469/24371>. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н. Английские фразеологические единицы: коннотативный аспект // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: Материалы ежегод. международ. науч. конф. 1–2 февраля 2013 г. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. С. 132–139. [Fedulenkova, Tatiana N. (2013) Anglijskie frazeologicheskie edinicy: konnotativnyj aspekt (English Phraseological Units: Connotative Aspect). *Aktual’nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki: Materialy ezhegod. mezhdunarod. nauch. konf. 1–2 fevralya 2013 g.* (Current Problems of German, Roman and Russian Studies: Proceedings of Yearly International Scientific Conf. February 1–2, 2013). Ekaterinburg: UrGPU, 132–139. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н. Развитие вариантности фразеологии библейской этимологии // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6. № 2. С. 83–96. [Fedulenkova, Tatiana N. (2020) Razvitie variantnosti frazeologii

- biblejskoj etimologii (Development of Variability in the Phraseology of Biblical Etymology). *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki* (Scientific Result. Questions of Theoretical and Applied Linguistics), v. 6, 2, 83–96. (In Russian)].
- Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении: монография. Симферополь: ООО «Научный мир», 2020. [Emirova, Adile M. (2020) *Russkaya frazeologiya v kommunikativno-pragmaticheskom osveshchenii: monografiya*. (Russian Phraseology in Communicative-Pragmatic Coverage: Monograph). Simferopol': ООО «Nauchnyj mir». (In Russian)].
- Fedulenkova, Tatiana. (2009) Phraseological Abstraction. In Tatiana Fedulenkova (ed.) *Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9*, Aarhus, 22–26 August 2008. Arkhangelsk: SOLTI; Aarhus: Universitas Arhusiensis, 42–54.
- Fedulenkova, Tatiana. (2013b). Two Basic Components of the Connotative Aspect in Phraseological Units (as Seen by A. V. Kunin and His Disciples). In Anna Zholobova, Albina Kaumova, et al (eds). *Phraseology in Multilingual Society: Proceedings of International Phraseological Conference «EUOPHRAS» 19–22 August 2013*. Kazan': Kazansky (Volga Region) Federal University, 141–149.
- Fedulenkova, Tatiana. (2013a) The Component of Emotivity in the Connotative Meaning of Phraseological Units // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: Сб. материалов докладов ежегод. междунаро. науч. конф. 1–2 февраля 2013 года / Под ред. Н. Н. Сергеевой. г. Екатеринбург, УрГПУ. С. 31–32. [Fedulenkova, Tatiana. (2013a) The Component of Emotivity in the Connotative Meaning of Phraseological Units. In Natalia Sergeeva (ed). *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki: Sb. tezisov dokladov ezhegod. mezhdunarod. nauch. konf. 1–2 fevralya 2013 goda* (Current Problems of German Roman and Russian Studies: Proceedings of Yearly International Scientific Conf. February 1–2, 2013). Ekaterinburg: UrGPU, 31–32. (In Russian)].
- Fedulenkova, Tatiana. (2014) Basic Components of the Connotative Aspect in Phraseological Units: (As Seen by A.V. Kunin and his Disciples). In Elena Arsenteva (ed.) *Phraseology in Multilingual Society*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 34–47.
- Fedulenkova, Tatiana. (2015) On the Instantial Use of Phraseological Units. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse by Anita Naciscione, 2010, Amsterdam: John Benjamins. In *European Journal of English Studies*, vol. 19, 2, 234–242.
- Kuzmina, Olga, Fedulenkova, Tatiana. (2013) The Component of Expressivity in Phraseological Connotation // Актуальные проблемы современной науки: Материалы науч. конф. 22–27 апреля 2013 г. «Научная сессия. XV Невские чтения». Санкт-Петербург: Невский ин-т языка и культуры, 78–82. [Kuzmina, Olga & Fedulenkova, Tatiana. (2013) The Component of Expressivity in Phraseological Connotation. *Aktual'nye problemy sovremennoj nauki: Materialy nauch. konf. 22–27 aprelya 2013 g. «Nauchnaya sessiya. XV Nevskie chteniya»*. (In Natalia Ozerova (ed). Current Problems of Modern Science: Proceedings of Scientific Conf. April 22–27, 2013 “Scientific session. XV Nevsky readings.” St. Petersburg: Nevskij in-t yazyka i kul'tury, 78–82.].

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-156-163

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕПРЕХОДЯЩЕЙ АКТУАЛЬНОСТИ

Л. М. Лещева¹, М. А. Гусева², П. С. Куклина²

¹Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Республика Беларусь

²Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Рецензия на кн.: *Федуленкова Т. Н. Фразеология: хрестоматия.* Архангельск: САФУ им. М. В. Ломоносова, 2018. 208 с. ISBN 978-5-7536-0355-6.

Рецензируемая книга содержит одиннадцать глав, посвященных не просто важным, а регулярно и интенсивно обсуждаемым вопросам фразеологии, которые постоянно волнуют специалистов этой области языкознания и которые по праву считаются фразеологическими проблемами непреходящей актуальности.

Первая глава представлена работой А. В. Кунина «Слова-сопроводители и контекст». Отмечая острую дискуссионность природы компонентов фразеологических единиц (ФЕ), автор пытается выяснить статус так называемых «слов-сопроводителей» — термин, введенный В. П. Жуковым для обозначения компонентов ФЕ с буквальным значением, способных функционировать в качестве отдельного члена предложения, как например, во фразеологизмах *знать как свои пять пальцев*, *слышать краем уха*. Ведя полемику с В. П. Жуковым, А. В. Кунин убедительно доказывает, что в языке не существует «слов-сопроводителей» в понимании В. П. Жукова, при этом автор подкрепляет свою аргументацию высказыванием Н. Н. Амосовой о неотделимости таких компонентов («сопроводителей») от фразеологизма, как например, *through one's hat* не употребляется без *to talk*, так же, как и *краем уха* не употребляется без *слышать*.

Основанная на семантико-функциональной доминанте аргументация А. В. Кунина приводит к выводу, что «слова-сопроводители не являются словами свободного употребления, а входят в состав фразеологизмов, т. е. являются их компонентами», и показывает необходимость обращения к дифференцированному подходу к компонентам фразеологизма, к учету разной степени словности компонентов.

Вторая глава представлена работой Г. И. Краморенко «Фразеологические варианты в идиоматике современного немецкого языка» и весьма интересна тем, что привлекает внимание читателя к проблеме понимания и трактовки фразеологических вариантов в области современной немецкой фразеологии.

Отмечая такие качества фразеологических вариантов, как их совпадение по значению, общность в структуре, образе, лексическом составе, с одной стороны, и различия, как правило, в лексическом оформлении одного-двух компонентов ФЕ, с другой стороны, автор тем самым культивирует идею инвариантности и тождества вариантных фразеологизмов, выдвинутую А. В. Куниным и поддержанную другими лингвистами-фразеологами (Федуленкова 2019: 215).

Примечательно, что исследователь обращает внимание на тот факт, что изучение фразеологических вариантов связано с рассмотрением важнейших вопросов фразеологии, а именно: вопросов о путях обогащения, совершенствования и развития фразеологического состава языка, о характере системной связи фразеологических единиц в языке, о соотношении устойчивости и изменчивости во фразеологии. Отмечая преимущественное использование готовых форм, приемов и средств фразеологической вариации, ученый приходит к выводу о ее традиционном характере. По степени сложности автор выявляет два основных типа глагольной вариации: *одноплановую*, или лексико-фразеологическую и семантико-стилистическую вариацию, и *разноплановую*, или лексико-грамматическую вариацию, которые дополняют друг друга.

Третья глава представлена работой А. М. Мелерович «Языковая мотивировка фразеологического значения и фразеологическая абстракция», в которой детально рассматривается идея взаимосвязи этих двух лингвистических категорий, нашедшая свое непосредственное развитие в трудах специалистов по германской фразеологии (Fedulenkova 2009: 42).

Изучая особенности связей целостного значения фразеологической единицы с семантикой словосочетания-прототипа, автор выявляет возможность мотивировки ФЕ двоякого рода: прямой / непосредственной и косвенной / опосредованной. При этом обращаем внимание на тонкое наблюдение автора, которое заключается в утверждении: «у ФЕ, обладающих прямой мотивировкой, внутренняя форма включается в состав фразеологического значения; у ФЕ с косвенной мотивировкой фразеологическое значение и внутренняя форма совпадают лишь в некоторых элементах, находясь в отношении пересечения» (С. 34).

Во внутренней форме ФЕ и языковой мотивировке фразеологического значения А. М. Мелерович видит важнейшие аспекты семасиологиче-

ской связи фразеологического значения с материальной формой ФЕ, а именно: содержательный и формальный аспекты.

Четвертая глава представлена соавторской работой А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко «Знаковый аспект фразеологической семантики», в которой фразеологические единицы рассматриваются как многоярусные семантические структуры, образуемые разнородными элементами, своеобразно преломляющими семантику составляющих ФЕ слов, морфем и синтаксических конструкций.

Авторы призывают к четкому дифференцированию денотатов и сигнификатов языковых знаков: «денотат как предмет мысли, получивший наименование, необходимо отличать его от сигнификата как понятия о предмете мысли» (С. 43).

Дифференциация свободных словосочетаний и предложений, с одной стороны, и фразеологических словосочетаний и предложений, с другой стороны, проводится по критериям:

- а) наличие / отсутствие семантической стабильности,
- б) способность / неспособность выражать кодифицированные понятия,
- в) способность / неспособность значения образования входить в семантическую систему языка,
- г) характер денотата: (а) индивидуальные, субъективные, (б) социально закрепленные, типизированные представления об определенных явлениях.

Авторы убедительно доказывают, что фразеологические единицы соотносятся со своими денотатами через посредство сигнификатов, закрепленных языковым узусом.

Пятая глава представлена работой Н. Л. Шадрина «К понятию дистрибуции фразеологических единиц», в которой автор, прежде всего, предлагает отделить вопрос о дистрибуции ФЕ от вопроса об уровне статуса фразеологии.

Аналогичность дистрибуции слов и ФЕ отрицается автором по двум причинам: а) единицы лексики и фразеологии есть единицы разнорядковые, относящиеся к различным уровням языка; б) дистрибуция фразеологизма, как правило, не совпадает с дистрибуцией ни одного из составляющих его лексических компонентов, когда они воспринимаются как слова свободного употребления.

Принимая во внимание рассуждения А. В. Кунина о дистрибуции ФЕ, Н. Л. Шадрин отмечает, что понятие дистрибуции фразеологических единиц есть более широкое, чем понятие их сочетаемости, так как объем понятия дистрибуции ФЕ включает не только их сочетаемость, но и соот-

несенность, сцепление и присоединение, что позволяет квалифицировать дистрибуцию фразеологизмов как совокупность всех видов их связи с окружающим контекстом.

Шестая глава представлена работой Е. В. Ивановой «Какого цвета пословичная картина мира?», посвященной описанию и сопоставлению концептуализации цвета в английской и русской пословичных картинах мира, образующих важную составляющую культуры — живописи и поэзии, религии и языка. Важность данной работы состоит в дифференциации понятия пословичного когнитивного пространства, лежащего в основе пословичной картины мира, и понятия семантического поля. При описании когнитивного пространства лингвист делает акцент на равномерном учете значения и внутренней формы ФЕ. Ученый видит главную задачу в выявлении отрезков знания, когнитивом, из которых слагаются пословичные концепты и прототипы. По мнению исследователя, установление отношений между носителями семантического материала, в данном случае — пословицами, не является важным. С другой стороны, принципиально важным для анализа семантики пословицы является то, что весь содержательный план внутренней формы пословицы (когнитивный уровень внутренней формы) рассматривается как соотношенный с содержательным планом значения (когнитивным уровнем значения).

Седьмая глава представлена работой Н. Л. Шадрина «Фразеологизм и вопрос о единице перевода» и важна тем, что в науке нет единого подхода даже к основным принципам выделения единицы перевода. Применительно к фразеологии это означает, что ее единицы могут считаться единицами перевода вне зависимости от того, выделяется она в самостоятельный языковой уровень или не выделяется.

Отсюда ясно, что учитывать соотношение двух языков при рассмотрении вопроса о фразеологизмах как единицах перевода невозможно, и выделение таких единиц должно производиться только в тексте оригинала. Эти рассуждения приводят автора к выводу о том, что выделение единиц перевода следует проводить не по формальному, а по функциональному принципу: подлежат передаче элементы оригинала, имеющие собственную семантическую или стилистическую функцию, сохранение которой важно с точки зрения полноценности перевода. Таким образом, единица перевода — это такой фрагмент исходного текста, который обладает собственной семантико-стилистической значимостью, и потому подлежит воспроизведению в тексте на другом языке с целью достижения общей адекватности этого текста оригиналу. Из этого определения следует, что единица перевода является не лингвистической или прагматико-лингвистической, а собственно переводческой величиной.

Восьмая глава представлена работой И. С. Хостай «Системно-функциональные характеристики фразеологических единиц библейского происхождения в английском языке». Оригинальность этой работы заключается, прежде всего, в отборе материала исследования. Для этого используется атрибуционная методика (С. 87), что позволяет извлечь из фразеологических словарей, справочников, словарей пословиц и цитат фразеологические единицы библейского происхождения наряду с их вариантами. Инновационная процедура этой методики — это процедура атетезы, суть которой состоит в «отведении» от первоисточника ложно приписываемых ему библейских фразеологизмов. Эта процедура позволяет автору выявить случаи фиксирования словарями так называемых «ложных» библеизмов, т. е. фразеологических единиц, употребление прототипов которых зафиксировано в более ранних источниках, чем Библия, хотя широко известными они стали лишь благодаря употреблению именно в тексте Библии. К таким ложным библеизмам относятся, например: *chastise smb with scorpions* — «сурово наказывать кого-либо», «терзать», *as clear as crystal* — «чистый, как стекло», «кристально чистый» и некоторые др.

Данная работа также интересна своей трактовкой библейской символики, нормативно закрепленной в современном английском фразеоконе.

Девятая глава представлена работой Е. Ф. Арсентьевой «Критический анализ русско-английских фразеологических словарей», которая носит в основном описательный характер. Автор показывает, что «каждый из перечисленных словарей обладает своими достоинствами и недостатками в большей или меньшей степени, каждый из словарей имеет свои особенности презентации фразеологического материала, построения словарной статьи, системы помет» (С. 103).

Десятая глава представлена работой Т. Н. Федуленковой «Фразеология и типология», в которой дается краткий экскурс в историю становления фразеологии и типологии как отраслей лингвистической науки, инициированных великими Учителями автора — проф. В. Д. Аракиным (1979: 5–35) и проф. А. В. Куниным (1970: 37–48). Автор ставит вопрос о типологической релевантности фразеологии и необходимости научного обоснования сопоставительно-типологической фразеологии как одного из перспективных направлений современной лингвистики. «Многоаспектность инвариантности фразеологической единицы, — пишет Т. Н. Федуленкова, — делает ее типологически релевантной, т. к. дает возможность наблюдать особенности важнейших внутрисистемных иерархических отношений в пределах одной фразеологической единицы и устанавливать типы этих отношений на межъязыковом уровне» (Федуленкова 2018: 16).

Решая проблему отбора типологических признаков, автор подмечает, что особенности приложения сопоставительного анализа к фразеологии определяются прежде всего генетической, структурной и функциональной вторичностью фразеологической системы и единиц, ее составляющих. Являясь языковыми знаками вторичной номинации, фразеологические единицы базируются на «иноуровневых» средствах, в основном лексических и грамматических, и строятся на них. Принимая во внимание такие особенности фразеологической номинации, как опосредованность, многоплановость, аппроксимативность, автор предлагает в сопоставительно-типологическом анализе фразеологии ориентироваться на ряд явных типологических признаков ФЕ, а именно: а) структурная организация ФЕ, б) специфика лексических компонентов ФЕ, в) тип зависимости компонентов ФЕ, в) характер устойчивости ФЕ, г) соотношение семного состава компонента со значением ФЕ, д) механизм семантической трансформации прототипа ФЕ, е) уровень фразеологической абстракции ФЕ и некоторые др. (С. 127).

Одиннадцатая глава представлена работой В. Н. Телии «Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры», которая открывает окно в новую область лингвистического исследования — в семиотику лингвокультурологии, в связи с чем автор предлагает уточнение тех *методологических предпосылок*, на основе которых может быть разработан *метаязык лингво-культурологического анализа*, утверждая, что «концептуальное содержание этого метаязыка должно обеспечить возможность оперировать данными взаимодействия двух разных предметных областей — культуры и естественного языка — *на единой методологической основе*». Возможность такого единства видится автору «в *семиотической* презентации данных этого взаимодействия, рассматриваемого с учетом когнитивного содержания этих ментальных процедур, результатом которых и являются *культурно оязыковленные* ментальные структуры, выражаемые средствами фразеологии» (С. 132).

Эта инновационная идея В. Н. Телии дает основание рассматривать культуру в семиотическом аспекте как *особый язык*, знаковое содержание которого отражено «в панхронической совокупности ее *кодов*, отраженных в *тезаурусах* предметно и хронотипически разнообразных *текстов*». Наслаиваясь друг на друга, эти тексты образуют целостное *интертекстуальное* культурное пространство, в котором... «прочерчены линии смысловых сдвигов» (С. 135).

Семиотический подход к рассмотрению феномена культуры создает предпосылки для анализа взаимодействия ее «языка» с естественным язы-

ком на едином методологическом основании. Величие заслуги В. Н. Телии состоит в постановке вопроса о необходимости разработки такого семиотически ориентированного метаязыка — одной «из насущных и, одновременно, сложнейших проблем лингвокультурологии», что положило начало знаменитой Московской школе лингвокультурологического анализа фразеологизмов (Маслова 2008: 130).

Итак, в рецензируемой книге представлены наиболее содержательные работы в области современной фразеологии, принадлежащие перу известных российских лингвистов и способные дать краткое и, по возможности, полное представление о разработке основных животрепещущих проблем в истории отечественной фразеологии как отрасли языкознания. Отмечающая основные вехи в истории развития фразеологической науки, данная книга может быть адресована специалистам по общей и сопоставительной фразеологии, а также может послужить пособием для студентов филологических факультетов в качестве настольной книги молодого лингвиста.

Список литературы / References

- Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л.: Просвещение, 1979. [Arakin, Vladimir D. (1979) *Sravnitel'naya tipologiya anglijskogo i russkogo yazykov* (Comparative Typology of English and Russian). Leningrad: Prosveshchenie. (In Russian)].
- Кунин А. В. Английская фразеология: Теоретический курс. М.: Высш. шк., 1970. [Kunin, Aleksander V. (1970) *Anglijskaya frazeologiya: Teoreticheskij kurs* (English Phraseology: Theoretical Course). Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russian)].
- Маслова В. А. Современные направления в лингвистике. М.: Академия, 2008. [Maslova, Valentina A. (2008) *Sovremennye napravleniya v lingvistike*. (Modern Tendencies in Linguistics). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н. Вариантность английских фразеологизмов с компонентом *get* в основных структурных моделях // Теоретическая и прикладная лингвистика: науч. журнал Амурского гос. университета. 2019. № 5 (3). С. 215–227. [Fedulenkova, Tatiana N. (2019) Variantnost' anglijskih frazeologizmov s komponentom get v osnovnyh strukturnyh modelyah (The Variability of English Phraseologisms with the Component 'get' in the Main Structural Models). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika: nauch. zhurnal Amurskogo gos. universiteta* (Theoretical and Applied Linguistics: Scientific Journal of Amur State University), 5 (3), 215–227. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков. М.: Изд. Дом Академии Естествознания, 2018. [Fedulenkova, Tatiana N. (2018) *Sopostavitel'naya frazeologiya anglijskogo, nemeckogo i shvedskogo yazykov* (Comparative Phraseology of English, German and Swedish). Moscow: Izd. Dom Akademii Estestvoznaniya. (In Russian)].

Fedulenkova, Tatiana. (2009) Phraseological Abstraction. *Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology*: ESSE-9, Aarhus, 22–26 August 2008. In Tatiana Fedulenkova (ed.). Arkhangelsk: SOLTI; Aarhus: Universitas Arhusiensis, 42–54.

ХРОНИКА

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПЕРЕВОДА

(грант РФФИ 20-013-00149 А)

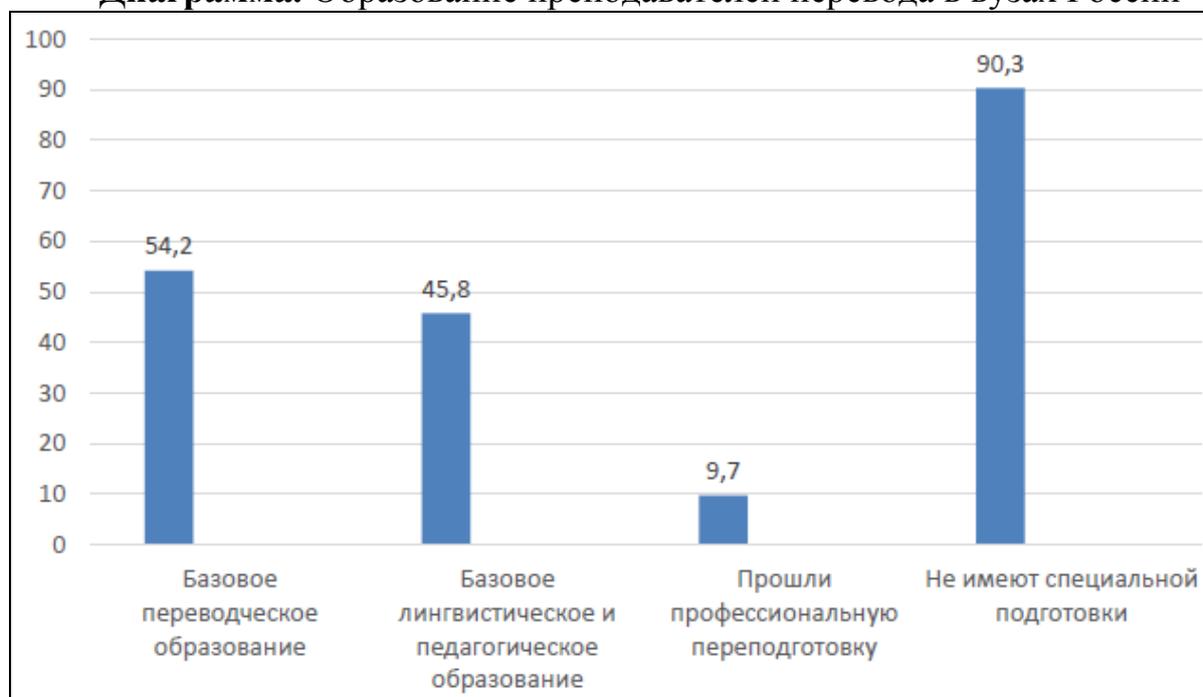
Проект «Основные принципы подготовки преподавателей перевода» реализуется исследовательским коллективом, в состав которого входят преподаватели Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Проект, рассчитанный на два года, предполагает разработку методологических и методических принципов подготовки преподавателей перевода в вузах Российской Федерации и имеет целью расширение методически обоснованной дидактической базы подготовки профессиональных переводчиков, повышение научного и научно-методического уровня преподавателей перевода, формирование условий, необходимых для практического внедрения упомянутых принципов в деятельности вузов, осуществляющих профессиональную подготовку переводчиков.

В 2020 г. в рамках реализации первого этапа проекта была научно обоснована необходимость создания отсутствующей в настоящее время как в России, так и за рубежом системы целенаправленной подготовки преподавателей перевода. Отсутствие такой системы, в рамках которой может и должна быть создана общая модель компетенций преподавателей перевода, оказывает негативное влияние на качество подготовки переводческих кадров.

На первом этапе было проведено анкетирование преподавателей перевода. В анкетировании приняли участие 118 человек, представляющих разные вузы Российской Федерации. В ходе анкетирования были дифференцированы категории преподавателей на основе таких параметров как образование по диплому, наличие профильной переподготовки, возрастной ценз, стаж преподавательской работы, практическая способность осуществлять тот или иной вид перевода, рабочий язык, форма учебных занятий по переводу, виды преподаваемого перевода и др. Анализ полученных данных позволил установить, что базовое переводческое образование имеют 54,2 % преподавателей, а 45,8 % — педагогическое и филологическое. Первые никогда не обучались дисциплинам психолого-педагогического цикла, вторые — переводу и переводоведению. При этом 90,3 % респондентов не обучались преподаванию перевода, хотя значительная их часть проходила курсы повышения квалификации в качестве преподавателей перевода, из чего следует, что краткосрочные курсы повышения квалифика-

ции остаются пока единственной, хотя и недостаточно эффективной формой подготовки преподавателей перевода. Результаты анкетирования и их общий анализ представлены в двух статьях.

Диаграмма. Образование преподавателей перевода в вузах России

В ходе реализации проекта была разработана модель компетенций преподавателя перевода, обоснована необходимость владения преподавателями перевода определенными базовыми компетенциями. Результаты изложены в 7 публикациях. В самом общем виде компетентностная модель выглядит следующим образом.

С учетом полученных результатов предложены две возможные модели системной подготовки преподавателей перевода: 1) долгосрочные курсы повышения квалификации (не менее 500–550 академических часов); 2) образовательные программы уровня магистратуры. В обоих случаях со-

держание обучения различается для лиц, имеющих базовое переводческое образование, и для лиц, такого образования не имеющих. При обучении лиц, входящих в первую категорию, особое внимание должно уделяться обучению педагогическим и психологическим аспектам преподавания, общей дидактике и дидактике перевода; при обучении лиц, входящих во вторую категорию, — теории перевода и дидактике перевода. Обе категории обучающихся также проходят экстенсивный курс практики перевода. Предложенные форматы подготовки преподавателей перевода описаны в статье, принятой в печать.

Результаты проведенного исследования представлены членами исследовательского коллектива на 6 международных и общероссийских научных конференциях. Исполнителями проекта было сделано 17 докладов, опубликовано 12 статей и тезисов докладов, включая две статьи, опубликованные в журналах, входящих в реферативную базу Web of Science, 1 статью в журнале, входящем в перечень ВАК РФ. Прочие публикации включены в реферативную базу РИНЦ.

В целом на первом этапе реализации проекта:

- 1) обоснована необходимость решения проблемы системной подготовки преподавателей перевода;
- 2) определены компетенции, необходимые преподавателю перевода, и разработана общая модель компетенций преподавателей перевода;
- 3) разработаны возможные форматы системной подготовки преподавателей перевода.

Второй этап реализации проекта предполагает разработку методических материалов, нацеленных на формирование профессиональных компетенций преподавателя перевода, апробацию подготовленных методических материалов для формирования профессиональных компетенций преподавателя перевода в форме круглого стола в рамках Международной научной конференции «Проблемы теории, практики и дидактики перевода» (НГЛУ, май 2021 г.), разработку структуры и содержания программы профессиональной переподготовки «Преподаватель перевода», частичную апробацию программы профессиональной переподготовки преподавателей перевода в форме курса повышения квалификации преподавателей перевода, патентование методических материалов, подготовленных и апробированных в ходе реализации мероприятий по гранту, публикацию статей и иных информационных материалов по итогам второго года реализации проекта в журналах, входящих в реферативные базы Web of Science, Scopus, РИНЦ и др.

А. В. Иванов, О. В. Петрова, В. В. Сдобников

**НАУЧНОМУ ЖУРНАЛУ НГЛУ
«ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» 15 ЛЕТ**

В 2006 году начал свою жизнь научный журнал «Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности», имевший тогда статус сборника статей. Инициатором его создания в рамках Лаборатории социопсихолингвистических исследований Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова был декан филологического факультета кандидат филологических наук, доцент Г. В. Глинских, главным редактором — доктор филологических наук, профессор Т. Н. Синеокова.

В 2012 году сборник получает официальный статус научного журнала и ему присваивается Международный стандартный номер сериального издания (ISSN) для печатной версии. С 2019 года журнал становится рецензируемым научным изданием и получает ISSN для электронной версии. Все номера журнала с 2006 года размещаются на сайте НГЛУ и на сайте Научной электронной библиотеки (<http://elibrary.ru>). Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования). Статьи авторов проходят проверку на наличие дублирования и заимствований в системе «Антиплагиат». По данным портала eLIBRARY.RU, на сегодняшний день среднее количество статей в выпуске — 28, а среднее количество страниц — 212.

Если первый выпуск сборника являлся платформой для научного обсуждения исследований, проводимых в рамках проблематики лаборатории, в дальнейшем, когда он получает статус периодического научного издания, постепенно расширяется и круг обсуждаемых проблем, и география авторов статей.

За прошедшие годы в работе журнала принимали участие исследователи из Барнаула, Белгорода, Владикавказа, Волгограда, Грозного, Ижевска, Кемерово, Курска, Москвы, Нижнего Новгорода, Омска, Оренбурга, Орла, Павлодара, Пензы, Пятигорска, Нальчика, Оренбурга, Ростова, Ростова-на-Дону, Самары, Санкт-Петербурга, Саранска, Ставрополя, Тамбова, Тольятти, Тюмени, Челябинска, Уфы.

В настоящее время журнал включает восемь тематических рубрик: «Лингвистика», «Переводоведение», «Межкультурная коммуникация», «Литературоведение», «Лингводидактика», «Научные обзоры», «Рецензии», «Хроника событий». На его страницах публикуются результаты научных исследований, посвященных широкому кругу теоретических и прикладных проблем в области собственно лингвистики, психолингвистики,

когнитивной лингвистики, социолингвистики, эмотиологии, лингвокриминалистики, теории и практики перевода, литературы, теории межкультурной коммуникации, лингводидактики.

Большую поддержку журналу уже со второго его выпуска оказал доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации *В. И. Шаховский*, основатель и руководитель научной школы лингвистики эмоций. В. И. Шаховский включён в список топ-100 самых цитируемых российских ученых на основе данных Российского индекса научного цитирования в разделе «Языкознание» в 2016 и 2017 гг. В журнале «Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности» в разные годы опубликовано шесть его статей, посвященных актуальным вопросам проблемы эмотивности языка, речи и текста: «Какими словами оплодотворяют людей российские СМИ?», «Энергетическая мощь эмоций и дискурсивные нормы», «Эмоции человека: от лингвистики до семиотики», «Экспрессивность языка как проблема научающей коммуникации», «Мат в аспекте эмотивной лингвозоологии», «Семантика и семиотика оскорбления в конфликтной коммуникативной ситуации». Регулярно публикуют статьи в журнале ученики и коллеги В. И. Шаховского.

Редколлегия благодарна доктору филологических наук *К. И. Бриневу* (Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул) за ценные советы, которые способствовали продвижению журнала, включению его в систему РИНЦ, присвоению ему ISSN и т. д. Как специалист в области юридической лингвистики и судебной лингвистической экспертизы К. И. Бринева опубликовал на страницах журнала целый ряд статей по данной проблематике.

Представленные в журнале статьи доктора филологических наук, профессора Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина *Л. В. Бабиной*, специализирующейся в области когнитивного словообразования, посвящены когнитивно-дискурсивному аспекту изучения производных слов, а также семантике и функционированию цветообозначений в современном английском языке.

Серия статей опубликована доктором филологических наук, профессором *Е. Б. Борисовой* (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара), ее коллегами и учениками. Так, например, в соавторстве с доктором культурологии, профессором *М. А. Кулинич* издана статья «Интертекстуальность английского поэтического заголовка и проблема перевода». Специальной областью научных изысканий школы Е. Б. Борисовой является лингвопоэтика и филологические основы изучения образа персонажа в английской литературе.

В журнале представлена серия статей доктора филологических наук, профессора Челябинского государственного университета *Е. И. Головановой*, а также ее учеников. Сферой научных интересов Е. И. Головановой являются когнитивная лингвистика, когнитивное терминоведение, терминография, теория профессиональной номинации и коммуникации, проблемы изучения профессиональной языковой личности и др.

В числе авторов журнала доктор филологических наук, профессор Пензенского государственного университета *Т. В. Дубровская*, специалист в области судебного дискурса, в том числе его специфики в разных лингвокультурах. Так, например, одна из статей Т. В. Дубровской посвящена вопросам работы со словом и метаязыковой рефлексии в профессиональной деятельности юриста и основывается на материале русских, английских и австралийских судебных заседаний.

Нашими постоянными авторами являются также доктор филологических наук, профессор *О. С. Зубкова* (Курский государственный университет) и ее ученики. Основная сфера научных интересов О. С. Зубковой — лингвосемиотические аспекты изучения профессиональной метафоры.

Многочисленные статьи, опубликованные в журнале доктором филологических наук, профессором Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск) *Н. Н. Кошкаровой*, посвящены вопросам языковой личности политиков, концепту «диалог» в политическом интервью межкультурного уровня, существующим тенденциям в современной журналистике.

На протяжении многих лет с журналом сотрудничает доктор филологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова *Т. Б. Назарова*, автор трудов в области лексикологии и лексикографии, лингвистической и филологической семиотики, современного англоязычного бизнес-дискурса, английского языка делового общения.

Рубрика «Переводоведение» появилась во многом благодаря интересу к журналу кандидата филологических наук, руководителя Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения» *О. В. Петровой* и доктора филологических наук, заведующего кафедрой теории и практики английского языка и перевода, председателя Правления Союза переводчиков России *В. В. Сдобникова* (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова). В статьях О. В. Петровой на материале студенческих переводов анализируются причины непонимания студентами текста оригинала и неспособности извлекать смысл из текстового сообщения и удерживать его в памяти, обосновать

вызывается необходимость целенаправленно заниматься развитием у студентов навыков восприятия и порождения речи, в том числе на родном языке. В. В. Сдобников рассматривает в своих статьях вопросы, связанные с психолингвистическим подходом к исследованию этапов процесса перевода и к выявлению причин переводческих ошибок, с психологическими аспектами перевода как посреднической деятельности и с критериями оценки качества перевода.

Доктор филологических наук, профессор *Н. Н. Панченко* (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), сферой профессиональных интересов которой являются лингвоконцептология, когнитивная лингвистика, теория коммуникации, теория дискурса, также в числе авторов журнала. Ее статьи посвящены типам скептического коммуникативного поведения и проблемам фейк-новости, рассматриваемой в аспекте достоверности.

Постоянный автор журнала — доктор филологических наук *С. Е. Рахманкулова* (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова). Ее статьи затрагивают проблемы функционально-когнитивного изучения синтаксиса, межъязыкового взаимодействия и языковой интерференции. В последние годы большой интерес вызывают статьи С. Е. Рахманкуловой, где рассматривается использование функционально-когнитивного подхода к обучению синтаксису иноязычной речи, а также лингводидактические аспекты преодоления узуальной синтаксической интерференции.

В журнале регулярно появляются статьи доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника, заведующего отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН *К. Я. Сигала*, специалиста в области общего и русского языкознания, в сферу научных интересов которого входят теория эксперимента в лингвистике, синтаксис, пунктуация, метаязыковые и эстетические аспекты речевой деятельности. Его статьи посвящены проблемам словосочетания как формы опосредования прагматических интенций говорящего, в том числе автором уточняется статус понятия «анафорическое отношение» на материале двухкомпонентных сочинительных конструкций.

В статьях доктора филологических наук, профессора *Т. Н. Синековой* (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова) рассматриваются вопросы разработки интерактивных синтаксических классификаций, обладающих прогностическим потенциалом относительно экстралингвистических коррелятов. Опубликована также серия статей, посвященных описанию результатов экспериментальных исследований, целью которых являлось выявление затруднений в речи студентов на родном и иностранных языках.

Признанный специалист в таких областях, как лексикология, лингвистика текста, когнитивная лингвистика и теория языка, доктор филологических наук, профессор *Н. Е. Сулименко* (РГПУ имени А. И. Герцена) поднимала на страницах журнала вопросы, связанные с видами стратегий в лексическом структурировании текста и преемственностью форм социально-речевого общения.

Постоянными авторами журнала на протяжении многих лет были доктор филологических наук, профессор *Т. Ю. Тамерьян* (Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова) и ее ученики. В статьях обсуждались такие актуальные проблемы, как методы изучения языкового сознания, структура модели мира, лингвопрагматический подход к моделированию межкультурной коммуникации, пути преодоления языковой интерференции и другие.

Доктор филологических наук, профессор *Ю. М. Трофимова* (Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева) также неоднократно размещала свои научные статьи на страницах журнала. Будучи специалистом в области сравнительного языкознания и лингвистики текста, Ю. М. Трофимова опубликовала работы, связанные с различными аспектами функционирования поэтического и научного текста.

Статьи доктора филологических наук, профессора, академика РАН, создателя научной школы семантики германских языков *Н. А. Шехтмана* (Оренбургский государственный педагогический университет), широко известного своими работами в области лексикологии и семантики, знакомят читателей журнала с проблемами выводных знаний как компонента смысловой структуры текста и языковой репрезентации категории времени в повествовании и нарративе.

Интересным опытом стало сотрудничество журнала со специалистами, представляющими смежные с лингвистикой области знания. Редколлегия благодарит за актуальные статьи в области физиологических аспектов речевой деятельности доктора биологических наук, профессора *С. А. Полевою* (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского), кандидата психологических наук, научного сотрудника лаборатории психофизиологии им. В. Б. Швыркова Института психологии РАН *А. В. Бахчину* и их коллег.

В разные годы на страницах журнала публиковали свои работы ведущие в различных областях лингвистики ученые: доктор филологических наук *О. Б. Абакумова* (Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева), доктор филологических наук *Л. С. Абросимова* (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону), доктор филологических наук, профессор *О. А. Алимуратов* (Пятигорский государственный лин-

гвистический университет), доктор филологических наук, профессор *С. П. Анохина* (Тольяттинский государственный университет), доктор филологических наук, профессор *Е. Г. Брунова* (Тюменский государственный университет), доктор филологических наук, профессор *Л. О. Бутакова* (Омский государственный университет), доктор филологических наук, профессор *Т. А. Гордеева* (Пензенский государственный университет), доктор филологических наук, профессор *Е. Ю. Ильинова* (Волгоградский государственный университет), доктор филологических наук, профессор *В. В. Катермина* (Кубанский государственный университет), доктор филологических наук *Г. В. Кукуева* (Алтайская государственная педагогическая академия), доктор философских наук *С. И. Масалова* (Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования), доктор педагогических наук, профессор *Л. А. Милованова* (Волгоградский государственный педагогический университет), доктор филологических наук, профессор *А. Н. Морозова* (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия), доктор филологических наук, профессор *Н. В. Орлова* (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского), доктор филологических наук, профессор *Т. В. Романова* (НИУ ВШЭ — Нижний Новгород), доктор филологических наук *Н. Г. Складорова* (Южный федеральный университет) и многие другие авторы.

Редколлегия благодарит известных и начинающих ученых, поздравляет с юбилеем журнала и надеется на продолжение плодотворного сотрудничества.

Т. Н. Синеокова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Боровкова Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры перевода и профессиональной коммуникации Воронежского государственного университета. E-mail: t.borovkova@bk.ru

Гусева Марина Алексеевна, студент Гуманитарного института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. E-mail: marina-guseva@mail.ru

Иванов Андрей Владимирович, доктор филологических наук, профессор, руководитель Международной научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные лингвистические исследования» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: holzmann2014@yandex.ru

Иванова Римма Анваровна, кандидат филологических наук, доцент, директор Института дистанционного обучения Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: holzmann2009@yandex.ru

Княжева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации Воронежского государственного университета. E-mail: knel@cs.vsu.ru

Коняхина Людмила Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков в сфере права, экономики и управления Удмуртского государственного университета. E-mail: l.konyakhina@mail.ru

Куклина Полина Сергеевна, студент Гуманитарного института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. E-mail: kuklina.po@mail.ru

Кузьмин Олег Игоревич, аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета. E-mail: oleg.kuzmin.999@mail.ru

Лещева Людмила Модестовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей лингвистики Минского государственного лингвистического университета. E-mail: lescheva9@gmail.com

Пивень (Никитина) Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: irene.nikitina@gmail.com

Пономаренко Екатерина Петровна, старший преподаватель Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова. E-mail: catper@mail.ru

Родионова Мария Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: maria.y.rodionova@gmail.com

Савицкая Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Самарского государственного социально-педагогического университета. E-mail: lampasha90@mail.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, член Российского профессорского собрания (Свидетельство № 64), член-корреспондент РАЕ. E-mail: fedulenkova@list.ru

Шамова Надежда Александровна, аспирант кафедры зарубежной филологии Ивановского государственного университета. E-mail: sh941@mail.ru

Шатских Марина Викторовна, соискатель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета. E-mail: marineska.simf@gmail.com

Яковлева Лора Вильгельмовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере права, экономики и управления Удмуртского государственного университета. E-mail: lora2007.61@mail.ru

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 1 (53)

Редакторы:
Н. С. Чистякова
Ю. А. Белякова

Подписано в печать 31.03.2021. Формат 60х90 1/16.
Печ. л. 11. Тираж 500 экз.
Цена договорная. Заказ 9853.

Типография НГЛУ
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а